

A woman with long dark hair is shown from the chest up, wearing a red off-the-shoulder sweater. She is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a solid teal color.

всего
лишь
притворство.

моя

мрачно-эротический любовный роман

ОБРИ ДАРК

Данная книга
предназначена только для
предварительного
ознакомления! Просим вас
удалить этот файл с
жесткого диска после
прочтения. Спасибо.

Обри Дарк «Моя»

*Оригинальное название: Aubrey Dark
«Mine» (Bad Boys Novels #2) 2014*
*Обри Дарк «Моя» (Bad Boys Novels #2),
2015*

Переводчик: Иванна Иванова
Редактор: Наташа Костешева

Вычитка: Рина Софина
Оформление: Иванна Иванова
Обложка: Lesia Sinichnikova

Перевод группы:
http://vk.com/fashionable_library

*Любое копирование и
распространение
ЗАПРЕЩЕНО!*

*Пожалуйста, уважайте
чужой труд!*

Аннотация

Она еще не знает этого, но она
уже моя.

Все они.

Они плачут. Они кричат. Они

выпрашивают свои жизни.

Правда, в том, что все они носят маски. Даже я.

Просто я — единственный, кто не боится посмотреть на то, что находится внизу.

Мои руки связаны за спиной. На тот случай, если бы я смогла освободиться, я заперта в библиотеке пластического хирурга.

Он находится в соседней комнате.

Убивает кого-то.

И если бы я сказала, что хотела, чтобы он позволил мне уйти, то это

было бы ложью.

Примечания автора: Это — темный любовный роман со зрелыми темами, которые могут причинить некоторым читателям неудобства.

Оглавление

Обри Дарк

Любое копирование и распространение
ЗАПРЕЩЕНО!

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Эпилог](#)

Имена ничего не значат, а тем более мое. Зовите меня Риен.

Люди приезжают ко мне ради пластических операций, и я вырезаю все ненастоящее прямо из них. И это вовсе не моя вина, что иногда, когда я это делаю, от них ничего не остается.

Я оставил свою семью давным-давно. Они были плохими людьми. Может быть, даже хуже, чем я, если это вообще возможно. Но я ничего не имею против своего прошлого. Все, что имеет значение — настоящее. И моя жизнь идеальна.

Абсолютно идеальна.

Глава 1

Риен.

Человек на операционном столе тихо застонал и пошевелился. Его глаза все еще были закрыты. Синяя пластмассовая кепка покрывала его волосы, а синяя пластиковая простыня — тело. Единственными его незащищенными местами были лицо и грудь. Ремни крепко держали его.

— Он почти проснулся, — сказал Гейб. Он стоял по другую сторону операционного стола.

— Не мог бы ты подать мне шприц?

Гейб наклонился и протянул мне шприц. Я воткнул его в запястье человека. Теперь, когда он был привязан к столу с кляпом во рту, я мог аккуратно вывести его из-под наркоза.

Было раннее утро, операционная освещена тускло, как раз как мне нравится. Легкий джаз от стереосистемы плыл в воздухе через всю комнату. Музыкальное сопровождение для убийства.

Глаза мужчины открылись, когда в его вены проник стимулятор. Он посмотрел на меня, а затем попытался подвигать своей рукой. Конечно же, он этого сделать не

СМОГ.

— Что это за ремни? — спросил Гейб.

— Стандартный нейлон, — ответил я. — Я получаю их от оптового онлайн-торговца медицинского оборудования.

— Хм. Не кожа?

— Ты же знаешь, я раньше использовал кожу. Но из нее тяжелее выводить кровь.

— Верно. Я забыл, что ты заполучаешь их, когда они еще находятся в сознании.

Мужчина с подозрением сверкнул глазами на меня и на Гейба. Я видел, как страх начал проявляться на его лице. Он знал,

что это не было нормальным рабочим процессом для пластической операции. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я протолкнул кляп еще глубже, чем он был.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Это просто знакомый. Он будет задействован в операции. Надеюсь, вы не возражаете.

Мужчина нахмурился и что-то крикнул в кляп.

— Извини, Боб. Я не слышу тебя.

— Его имя Боб? — переспросил Гейб.

— Какая разница? Он все равно

умрет через несколько минут.

Боб вскрикнул в ткань. А я повернулся к Гейбу.

— Нейлоновые ремни. Я могу предложить тебе несколько, если будет нужно. Если решишь вернуться в бизнес.

Гейб вздохнул и посмотрел на человека, лежащего на столе. Боб попытался говорить, но затычка в его глотке сделала это практически невозможным. Если бы я по его лицу должен был определить, что он пытался сказать, я бы предположил, что он умолял.

— Буду иметь в виду, — сказал он. — Но на самом деле, на этот раз я ухожу не зря.

— Уходишь из-за девчонки? Скажи, что это не так, Габриель. Из-за девчонки?

— Ты не знаешь ее, — улыбнувшись, сказал он. Он протянул самый большой скальпель, для начального пореза.

— Хочешь быть хозяином дома, принимающим гостей? — спросил я.

Гейб смотрел вниз на Боба, который к этому времени уже осознал, что не получит тот вид обслуживания клиентов, который мужчины его статуса обычно получали в результате пластической операции. Его приглушенные вопли еще громче пробивались сквозь кляп.

Я взял пульт от стерео и сделал музыку громче. Стройный барабанный бой и тревожный низкий джазовый звук саксофона.

— Я, наверно, не должен этого делать, — сказал Гейб. Его язык облизнул нижнюю губу, и я знал, чего он хотел.

— Давай. Просто небольшой надрез. Ты не можешь сейчас передумать.

— Риен...

— Это даже не похоже на его убийство. Просто надрез.

— Ладно. Не говори Кэт.

— Не говорить Кэт что?

— Именно.

Гейб покрутил скальпель в руке

и опустил лезвие к коже. Приглушенные крики Боба превратились в пронзительный визг, когда Гейб провел скальпелем по его волосяному покрову. Кровь стекала по обе стороны лица человека. Я протолкнул затычку во рту еще дальше, и он захлебнулся в крике.

— Боже, как хорошо, — сказал Гейб. Бусинки пота блестели на его верхней губе. Он посмотрел вниз на скальпель, с которого капала кровь, и предложил его мне. Я улыбнулся и покачал головой.

— Не останавливайся. Нам нужен разрез грудной клетки.

— Я не могу сделать все это. —

Он хотел. Ох как хотел.

— У меня есть еще парочка на завтра, — сказал я, отклонив скальпель. — Пожалуйста.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Что это?

— Это? — спросил я, держа в руках пилу. — Медицинская пила, изъятая полицией Лос-Анджелеса. Джейк заполучил ее для меня.

— Он все еще в игре?

— Все, все еще в игре, Гейб. Все, кроме тебя.

— Да-да, я знаю. Заткнись.

Гейб переместился ниже по груди мужчины, игнорируя его крики. В то время как он резал кожу,

я использовал пинцет и оттягивал ее, закрепляя специальным устройством, чтобы рана оставалась открытой. Сердце человека билось быстро. Почти в такт с высокими нотами песни. Возможно, сделав несколько порезов, мы бы добрались до него.

Я ждал, поскольку Гейб совершал свое волшебство, разрезая сухожилия и жир. Он был щепетильным хирургом. Почти таким же хорошим, как и я. Жаль, что он оставил работу. Честно. Но, тем не менее, я понимал его. После такого количества жертв иногда нужен перерыв, чтобы, так сказать,

вновь разжечь страсть к работе. И все же я сомневался, что он уйдет навсегда. Потому что он был слишком хорошим убийцей, чтобы все бросить.

— Вот, заberi, — сказал Гейб, опуская скальпель на пластиковый щит. — Я не могу прикончить его.

— Оу, Серьезно?

— Серьезно, — вздохнул он.

— Эта девчонка на самом деле запустила в тебя коготки, — сказал я, беря скальпель и вращая его между своих пальцев. — Заставляя тебя испытывать ломку, похожую на это.

— Она — ангел, — сказал Гейб. Искренность расцвела на его лице. Он был таким беззащитным

серийным убийцей. И я мог прочесть его лицо, как медицинский учебник.

— Ангел? Серьезно?

— Я люблю ее. И доверяю ей.

Я рассмеялся.

— Ты никому не можешь доверять. Даже женщине. Особенно женщине.

— Она спасла мою жизнь.

— Ого? Следовательно, мне стоит винить ее в нашей продолжительной дружбе, — усмехнулся я. — Когда я смогу встретиться с ней?

Гейб неуверенно посмотрел на меня.

— Ты не будешь преследовать

ее, — сказал он.

— Зачем, чтобы пофлиртовать с ней или убить?

— И то, и то.

— О, брось!

— Риен...

— Я не буду! Не буду! Ты же знаешь, я всего лишь хочу, чтобы ты был счастлив.

— Хм-м-м.

— И иногда извлечение сердца у человека делает тебя счастливым. Что в этом плохого?

Визг прорвался через кляп.

— Именно это я пытаюсь понять. Нужно ли мне продолжать... то, что я делаю, — сказал Гейб.

— Я говорю делать то, что

делает тебя счастливым. То, что ты любишь. И тогда тебе не надо будет работать ни дня, понимаешь? Но, если тебе потребуется перерыв от пребывания хорошим маленьким мальчиком, ты можешь прийти сюда, ко мне.

— Спасибо, Риен. Это, на самом деле, предусмотрительно с твоей стороны.

Я улыбнулся.

— В любое время.

Глава 2

Сара

Боже, я не хочу работать сегодня.

Бар, в котором я работала, пытаясь сводить концы с концами, являл собой дерьмовое углубление на пересечении La Brea и Sunset. Раньше это было местом начинающих актеров, которые болтались тут среди деревянных панелей, покрытых автографами кинозвезд и рок-музыкантов. Но сейчас здесь больше не было начинающих актеров, тут были только те, кто притворялись ими, на самом деле

работая в других хреновых местах. Это было самое дешевое место, в котором можно было заполучить снимки из Западного Голливуда, и именно поэтому только сюда приходили самые дешевые люди.

Я ненавидела слушать их самодовольный бред о том, насколько велик будет их следующий концерт. Я ненавидела свои обязанности, несмотря на то, что это была единственная работа на ближайшее время. Но больше всего я ненавидела очищать полы от рвоты в уборной, после того как там вырвет очередного фальшивого Эрнеста Хемингуэя собственным виски.

— Эй, Марк, — позвала я,

повернувшись к задней части бара. Я осмотрела этаж. Полдюжины людей, потягивающих напитки в баре, и только два стола были заняты.

— Почему ты здесь, Сара? Разве тебе не пришло сообщение от Марси?

— Что? Какое сообщение? — я вытащила свой телефон из кармана. — Никакого сообщения.

— Марси, ты, блядь, должна была отправить сообщение Саре! — крикнул он в сторону кухни жене.

— Я занята готовкой! — прокричала в ответ Марси.

— Какой готовкой? У нас два занятых столика.

— Иди нахрен, Марк! —
завопила Марси. — Может, уже
возьмешься за свою гребанную
работу и не будешь мешать мне
делать свою?

— Какая разница, — сказала я,
не желая вовлекать их в еще один
бесконечный спор. — Что она
должна была сообщить мне?

— Ты нам не нужна сегодня, —
ответил Марк.

— Что? — Мое сердце упало.
Неужели Бог услышал меня, когда я
сказала, что не хочу работать? Но я
вовсе не это имела в виду. Клянусь,
Господи, я вовсе не это имела в виду.
По моим подсчетам мне нужно было

еще пятьдесят баксов, чтобы закрыть аренду в конце недели.

Марк потрянул своей тряпкой в сторону клиентов.

— Просто у нас нет достаточной суммы денег, чтобы сотворить что-то стоящее. Ты понимаешь?

— А кто будет заправлять баром? — спросила я, взмахнув рукой в воздухе. Я не волновалась, но была близка к этому.

— Я, — ответил Марк. — Я буду заправлять баром.

— Ты на входе.

— И?

— Ты должен найти кого-нибудь кто будет стоять за стойкой бара. Или как еще завлечь клиентов?

— Никто не приходит, вот в чем, блядь, проблема, — произнес Марк. — Во всяком случае, к нам заходят несовершеннолетние beaners (оскорбительное американское слово, направленное на мексиканцев, что в приблизительном переводе, обозначает «пожиратели бобов»), которых я тут же вышвыриваю.

— Иисус, Марк. — Я не знаю, из-за чего расстроилась больше: из-за того, что он решил занять мое место на работе, или же из-за того, что он больше не скрывал от меня свой расизм.

— Вот твое расписание на следующую неделю, — сказал он,

передвинув мне бумаги через барскую стойку. Я просмотрела их.

— Ничего до пятницы? — паника взрывается внутри меня. О, Великий Боже. У тебя такое чувство юмора. Я на самом деле не смогу внести арендную плату, если не буду работать всю неделю. — Вы подгаживаете мне?

— Только на выходных мы получаем толпу.

— Даже в воскресенье? Что, если ввести «женскую ночь» во вторник? — сказала я, обдумывая в голове, как устроить это. — Такое обычно привлекает толпу.

— Такое обычно разоряет нас, — сказал Марк. — В другие ночи

никто не возвращается, а мы не может позволить себе устраивать другие.

— Черт, — произнесла я. — Черт.

— Знаю, — сочувственно сказал Марк. Он вновь оглянулся на кухонную дверь, после чего обошел стойку и вытащил полупустую литровую бутылку Джека Дэниелса.

— Вот, — произнес он, толкнув ко мне бутылку. — Увидимся в пятницу.

— Ты не можешь дать мне работу, но можешь напоить меня?

— Эй, если ты не хочешь...

— Я возьмусь, — сказала я, взяв

бутылку со стойки. — Думаю устроиться на другую работу по будням.

— Я дам тебе хорошие рекомендации, если потребуется, — произнес Марк. — Ты была отличным работником, не то что те нелегальные иммигранты, устраивающиеся к нам.

— Да какая разница, — буркнула я, отвернувшись и закатив глаза. — Увидимся в пятницу.

Я шла вниз по улице как в тумане, не имея никакого понятия, как заработать деньги на аренду. Штраф за просрочку был сущей ерундой в сто долларов, и я не могла позволить себе заплатить его поверх

гребанной аренды.

— Ну, нафиг все, — произнесла я, открутив крышку с бутылки Джека. Если у меня нет работы, то теперь, по крайней мере, я могла напиться.

Иногда я завидовала всем психам на улицах Лос-Анджелеса. Они могли делать то, что хотели, не выдавая себя за тех, кем не являлись. Я сделала еще один глоток Джека, наблюдая за тем, как мужчина, одетый в трико и крылья феи, прошел мимо меня, напевая себе под нос.

Я уже была на улице. Это не было забавой, но и не было

фальшивкой. Только то, чем я торговала.

В течение краткой секунды, я думала о звонке своей матери, когда она попросила еще налички, которую я уже отправила ей в этом месяце. Но нет. Я не могла попросить ее вернуть мне деньги. В последний раз я узнала, что она держится на плаву, пытаясь отправить мою сестру в колледж.

Моя младшая сестра получает степень. Замечательно. Возможно, кто-то в моей идиотской семье смог бы чего-нибудь добиться. Конечно, не я — неудавшаяся актриса, неудавшийся бармен. Но моя мама всегда говорила, что гордится. И мне

было жаль, что я не могу сделать ничего, чем бы она могла гордиться. Бар расположился достаточно низко на том конце.

Мой телефон зазвонил. Это был Блейз. Дерьмо. Я погримасничала, прежде чем прислонить телефон к уху.

— Эй, милая, чем займешься сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Да. Я сумел зарезервировать Bertesci's. Отличное место и мой отец знает владельца. Так что скажешь? В семь?

Я пообещала себе, что больше никуда никогда с ним не пойду. Он

был мудаком класса А, прекрасным Голливудом. Настолько самовлюбленным, что его это выпирало из ушей.

Но — эй! — это был ужин, и мне нужны были деньги на аренду. Я призвала призраков Станиславского и Мейснера. Мне нужны были все мои актерские способности, чтобы я не раздала ему пощечин, до того как придут закуски.

— Я хотела бы!

— Замечательно, — сказал он. — Надень что-нибудь узкое. Но не такое поношенное платье, как то, которое ты надела, когда мы были вместе в последний раз. Это крутое место.

Не уверена, что ужин стоил того. Но я стиснула зубы и примерила самый радостный и счастливый свой голос:

— Конечно, Блейз, не могу дождаться.

Риен

Я смотрел вниз, на грудь Боба. Его сердце колотилось; оно уже обогнало ритм песни. Взглянул ему в лицо и улыбнулся.

— Мне жаль, что мы не сможем узнать друг друга получше, Боб, — сказал я. — У нас даже еще не было нормальной беседы. Я, как правило,

веду себя лучше. Врачебный такт, Боб. Но у меня есть и другой клиент, поэтому мы должны закончить быстро.

Зрачки мужчины расширились, и его крики превратились в один пронзительный вой в кляп. Его тело, под нейлоновыми ремнями, скорчилось, но они держали крепко. Хорошие ремни. И не особо дорогие.

Я посмотрел вниз, на сердце. Клубок из толстых вен и артерий окружили бьющуюся мышцу.

— Что порезать? — спросил Гэв, подмигивая. — Сотвори шоу, — попросил он. — Я не видел крови долгое время.

— Конечно, — сказал я,

нагнувшись, чтобы найти основные артериальные сосуды. Я опустил клинок вниз и щелчком поднял его вверх, посылая брызги густой крови в воздух над операционным столом. Крик человека исчез, когда его кровь вновь брызнула вместе с концевкой джаза, выкачивая из него жизнь. — Как ублюдочный фонтан Белладжио (пятизвездочный отель-казино, расположенный на бульваре Las Vegas Strip, Лас-Вегас, штат Невада, США. Принадлежит компании MGM Resorts International. Главной достопримечательностью является музыкальный фонтан, расположенный перед зданием

отеля.)?

— Прекрасно, — произнес Гэв. Его лицо сияло от удовольствия. — Спасибо, что позволил мне посидеть.

— В любое время, приятель, — ответил я. — Для чего еще нужны друзья?

Глава 3

Сара

— Голливуд такая фальшивка, тебе так не кажется? — Блейз облокотился на стол, наполняя мой бокал каким-то смешением Пино Нуар, которое купил, чтобы на сей раз произвести на меня впечатление. Я уже начинала думать, что ему понравилось флиртовать ссоммелье¹.

— Ммм, — промычала в знак согласия. Честно, я не могла рассуждать о Версальском Мерло, исходя из двухдолларого Чака². Все это одинаково для меня.

Что замечательно, ведь сама я на собственные десять центов не смогу позволить купить себе выпивку, вроде двухдолларого Чака или типа того. Поэтому я улыбаюсь и киваю, позволяя ребятам брать себя в дорогие рестораны, если они того хотели. А Блейз хотел. Не думаю, что он когда-то обедал в месте, где не было
служащего,
специализированного на парковке машин.

— Все эти поддельные актрисы и модели, думающие, что они крутые, напыщенно крутящиеся вокруг, как горячее дерьмо. Но на самом деле, они не такие, — сказал

он, размахивая бутылкой вина в воздухе, чтобы привлечь внимание. — Вот почему мне нравишься ты, Сара.

Серьезно?

— Потому что я не крутая?

— Потому что ты не притворяешься крутой, — сказал он. — Ты не изображаешь из себя худое, красивое совершенное существо.

— Это... немного грубо, Блейз. Обидно, на самом деле. — Что за парни в наше время? Они чувствовали, что должны подавить девушек, пока те не станут пускать слюни по ним. Я ненавидела это.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал он. — Я увидел одну

девушку в узком платье сегодня на Санта-Монике: отбеленные светлые волосы, ноги, как зубочистки, сиськи вот такие! — Он держал руки перед собой. — Как она думает, какое впечатление она производит?

— Она произвела на тебя впечатление, верно?

— Ты знаешь, о чем я. Я хочу сказать, что в этом городе слишком много фальшивых людей.

— Хм-м. Ты тоже фальшивый?

— Я? — Блейз выглядел обиженным. — Надеюсь, нет. Что думаешь ты?

Я пожала плечами.

— Не думаю, что знаю тебя

достаточно хорошо, чтобы сказать тебе, что ты фальшивка, на тот случай, если это так.

— Сара! Мне больно.

— Почему? Это всего лишь наше третье свидание.

— Ты не можешь назвать разницу между мной и абсолютными фальшивками? Я думал, ты в состоянии определить это сразу. И я знаю, что способен определить подделку в этом городе прямо сейчас. Мой отец работает с огромным количеством жуликов. Все они пытаются получить что-то от тебя. Все абсолютные фальшивки.

— Я не знаю, — ответила я, покачивая вино в бокале. После

потери регулярно оплачиваемой работы я начала задумываться, стоило ли мне в первую очередь приезжать в ЛА. Каждый парень, которого я встречала здесь, напоминал мне Блейза. — Ты правда знаешь кого-то такого?

— Это начинающая актриса в твоей болтовне? Разве все мы не носим маски?

— Ну да, отчасти, — сказала я. — То есть, даже ты?

— Серьезно? Ты задала этот вопрос серьезно?

— Конечно. Почему нет?

— Почему нет? — прошипел Блейз. — Я не фальшивка.

Я думала, что с его стороны глупо отрицать, что-то настолько очевидное. Большинство людей в Голливуде были подделками. Черт, за эти годы я не сделала ничего настоящего. Никаких настоящих отношений. Никакой настоящей дружбы. Даже горшочек с растением на моем балконе был фальшивкой. Я этого не скрывала. Голливуд даже близко с настоящим не стоял.

— Ты никогда не притворяешься? — спросила я. — Даже не притворяешься, что любишь кого-то? Или когда ведешь себя, словно тебе не больно?

— Нет! Это то же самое, что и

ложь.

— Значит, когда чайка насрала мне на голову на нашем втором свидании и ты сказал, что тебя это не беспокоит, когда я его стерла, даже при том, что ты продолжал пялиться на пятно все то время, что делало очевидным, что тебя это волнует...

— Это другое. Быть милым и притворяться — разные вещи.

— Нет, если ты притворяешься милым.

— Ты знаешь, что я имею в виду!
— воскликнул он в раздражении.

Ладно, Блейз был идиотом. Первые два свидания я думала, что его пренебрежительные оскорбления и идиотские замечания результат

волнения. Это было наше третье свидание, хоть и не лучшее. И позорное. Парень был симпатичным. Высокомерным и глупый, но симпатичным.

Его телефон зажужжал, и он потянулся, чтобы проверить его.

— Извини, это по работе, — сказал он, нажав на свой телефон. Я не знаю, было ли это еще одной уловкой, чтобы произвести на меня впечатление, или он на самом деле был трудоголиком, ведь он каждый раз должен был проверить свою электронную почту, как только туда попадало новое сообщение. Чем он занимался? Какая-то работа в сфере

торговли в одной из главных студий, смутно помнила я. Его отец взял его на работу. И купил машину, чтобы ездить вместе с ним.

Большинство людей в Голливуде спали со всеми, кто работал в студиях. Они использовали секс, чтобы быть лучшими на прослушивании, получить лучшую часть, лучшую зарплату. Главная проблема с сексом со всеми подряд в Голливуде заключается в том, что люди думают, что ты спишь со всеми подряд по неправильным причинам, а не просто, знаешь, спишь со всеми подряд. Но мне нравился секс. Бывает, когда я говорю о своем последнем свидании, подруга

слушает меня и понимающе кивает. Все они думают, что я ложусь с мужчинами в постель, чтобы продвинуться.

Истина заключается в том, что я никогда не занималась сексом с теми, с кем не хотела. Не могла позволить себе этого, ни разу.

Но ни один парень, с которым я спала, не впечатлил меня. Не то чтобы они все были порнозвездами вытворяющие сумасшедшее странное дерьмо. В любом случае, парни Голливуда были ванильными для меня. Я хотела настоящего секса, такого, где вы всеми способами доставите друг другу удовольствие.

Все же парни ЛА странно зависли на сексе. Они хотели трахаться только в тех позициях, в которых выглядели привлекательно. Не хотели становиться грязными. Им было необходимо, чтобы волосы оставались стильными и совершенными. Это было важнее, чем хороший секс.

Взять, например, Блейза. Он может стать богом секса. Вот почему я позволила ему забрать меня в клубе. У него была внешность и телосложение, не подходящее для кинозвезды, но лучше, чем у большинства. И действительно большие руки. Я надеялась, что это означало то, что обычно значит.

Я представила эти выпуклые мускулы — обнаженные и обмазанные — и грудь — широкую и тяжелую, извивающуюся на шелковых простынях, когда мы обвиваем друг друга. Его крупные руки обхватили мои запястья и придавили, пока он трахал меня так, что с потолка сыплется штукатурка.

Было уже три свидания, но он пока ещё не сделал ничего, помимо поцелуя на ночь. Я бы попыталась получить от него больше. Я бы позволила своей руке опуститься к переду его штанов в надежде, что там будет толстая эрекция, только и ждущая, как бы вырвать из-под

нижнего белья. Но нет. Ничего. Абсолютно ничего. Один поцелуй и «спокойной ночи».

Такое разочарование. Знаю, я не была каким-то совершенством, как и многие девчонки в Лос-Анджелесе — технический термин для обычненькой Джейн вроде меня — типичного персонажа, но я могла многое предложить парням, или думала, что могла. Но предполагаю, что для Блейза я была просто резервной девчонкой, которую он мог взять с собой на какое-нибудь отцовское предприятие при первой необходимости.

Я вытащила телефон и проверила свою электронную почту,

потягивая Пино Нуар, ожидая, когда Блейз прекратит пытаться произвести на меня впечатление своей преданностью к работе. Одно новое сообщение. Я просмотрела отправителя.

Кастинг-директор MGM³! Это, наверное, сообщение о моем последнем прослушивании. Невероятно вовремя. Мой агент затащил меня на этот слащавый кастинг на второстепенную роль новой телевизионной полицейской драмы. Роль была ради нахального агента под прикрытием на улицах Чикаго. Я арестовываю его. Это тоже было хорошей стороной.

Мое сердце начало учащенно биться, как только я открыла сообщение.

«Дорогая Сара Эверетт, мы с сожалением сообщаем вам...»

Бл*дь.

Дважды.

Я откинулась на стуле, просматривая остальную часть отказа. Стон сорвался с моих губ.

— В чем дело? — спросил Блейз, убирая телефон и запихивая в рот вилку с винегретом из козьего сыра и земляники. — Плохие нофости?

— Жуй с закрытым ртом, — раздраженно сказала я. Он поднял

брови, проглотив козий сыр.

— Не хмурься, — сказал он. — Это заставляет твой лоб морщиться. Получила плохие новости?

— Да, собственно говоря, — ответила я, опустив вино. — Я не получила роль в сериале. Я правда хотела ее. Хоть сценарий и нуждался в доработке, но, черт, я хотела ее.

— Все правда хотят ее. Понимаешь, о чем я?

— Черт, нет, но я думала, что все сделала хорошо. Не могу поверить, что не получила ее.

— Да-да. Все думают...

— Да пошел ты, — прервала его. Не было желания слушать его бред прямо сейчас.

— Что? — Блейз со звоном опустил вилку на тарелку. — Я просто пытаюсь заставить тебя чувствовать себя лучше.

— Знаешь, что? — сказала я. — В следующий раз, когда тебе захочется сказать мне что-то, что заставит меня почувствовать себя лучше — засунь себе в рот свой член.

Его рот широко открылся.

— Вот так, — произнесла я. — Только с большим толстым членом прямо... там.

Он шумно закрыл рот. Я принялась за салат и потянулась за еще одним куском хлеба к центру

стола. Если это свидание сходит с дистанции, мне нужно было срочно поесть. На сегодняшний ужин в моей дыре-квартире у меня ничего не осталось.

— Возможно, если бы у тебя был хороший агент, ты бы заполучила какие-нибудь роли, — сказал Блейз, недовольно сморщив лицо. Он не выглядел даже приблизительно красиво, когда хмурился.

— У меня есть агент.

— У тебя есть никому ненужный старикан, звонящий тебе, только когда кастинг-директора не могут добиться, чтобы кто-нибудь из D-списка пришел на прослушивание.

— Иди нахрен, — сказала я. —

Роджер замечательный. — Мне было жаль, что я не сказала Блейзу о своем агенте с самого начала. Или о прослушивании. Или обо всем. Это свидание было катастрофой с самого начала.

— Роджер — прошлое. Все в Голливуде знают это.

— Он отличный агент.

Он был отличным агентом. И я знала это. Но Роджер взял меня, когда я только-только приехала в Калифорнию, давал мне советы, помог с ночлежкой, пока я становилась на ноги. Я задолжала ему. Хоть после этой пробы и стала думать, что мне стоит перейти к

другому агенту. Просто не знаю, как сказать Роджеру. Это разобьет ему сердце.

— Может, тогда тебе стоит отправиться к нему на хер, — произнес Блейз.

— Может и стоит, ведь твой член, кажется, не работает.

— Ты что, бл*дь, издеваешься надо мной? — Вены на его висках пульсировали.

— А ты?

— Так вот в чем моя вина? В том, что я не предлагаю тебе перепихнуться? В том, что пытаюсь относиться к тебе, как к леди? Или ты хочешь, чтобы я трахнул тебя на первом же свидании, как никчемную

шлюху?

Это слово. Я схватилась за стол, стараясь не дать ему пощечину.

— Я могу принимать решения самостоятельно насчет того, трахнуться ли мне с тобой на первом свидании. Или на втором. Или на третьем. Но сейчас я даже не уверена в том, есть ли у тебя надлежащее оборудование там, внизу.

— Прекрасно! Увидишь, если вдруг я решу взять тебя на ужин снова! — сказал Блейз, швырнув салфетку на стол. Винный соммелье пришел с очередной заказанной для нас Блейзом бутылкой вина. Услышав наш разговор, он стал

отворачиваться. И я, схватив за фалды, вернула его обратно.

— Все в порядке, — произнесла. — Я уже ухожу, но уверена, что Блейз захочет оставить бутылку для себя. Может, вы двое смогли бы обсудить годы производства вина. Только вы вдвоем.

— Пошла ты, — прошипел Блейз. — Ты хреновая хочу-быть-актрисой вместе со своим хреновым хочу-быть-агентом, не умеющая ждать и выставляющая себя шлюхой.

— Продолжай покупать дорогие вина, — ответила я. — Может, все эти антиоксиданты помогут твоему члену стать больше. Или, может, ты просто пропьешь свои слезы.

— Ох... кхм, — подал голос соммелье.

— Пока. Надеюсь, у вас будет долгая и счастливая совместная жизнь, — сказала я.

— Ты такая же фальшивая, как и остальной Голливуд, — вспыхнул Блейз. Его лицо было свекольно-красным, а руки вцепились в скатерть. Я наклонилась и схватила багет хлеба из корзины, сунув его в сумку. Завтрак на завтра.

— Все мы фальшивые, — произнесла я. — Просто я единственная, кто не притворяется настоящей.

Глава 4

Сара

Я преодолела большую часть бутылки Джека Дэниелса, когда мой телефон зазвонил. Сощурилась, искоса глянув на экран. Звонил мой агент, Роджер.

На самом деле, на тот момент я не хотела говорить с ним, но, может, это было и к лучшему. Это прослушивание было последним моим колебанием в прошлом месяце. Если он не мог найти мне роль, возможно, настал момент, когда стоит перейти к другому агенту. Он был тупицей — может, Блейз был

все-таки прав насчет этого. Сделав глубокий вдох, я подняла трубку.

— Эй, Роджер, как дела? — спросила я.

— Сара, моя дорогая! — сказал он с преувеличенной радостью, которая, уверена, была поддельной. Его голос был пропитан виски, и я задалась вопросом, был ли он пьян сейчас. — Как прошло прослушивание?

— Я не получила ее, — произнесла я. — В смысле, прослушивание прошло хорошо. Думаю, роль не моя. Во всяком случае, диалог прошел неуклюже. Послушай, Роджер...

— Не бери в голову, — ответил

он. — У меня есть другая роль для тебя. Гарантированная.

— Гарантированная? — Я старалась не дать скептицизму проникнуть в мой голос. И старалась не давать расти крошечным лучам надежды в моем сердце. Если и есть в этом городе что-то вроде яда, то это надежды и мечты.

— Студия связалась со мной напрямую, — сказал он. — Спросили, есть ли у меня девочка, соответствующая заданным критериям. И ты подошла отлично по всем пунктам!

— Что это были за критерии?

— Они хотели лучшего

Классифицированного актера, который у меня был, — произнес он. — Ты должна полностью погрузиться в эту роль. Что-то вроде импровизации, и они сказали, что ты должна быть готова исполнять роль целый день. И я подумал: какой же Классифицированный сможет вести себя, как чемпион? Сара! Это должна быть она!

— Всего лишь день? — подозрительно спросила я.

— Завтра. Вот почему они связались со мной. Нужен был кто-то, кто сразу войдет в роль.

Думаю, ты имел в виду, что они хотели кого-то, кто был в отчаянном положении. Они должны были

восполнить тех, кто выбыл. Ну, я была в отчаянном положении.

— Я могу завтра, — сказала я. — Во сколько?

— Восемь утра. Ты встретишься с клиентом в кафе Starbucks прямо возле Paramount. Знаешь то, что находится на Ван-Несс-Авеню?

— Это роль в фильме студии Paramount?

— Они не говорили, но тот парень, что звонил мне. Он работает там.

Во мне начали мерцать небольшие всполохи надежды. Сделала глоток Джека, чтобы ослабить ее.

— Какая роль? У тебя есть другая информация? Что я должна надеть?

— К сожалению больше ничего. Звучит одноразово. Никакой долгосрочной перспективы.

— Уф. Фу-у.

— Если тебе неинтересно...

— Нет! Нет, — произнесла я. — Просто надеялась прийти туда подготовленной.

— Они сказали, что подготовят тебя на съемочной площадке, — сказал Роджер. Прозвучало уверенно, от чего я стала думать, что получила бы эту работу, появись я там просто так. Черт, да пусть это будет хоть

роль дополнительного статиста, они заплатят мне пятьдесят баксов, которые в другом случае я получила бы, убирая мусор с обеденных столиков. Тепло разлилось в груди, очень похожее на новообретенное чувство оптимизма. А может, Джек Дэниелс. В любом случае, я не против.

— Спасибо тебе большое, Роджер! — сказала я. — Дам тебе знать, как все пройдет.

— Конечно-конечно, — ответил он. Его внимание уже ослабевало. — Я буду отсутствовать на следующей неделе на конференции агентов, но уверен, что у тебя все пройдет отлично. — Спасибо еще раз, —

произнесла я. — Ты лучший.

— Это про меня, малышка. Эй.
Ни пуха, ни пера.

Риен

Наступило следующее утро, когда я занялся уборкой. Мне всегда спалось лучше, когда в доме было тело. Пусть даже мертвое.

Я взглянул на часы. Было только десять. Если бы я работал быстрее, смог бы взломать черепушку этого парня, да и к тому же осталось бы время на эпизод Шерлока, который бы я смотрел обедая. Отлично. Напевая басовую партию, я взял свой молоток, и, швырнув его в воздух,

перехватил в полуобороте другой рукой. Готов начать.

Джаз хорош для убийства, но уборка после всегда вводит меня в пост-рок настроение. Что-то с потусторонними битами, поддерживающими мои удары.

Многие серийные убийцы хранят после своих жертв трофеи. Гэв, чертов лодырь, никогда так не делал, но многие из нас все же делают. Некоторые берут драгоценности жертвы. Некоторые хранят пряди волос, ногти или пальцы. Я слышал про одного парня, который срезал по странице из комикса про Гарфилда из Нью-Йорк Таймс в тот день, когда убивал.

А я работал над скульптурой.

Внутри стеклянного шара, в моей приемной. Уверен, никто из моих пациентов понятия не имеет что это, ведь никто даже ни разу не прокомментировал. Думаю, пока ты подготавливаешься к тому, что твое лицо вот-вот вскроют, у тебя нет времени на рассматривание искусства.

Но, если бы они присмотрелись, то заметили бы, что пластиковая скульптура сделана из маленьких частей, словно фрактал. Каждая часть представляет собой тонкий лист из ткани.

В частности, человеческой

ткани.

А более конкретно: из ткани, которая составляет часть мозга, известная как клаустр⁴ум, небольшое количество серого вещества, которое включает и исключает наше сознание.

Верно. Я творю искусство из мозгов.

Мужской череп был уже раскроен на затылке, где Гэв произвел свой первый надрез. Я отодвинул в сторону срез и придавил его. Я видел хребет, где и хотел установить зубило. Поставил острый конец между пластинами черепа и нанес удар по нему деревянным

молотком. Пуф! Звук раскалывающегося надвое черепа был нереален. Как взлом грецкого ореха.

Я должен был быстро двигаться. Та часть, которую даже дети называли бы грубой для хирурга. С мозговым веществом трудно работать. Оно разваливается в руках, как дешевые подделки Джелло, обычно используемые в больницах. Но черепные плиты легко отодвинулись, и теперь я был близок. Федералы взяли бы зубы для доказательств. Но я не хотел зубы.

Я хотел свой трофей.

Глава 5

Сара

Кофешопы возле Paramount переполнены штамповыми писаками. Все они думают, что станут чем-то большим, и ошибаются. Восемьдесят процентов фильмов в наше время — продолжение или адаптация. Нет ничего нового под солнцем. Оригинальное и смелое не продается. Угнетает, но я пытаюсь не думать об этом слишком много. Я всегда думала, что если получу роль в «Форсаж 23: быстрее Сапсана», то смогу убедить сценаристов написать

более реальные диалоги. А не то ужасное дерьмо острот, которое продают в наше время.

Проходя через столы, переполненные лэптопами Apple и латанными на локтях куртками, я потянула ниже подол платья, высматривая человека, с которым должна была тут встретиться. Я надеялась, что он купит мне кофе, ведь я терпеть не могла переоцененный Латте.

Я мгновенное заметила его в глубине кофешопа. Он был единственным одетым в деловой костюм, и перед ним на столе виднелась кожаная сумка. Определенно не писатель. Я

отштукатурила улыбку и двинулась обратно.

— Привет, я Сара, — сказала я, скользя в кресло напротив него. Он выглядел возбужденным, почти злым.

— Встань обратно, — приказал он.

— Эм, конечно, — ответила, встав и держа руки по бокам. Он осмотрел меня сверху вниз, щурясь так, словно я была дыней, за которой он был послан в магазин.

— Хотите, чтобы я прочитала какие-то строчки? — спросила после нескольких секунд.

— Какого цвета Ваши глаза?

— Зеленого, — ответила я. Будто он не видел.

— Каштановые волосы, зеленые глаза. Я попросил голубые глаза. У вас их нет.

— Мне жаль, — произнесла я. — Но если это настолько важно для роли, я могла бы воспользоваться контактными линзами.

— Да, — сказал он, выглядя отвлеченным. На этом он не остановился, оглядывая меня, оценивая каждую часть. — Да, нам придется так и поступить. Я попросил большую, но... ты больше ее. Шире. В области бедер.

Роджер не сказал, что они

просили толстуху. Хотя, думаю, это имеет смысл.

— Спасибо, — ответила я, сжимая губы, чтобы не сболтнуть что-то саркастичное, что будет стоять мне роли. Я привыкла, что кастинг-директора комментируют мое тело, даже на роли соблазнительных девушек. — Я тоже могу содействовать.

— А? Ах. Да. Верно. Ты должна будешь заняться этим.

Он снова окинул меня взглядом с головы до ног и кивнул.

— У тебя получится.

— Спасибо, — снова произнесла я, скрипя зубами. — Роджер сказал, что это однодневное участие.

— Да, — ответил мужчина. — Мы начнем сейчас.

Он встал и зашагал к двери. Я последовала за ним. Купить мне кофе — для него слишком.

— Магазин с платьями находится вниз по улице, — сказал он. — Мы посмотрим, какую разницу сыграет одежда.

— Ладно. А что это за роль?

— Позже, — ответил он. — Я объясню позже.

— Хорошо, но я хотела бы знать, ну знаете, сколько платят, что нужно делать. Общие правила...

— Да-да, — он метнул быстрый взгляд в одну сторону улицы, и,

схватив меня за руку, пошел в другую. — Позже. Мой парень сказал, что ты квалифицированная актриса.

— Правильно, — ответила я, чувствуя невероятную гордость. Я была не просто круглолицей девчонкой с каштановыми волосами. Я была пухленькой шатенкой, серьезно рассматривающей свои обязанности.

Мы быстро направились вниз по улице к магазину с платьями, остановившись у аптеки, чтобы взять какие-то дешевые цветные линзы. Хотелось бы сказать, что утро в ЛА было освежающим, но запах мочи срывается с дорожек, как только

поднимается солнце. А мужчина не может перестать оглядываться через плечо.

— У Вас есть сталкер? — спросила я.

— Прости? — На его лице застыло что-то вроде страха.

— У Вас есть сталкер? Вы оглядываетесь на каждом углу, и я подумала, что возможно, к нам присоединится Ваша бывшая жена с ножом.

Клянусь Богом, лицо парня стало мертвенно-бледным. Он выглядел так, словно только что увидел привидение. Что это было за задание? Я стала вновь

пересматривать работу с Роджером, как с агентом.

— Давай зайдём внутрь, — сказал он, кашляя через слово и избегая моего пронзительного любопытного взгляда.

— Сюда? — спросила, глядя на электронную витрину. Это был один из самых дорогих магазинов пошива одежды высокого класса в Западном Голливуде. Не дисконтный костюм с установленной скидкой, к которым я привыкла, когда играла массовку. Уровень моего любопытства возрос на отметку.

— Сюда.

Я, наверное, перемерила каждое платье, которое было в магазине, и

еще парочку спрятанных за прилавком. Продавщица разливалась насчет каждого, но мужчина, стоящий, напротив примерочной, критически скрестив руки на груди, отвергал одно за другим.

— Слишком сексуально.

— Слишком смело.

— Не ее стиль.

Я хотела спросить: «кем она была?», та, которую я должна буду сыграть. У меня мелькнула мысль, что, возможно, этот парень хотел взять меня, чтобы я побыла его эскортом. Это объяснило бы, почему он наряжает меня в такую крутую одежду.

— Вот это. Оно превосходное.

Я посмотрела в зеркало примерочной. Должна согласиться с ним. Платье было темным с вырезом воротника лодочкой. Оно доходило до бедер, чуть выше колен, и свободно обнимал изгиб моих ног, подчеркивая мою фигуру в форме песочных часов. Платье было короче, чем обычно. Я повернулась боком, прихорашиваясь. То, что нужно для прослушивания. Крутое, но не показушное. Сексуальное, но не развратное. Превосходно.

— Этот пояс прекрасно подойдет, — сказала консультант, закрепляя на моей талии золотой

плетенный узорчатый ремешок. Он тихо щелкнул, сев на ткань.

— Мы возьмем его, — решительно произнес мужчина.

— У Вас есть подходящие серьги? — Консультант юркнула прочь, отправившись на их поиски.

— Серьги? — переспросил мужчина, нахмурившись. — Не знаю, носит ли она серьги.

— Поверьте мне, носит, — ответила я. Я не знала, кого буду играть, но была уверена, что если она носит такое платье, то и серьги наверняка надевает.

— Отлично, — проворчал он. — Оставь платье и сними этикетки.

Он достал кредитку, оставив ее

на кассе. Я повернулась в платье боком, заправляя волосы. А на то время, когда продавщица пробила покупки, он пошел сделать телефонный звонок.

— Все готово?

Он протянул руку, и я сунула свою в сгиб его локтя. Так, что если я буду исполнять роль эскорта? Я могла войти в эту роль. В любую роль.

Снаружи, рядом с магазином, стоял черный «Седан».

— Это наш транспорт, — сказал мужчина, открывая дверь. — Залезай.

На мгновение я заколебалась.

Разве это не начало фильма ужасов? Женщина садится в черный «Седан» без всяких опознавательных знаков с каким-то богатым парнем, которого даже не знает? Этот парень даже не назвал мне своего имени. Что, если он не из Paramount? Что если он везет меня в лес, чтобы убить, а после носить мою кожу? Ладно-ладно, у меня было богатое воображение, но все же.

— Я все объясню, — произнес мужчина, постукивая пальцем по бедру. — По дороге.

— Слушай, я просто хочу узнать, сколько мне заплатят, — ответила я. Роль массовки за пятьдесят долларов не стоила такого риска, даже при

том, что мне было любопытно кто этот парень, я должна была уйти и найти другую работу.

— Тысяча долларов, — проговорил он. — Наличкой.

— Тогда ладно, — согласилась я, скользнув на заднее сидение, прежде чем он успеет передумать. Я не знала, что делаю, но Роджер только что дал мне самую большую выручку, которую я когда-либо имела. И если этот парень окажется убийцей, ну может, я смогу сбежать и продать эту историю на сценарий. Беспроигрышно.

Глава 6

Риен

Я рассекал мозг, отделяя внешний слой. Опускаясь к клауструму в нижнюю часть коры головного мозга. Прямо в центр мозга. На самом деле, просто удивительно как наши тела пытаются защитить нас от смерти.

Использую небольшой скальп, чтобы отделить маленький изогнутый кусочек ткани мозга. Нежно-нежно я опустил центр сознания Боба на металлический хирургический стол. Это был прекрасный экземпляр — ткань

тонкая и безупречная, как и любая другая, с которой я сталкивался. Я улыбнулся.

Наверное, Боб был типичным бизнесменом Лос-Анджелеса. Лживее трехдолларовой купюры. Его костюм был дешевой подделкой Армани. Я даже не мог отправить вместе с ним мусор вниз в мусоросжигатель. Но он, должно быть, связался не с теми людьми.

Ты попадешь ко мне, только если свяжешься с неправильными людьми.

Небольшая часть мозга отправилась в баночку с формальдегидом. Я взял тело Боба и отправил его в мусоросжигатель,

хирургическая занавесь последовала за ним. Вы, наверное, думаете, что запах горелой человеческой плоти ужасен, но гораздо хуже запах горелой полимерной пленки. Я поджег, истончающие аромат ванили свечи и вернулся к работе над трофеем.

Мозговая ткань была готова, и я, надев перчатки, вытащил ее из формальдегида. Следующий шаг был сложнее. Я положил ткань в ванночку с ацетоном и сунул ее в морозилку. Ацетон высосет все органические вещества, заменив их собой. Для этого потребуется время, но у меня были и другие дела.

Что-то вроде очистки крови.

Песня, играющая на стерео, перешла в более быстрый ритм, и я подстроился под музыку, вытащив совершенно новую швабру из шкафа. Отбеливатель, вода и хорошая уборка. Запах хлорки, смешанный с ванилью. Стерильно, но по-домашнему. Такое сочетание мне понравилось. Швабра растерла кровь по плитке, потом впитала ее. Три подхода с ведром — и плитка была вымыта девственно-чисто.

Четыре часа до готовности.

Я взял ткань из ванночки с ацетоном. Он застыл, а извилины навечно зафиксировались в том

положении, в котором они были, когда умер Боб. Последний шаг. Я перенес ее в другую ванночку, заполненную эпоксидной смолой. Та же штукавина, которой вы бы покрыли свои деревянные полы, будь такими же богатыми, как и мои клиенты. Ацетон занимал место мозга, а эпоксидная смола займет место ацетона. И когда это будет сделано, у нас будет маленькая пластмассовая копия мозга. Ну, части мозга. Важной части. Фрэнсис Крик, женщина, которая помогла обнаружить ДНК, сказала, что клауструм был как «дирижер координационной группы игроков в оркестре». Мне это понравилось.

Так понравилось, что я собрал таких семьдесят две штуки.

Сара

Мужчина закрыл окошко между нами и водителем. После, вытащил пакет из аптеки и протянул его мне. Голубые контактные линзы.

— Вставь их, — я сделала, как он просил. Сердце заколотилось. Тысяча долларов? Моргнула, и глазные капли потекли по моим щекам. Окна были затонированы.

Связано ли это с извращением? Не знаю, справлюсь ли я, если вдруг окажется, что Роджер подставил меня человеку, который хотел нанять

проститутку.

— Поправь макияж, — сказал мужчина, вручая мне зеркальце. — И убери все свои вещи в эту сумку.

— Хорошо, но может Вы все же, пожалуйста, скажете мне, что здесь происходит? — машина отъехала от обочины и срулила вниз с Ван-Несс Авеню.

— Прости за всю эту скрытность, — ответил мужчина. — Меня зовут Гэри Стивхилл.

— А я Сара Эверетт, — представилась я, протягивая руку для рукопожатия. Он не принял ее.

— Нет, — говорит он. — Сегодня ты не Сара.

— Нет?

— Сегодня ты — Миссис Сьюзен Стидхилл.

Я с трудом моргнула. Мужчина смотрел на меня в ожидании того, что я скажу.

— Так, это что-то вроде сексуальных ролевых игр? — спросила я. — Потому что мне сказали...

— Нет-нет, ничего подобного, — ответил мужчина.

— Тогда что?

Он откинулся назад на своем месте и выдохнул.

— Ты слышала мое имя раньше?

— Гэри Стидхилл? Прости, но нет. Ты из Paramount?

— Я бизнесмен.

— Ох. Ох, — на этот раз его имя промелькнуло в голове большими жирными буквами. — Стив Хилл Тех. Это Ваша компания?

— Да. — Он гордо ухмыльнулся. — Видишь, ты слышала мое имя.

— А как ты оказался в кино-бизнесе?

— Нет. Это не так. Вот, — ах. — Контракт, — сказал он, доставая лист бумаги. — Прежде, чем я скажу что-нибудь еще, я бы хотел, чтобы вы согласились с условиями секретности. Вы не можете никому рассказать об этой роли.

Гэри вынул свой бумажник и

начал высчитывать свежие
стодолларовые банкноты. А я,
просмотрев контракт, поставила
подпись внизу под своим именем.

— Хорошо, — сказала, следя за
наличными деньгами. — Что
теперь?

— Сейчас. Это половина
обговоренной суммы. Остальное
получишь в конце дня.

Мои глаза почти вылезли из
орбит, увидев, как небрежно он
щелкнул пятьюстами долларов
передо мной.

— Отлично, — подвела я, убрав
деньги вместе со всеми своими
вещами в сумку. — Что дальше?

— Дальше, мне нужно, чтобы ты

притворялась моей женой.

— Сьюзен Стидхилл. Хорошо...
Кстати, зачем?

Гэри прочистил горло в руку и выглянул в тонированное окно.

— Это долгая история, —
ответил он. — И помни, ты обязана
хранить тайну.

— Умереть мне на этом месте,
— сказала я, прикладывая палец к
губам.

— Моя жена и я... достаточно
публичные люди. У нас совместный
бизнес. Но недавно мы поссорились.
И я, конечно, не могу позволить
подробностям наших отношений
стать общедоступными.

— Конечно.

— И сегодня у меня запланировано небольшое хирургическое вмешательство, — продолжил он, беспокойно ерзая на сидении.

— Хирургическое?

— Не слишком крупное. Я пользуюсь услугами удаления родинок или мелкой подтяжки лица. Сьюзен должна была быть там для... ну ты понимаешь, из-за обязательств. Она мое медицинское доверенное лицо. И поскольку они подвергают меня общему наркозу, она должна быть там, на случай, если что-то пойдет не так, как задумывалось.

— И Ваша жена не может быть здесь, потому что...

— Мы не, — уф, — не разговариваем не данный момент, — отвечает Гэри, и его кожа возле воротника слегка окрашивается в красный.

— Ссоритесь.

— Если можно так выразиться.

— Из-за чего? — Я хотела узнать, что же такое стряслось, что свело Сьюзен с ума.

— Нет никакой, — уф, — необходимости тебе об этом знать.

— Я хочу понять своего персонажа, Мистер Стидхилл, — отвечаю твердо.

— Да. Конечно, ты хочешь. Ну, я взял ее на пирс Санта-Моники на нашу годовщину. Туда, где мы познакомились, понимаешь. И она поменяла свои планы в отношении нашего — нашего — отпуска. Не хотела делать то же, что и я.

— Хм, — муж Сьюзен слегка любил покомандовать. Сьюзен же была упрямицей. Ладно, думаю, я могу сделать это.

— Я не смог убедить ее, а она рассердилась. И мы поссорились, — он отвел взгляд, очевидно смущаясь говорить на эту тему.

— Просто замечательно. Ладно. А вы не могли не делать этого хотя

бы до процедуры?

— Она такая упрямая, — сказал Мистер Сидхилл, расстроенно насупившись. — Я не могу перенести процедуру, и мы всегда попадаем к одному и тому же парню. Вот я и подумал, что сумею нанять кого-то похожего на Сьюзен, чтобы прийти туда вместе.

— Разве вы не можете взять другого человека в качестве вашего медицинского... кого? — спросила я. — То есть, не поймите меня превратно, я хочу участвовать в этом. Просто... что, если что-то пойдет не так во время операции?

— Конечно, все пройдет, как надо, — быстро произнес он. — Это

стандартная процедура. Все, что тебе нужно будет сделать — это сидеть в приемной, пока операция не будет завершена, после чего мы вместе уедем. Но я не хочу, чтобы кто-то узнал, что у меня и моей жены есть кое-какие трудности. Особенно личный хирург... я слышал ужасные истории, просачивающиеся из медицинского штата.

— Легче всего просто сделать вид, что между вами двумя все хорошо.

— Точно. Но не прекрасно, между нами нет прекрасных отношений, но...

— Нормальные.

— Да. Нормальные, — его взгляд, как я понимаю, наполняется облегчением. И я вроде все понимаю, но, кажется, мне стоит понять еще больше, чтобы получить свои деньги за роль голливудской жены. — Думаешь, справишься с этим?

— Абсолютно, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал, как звучит голос уверенного в себе актера. — Расскажите мне побольше о Сьюзен.

Риен

Я бросаю используемые скальпели, пинцеты и ретракторы в чан с антисептиком, с целью

простерилизовать их. Установка для сжигания отходов ревет, смешивая собственный грохот с музыкой, играющей наверху. Вылавливаю пару щипцов из чана, используя их, чтобы вынуть клауструм из смолы. Мой маленький пластиковый фрагмент мозга. И кладу его в нагреватель, чтобы его исправить. Выпекание в течение получаса при четырехстах градусах, или же до получения хрустящей и изысканной корочки.

Начал проигрываться последний альбом, и я понял, что до прихода моего следующего клиента осталось всего пару часов. Я огляделся, убеждаясь в том, что все пребывает в чистоте. Белая плитка. Новые

хирургические простыни и простыни на операционный стол. Проверка, проверка, проверка. Я помылся. Оделся. Сжег свою старую одежду в мусоросжигателе. И отправился проверять мозг Боба.

Вынув мозговую ткань из духовки, я щелкнул ее пальцем, проверяя на прочность. Сделано. Сейчас она выглядела, как розово—серая использованная салфетка Клинекс и была готова отправиться к остальным.

Я нырнул через дверь в приемную, с белой плиткой и кожаными креслами. Приемная скрывалась в задней части моего

дома, в которую можно было добраться через проулок. Я невероятно скрытный пластический хирург. Вершина осмотрительности.

Я взял последние выпуски «Читательский Обзор» и «Лучшие дома и сады» из почты, разложив их на журнальном столике. А после взял маленькую пластиковую мозговую ткань Боба и положил ее в стеклянный глобус. Наклонил голову и всмотрелся во всю эту массу мозговых тканей, прижавшихся друг к другу. Переговаривающихся между собой.

Слово *claustrum* означает — сокрытый. Думаю, это уместно, учитывая, что мои тайные трофеи

находятся в самом центре приемной, притворяясь современным искусством. Я передвигаю фрагмент Боба немного налево, так, чтобы он примкнул к стакану. Таким образом, вы можете наблюдать главную извилину внешней стороны его мозга. Да, так намного лучше.

Все это огромная работа, но люди думают, что это всего лишь крошечные сгустки пластмассы. Какой позор.

Смотрю на часы. Уже скоро.

Сара

— Так какая у меня мотивация?

— Мотивация?

У меня было всего несколько часов, чтобы подготовиться к роли. Мы разговаривали в задней части автомобиля, и я делала кое-какие пометки насчет Сьюзен.

Отчасти, вполне действенный метод — вживаться в роль. Когда ты изображаешь персонажа, ты не просто ведешь себя, как этот персонаж. Ты и есть он. Я спрашивала Гэри о каждой мелочи, связанной с его женой, которую, как я думала, он должен знать. О любимом блюде, любимом телешоу и о любимых домашних питомцах из детства. Неудивительно, что Гэри многого не знает о своей жене.

Неудивительно, что их отношения на тормозах. Но все же я приложила все усилия, к тому, что имела.

— Ну знаешь, моя мотивация. Желание.

— Желание?

— Гэри, я не могу стать Сьюзен, если не знаю, чего она хочет. Что ее мотивирует? Какие у нее цели? Мои цели? Может, я хочу быть хорошей женой?

Гэри фыркнул. Ладно, минус один.

— Мне нужно что-то, с чем я могу поработать, — говорю я.

— Отлично, как насчет этого? Твоя мотивация — это высосать все деньги из бизнеса и спустить их на

педикюр и старинную мебель, в то время как твой муж погибает на работе. Твоя цель состоит в том, чтобы флиртовать с каждым официантом и чистильщиком бассейнов, а ночью, когда я наталкиваюсь на вас, делать вид, что не понимаешь, о чем я. А твое желание — это обладать тем, что у тебя и так уже есть: любящей семьей, домиком на холме и хорошей карьерой, учитывая твое холодное, полное ненависти и злобы сердце, в которое ты не впускаешь никого больше. Ты — поганая жена и поганный деловой партнер. Ты та, кто воткнет нож в спину ближнему, как

только он отвернется.

Вау. Думаю, Гэри и Сьюзен на самом деле, противостояли друг другу.

— Ладно, тогда, — говорю я, делая вид, что записываю. — Поняла. Несчастливый брак, делать вид, что все хорошо.

— Тупая сука, — кипит Гэри, наблюдая за пешеходами на Голливудском Бульваре.

— Могу я спросить кое о чем? — спрашиваю я, надеясь сменить тему. — Об операции?

— Что?

— Ты сказал, что я буду медицинским доверенным лицом, если что-то пойдет не так, как надо.

Так, что бы ты хотел, чтобы я сделала, если что-то пойдет не так?

— Все пройдет, как надо.

— Да, но что если? Ты хотел бы, ну знаешь, жизнеобеспечение? Или...

— Конечно, я хочу жизнеобеспечение! — ответил Гэри.

— Рискованные меры, работы. Не позволяй им тянуть резину. Деньги не проблема. Но все пройдет, как надо. Поверь мне.

— Хорошо, конечно. Давайте о чем-нибудь другом, — произношу я.

— Думаю, я справлюсь.

— Хорошо, — сказал Гэри, глядя на часы. Солнце уже было готово

сесть в смог Лос-Анджелеской долины. — Уже скоро.

Он наклонился вперед и опустил ширму.

— Доставь нас в операционную,
— говорит он. — Мы готовы.

Глава 7

Риен

Все было готово. Инструменты на медицинском столе разложены по порядку, именно так, как мне нравилось. Закаленные стальные скальпели с номерами от восемнадцатого, с широким лезвием и длинной ручкой, до двенадцатого, с лезвием в форме полумесяца, прямо как крюк. У каждого своё предназначение, каждый по-своему прекрасен...

Я поднёс самое крупное прямое лезвие к свету. Его нижний край был заточен так, чтобы кожу можно было

прорезать так же легко, как сыр.

Сегодня ко мне придёт еще одна парочка, надеясь начать новую жизнь. Сюда: в эту операционную, чистую и белую, с видом на Голливудские холмы. Сюда, где они смогут получить свою пластику при полной конфиденциальности. И, так и быть, они ее получают.

Когда я прекращу резать, они уйдут. Единственное, что от них останется – это пустота, обитавшая в них с самого начала.

У людей такие пустые жизни. Всегда удивляюсь этому, когда они просят их сохранить.

Лезвие блеснуло оранжевым, отразив небо снаружи. Я осторожно

кладу его обратно на столик, после чего обращаю внимание на простор, раскинувшийся за пределами окна, распростёртого на всю стену операционной. Оно выходило на западную долину Лос-Анджелеса, и я заплатил бешеные деньги ради этого. Или, скорее, целое состояние на это выложили мои клиенты.

Закаты в Лос-Анджелесе были невероятно красивыми, особенно наблюдая за ними из моего особняка. Огненно-красные, золотые облака, разлитые по небу, и луна, виднеющаяся в вечерних сумерках. Изогнутая полоса белого, столь же тонкая и острая, как мои скальпели.

Операционная, сплошная белая плитка от пола до потолка, отразила цвета пылающего неба

Снял с рук латексные перчатки, запуская их в мусорное ведро. Хотя, технически, у меня и не было нужды в стерильной операционной, мне все еще нравилось содержать ее в чистоте. Думаю, эта старая привычка сохранилась еще со времен медицинского колледжа и моей работы анестезиологом. С тех пор, когда я еще не делал ничего плохого.

Операционный стол был белым и хромированным. Я оперся одной рукой на его край. Хром был прохладным под кончиками моих пальцев. Затем моя рука дернулась,

словно боясь испачкать чистую поверхность. Рукавом от рубашки я стер со стола собственные отпечатки пальцев. Так. Снова идеально.

Я ещё раз посмотрел в окно. Небо уже потемнело. Облака превратились в пепельно-серые грязные тени своего бывшего огня. Белая плитка более не отражала его погасшие цвета.

Сара

Мы подъехали к частной подъездной дороге недалеко от Заката. Я посмотрела на Гэри. Он казался спокойным.

— Разве мы направляемся не в

больницу? — спросила я, хмурясь.

— В больницу? — переспросил он, будто удивляясь.

— Ну, знаешь, место, куда обычно привозят людей на операции.

Гэри рассмеялся надо мной. Моя грудь сжалась, и я попыталась справиться с этим. Сьюзен ненавидела Гэри, то есть, Я ненавидела Гэри. Но это была спокойная, поддающаяся контролю ненависть. Да.

— Думаешь, знаменитости ходят в Cedars Sinai, чтобы получить свои услуги? Черт, нет. В таком случае, это получило бы ненужную широкую огласку. Поэтому у нас есть личный

врач. Они называют его лучшим. А я всего лишь надеюсь, что он держит рот на замке.

— Ох, — говорю я, опускаясь в роли Сьюзен. Конечно, у нас был бы личный врач. Конечно.

Автомобиль съехал в проулок между домами и остановился за одним из особняков. Там были ворота, которые открылись перед нами и, как только наш седан въехал внутрь, тут же закрылись. Я устояла на заднюю часть особняка. Белая дверь, подсвеченная прожектором и быстро тускнеющим солнцем — единственное, что я увидела. Окон на этой стороне дома

не было.

— На месте, — произнес Гэри.
— Готова быть Миссис Сьюзен Сидхилл?

— Да, дорогой, — глумливо ответила я.

— Отлично, — похвалил Гэри, одобрительно глядя на меня.

Мы вышли из автомобиля и направились в дом. Я удерживала свой взгляд впереди, не оглядываясь на Гэри. Воображала себя Сьюзен Сидхилл, которой адски надоедает сопровождать мужа в пластическую клинику. Гэри придержал для меня дверь, а я нарочно задела его, не поблагодарив. Могу предположить, что он был вполне впечатлен моей

актерской игрой, во всяком случае, до сих пор. Ну, я же должна хоть что-то делать, ведь так?

Я вошла во что-то напоминающее приемную. Две стены были полностью оборудованы зеркалами от пола до потолка, делая помещение гораздо больше, чем на самом деле оно было. На входе находился стенд с вполне интересными произведениями искусства. Но я была Сьюзен Стидхилл, ни малейшего понятия насколько сильно она интересовалась искусством.

Поэтому вместо созерцания скульптур я подошла к одному из

кожаных кресел и уселась в него, взяв в руки журнал. Просмотрела страницы огромных домов и подстриженных газонов. И остановилась на рекламе итальянской мраморной столешницы. Сьюзен хотела бы этого. Нет, я.

«Возможно, отремонтирую свою кухню», — подумала я.

Какого мрамора мне хочется больше всего? Не черного, это слишком современно. Нужен хороший античный взгляд. Кремовый мрамор с синей французской плиткой под плинтус. Да, было бы здорово.

Гэри только подошел к стойке,

когда позади него открылась дверь, и оттуда вышел человек, одетый в хирургическую униформу. Снова взглянув туда, я увидела проблеск больничной палаты, белую плитку, стенды и металлический столик. Изобразив зевок, я вернулась к своему мрамору.

— Миссис Стидхилл?

Мои глаза оторвались от журнала. Оба мужчины смотрели на меня.

— Да?

— Привет. Я Доктор Дэмор, а на сегодня анестезиолог для Вашего мужа. Вы нужны мне, чтобы заполнить кое-какие формы, после

чего мы сможем начать.

Отшвырнув журнал в сторону, я встала и подошла к стойке. Именно тогда заметив врача. Он казался обычным, когда прошел в комнату, даже невзрачным, но теперь, оказавшись с ним вблизи, я обратила на него свое внимание. Его глаза не были карими, как я предположила раньше, а золотистыми, рыжеватый цвет волос, кажется, изменялся с наклоном головы. У него был странный взгляд, красивый, но не обычный. «Лев», — подумала я, вот что рисует воображение, когда я смотрю на него. Хищник.

Я не могла не увлечься им. Вернее, Сьюзен. Почему бы и нет?

Он был привлекательным мужчиной. На секунду я пожалела, что не смогу встретиться с ним снова, снаружи. Где-то в настоящем, где я могла бы представиться. Что-то в нем призывало меня к действиям, в то время как я сдерживала себя.

— Вот тут, пожалуйста. И инициалы внизу.

Взяв клипборд с формой на нем, я быстро набросала подпись. Гэри бросил на меня нервный взгляд и я могла поспорить, что он волновался о том, собьюсь ли я на подписи. У него не было причин волноваться, глупый человек. Я же Сьюзен.

— Сколько времени это займет?

— спросила я, записывая инициалы «С. С.» в каждой строке страницы, думая о более позднем времени этого дня, когда смогу заполучить свой педикюр и посвятить несколько часов похождениям со своими подругами, трофейными женами, по винным барам. Может, зайду к нему в офис и встречу с важным акционером. Скукота.

— Не долго, — ответил доктор.
— Час или два максимум.

Я оглянулась на него, и в тот же миг мой язык будто увеличился. Он смотрел на меня так, словно мог видеть сквозь оболочку, глубоко в меня. Сглотнув, я переместила взгляд на линию виднеющихся из-под

хирургической шапки темно-каштановых волос.

— Хорошо, — сказала я, пытаюсь вернуть свою первоначальную уверенность. Я вручила ему клипборд, и его пальцы коснулись моей руки, когда он оказался между нами. Прикосновение длилось всего долю секунды, но я будто почувствовала удар током. Подушечки его пальцев были гладкими и нежными, он погладил меня ими по внутренней стороне ладони. Одернув руку, я перебросила волосы через плечо, притворяясь, что ничего не почувствовала. Сьюзен ничего не почувствовала.

Взглянув на него, я обнаружила, что он все еще смотрит на меня тем самым взглядом, который, казалось, видит сквозь маску.

«Я вижу тебя, — будто бы говорил он. — Вижу тебя настоящую».

Риен

— Миссис Стивхилл, Вы бы не хотели ознакомиться с операционной? — спросил я.

Молодая женщина слегка наклонила голову. Ее глаза остановились на лице мужа, который лишь пожал плечами. Слегка, почти незаметно.

— Конечно, — ответила она, поворачиваясь ко мне. — Почему бы и нет?

— Действительно, почему? — переспросил я, подводя их обоих к двери. Мистер Сидхилл придержал для нее дверь, и она оживленно проследовала внутрь. «С ней было что-то не так», — подумал я. Она была не похожа на тех жен, которые проходили через эти двери до этого.

Все, кто оказывались в моей операционной, были в чем-то виноваты. Я знал это, как никто другой, за исключением только, может быть, Вэйла и тех людей, которые мне платили. Но то, как она

двигалась, привело меня в замешательство. Не такой мягкой я представлял себе спутницу генерального директора. В ней было что-то совершенно неправильное. Может, виной всему та покорность, с которой она обратила свой взгляд на мужа после моего вопроса. На мой взгляд, совсем не похожа на руководительницу.

Хотя, приказ есть приказ.

Я подвел их к операционному столу.

— Это — кардиомонитор, монитор дыхания и артериального давления. На протяжении всей операции, мы будем проверять показатели по ним, чтобы быть

уверенными, что все идет как надо. Я буду Вашим анестезиологом, который подготовит Вас к приходу хирурга.

Раньше я был отличным анестезиологом. Но со временем это становилось все тяжелее и тяжелее. Я помещал людей под наркоз, мучаясь после желанием все так и оставить, если они того заслужили. Но это было давно.

— Где остальные сотрудники?
— спросила Миссис Стидхилл. Она посмотрела на меня с выражением, которое заставило меня подумать о том, что, возможно, она знала, кто я.

Но она не знала, кем я был. Она

бы не вошла в мой кабинет, если бы знала.

— Нет других, — ответил я четко. — Только я и хирург. Ведь это то, за что вы платите, верно? Конфиденциальность?

— Да, — сказал Мистер Стидхилл, подходя к окну. — И я слышал, что вы лучшие в этом.

— Абсолютно, сэр, — краем глаза я мог видеть обращённый ко мне взгляд женщины. Она подозревает? Или это я параноик? Может, она заинтересовалась мной? Как и многие другие женщины. Особенно замужние.

— Хороший здесь у Вас вид, — заметил Мистер Стидхилл.

— Одностороннее стекло, — сказал я. — Мы их видим, они нас нет.

— Идеально. Так, все это время я буду на этом столе?

— Да. Я оставлю Вас, чтобы Вы смогли надеть медицинский халат, — ответил я. — Миссис Стидхилл?

— Я буду ждать снаружи, милый, — обратилась она к своему мужу. Он склонился к ней, запечатляя поцелуй у краешка губ. Я заметил, что она слегка повернула голову, когда он целовал ее.

— Вот сюда, — сказал я, выводя ее в приемную. Закрыв позади нас дверь, я повернулся, обнаружив ее

установившейся в стеклянный шар, полный мозговой ткани.

— Вам нравится? — спросил я.

— Это... это прекрасно, — она склонилась, пристальнее вглядываясь в стеклянный шар. Ее платье слегка задралось, чуть оголяя сливочную кожу бедер. В зеркальной стене я видел ее обращённое к скульптуре лицо. Сосредоточение на ее лице, было еще прекраснее, чем вид сзади.

— Прекрасно, — произнес я, подхватывая слова в горле, когда сделал шаг вперед. Она была бы моей. Она направилась прямо в ловушку, став моей.

— Что это?

— Простите, что?

— Скульптура, — ответила она, все еще глядя сквозь стекло. Первый человек, который заметил. Первый человек, который задал вопрос. — Что это?

Сара

Когда анестезиолог взял меня за руку, я была глубоко погружена в роль Сьюзен.

Представляю, что делала бы Сьюзен, если бы привлекательный молодой врач начал флиртовать с ней.

Она бы тоже флиртовала.

— Это пластиковая скульптура,

— ответил Доктор Дэмор. —
Абстракция. Никогда не понимал
этого.

Он был близко, и я, слегка
приподнявшись, сместилась ближе к
нему. Наши плечи почти
соприкоснулись, и я могла
почувствовать жар, исходящий от его
тела. Но не поворачивалась, делая
вид, словно не пытаюсь его
коснуться. Во всяком случае, я могла
проверять его реакцию в зеркале.

Я хотела, если честно. Одно
лишь прикосновение его руки к моей
вызвало кучу острых ощущений. И
муж Сьюзен — мой муж — был
таким занудным. Всегда на работе.
Ведь я заслужила хоть какое-то

удовольствие, правильно? Никогда не чувствовала такого притяжения к человеку.

— Лучшее искусство рассказывает историю. Но, думаю, что такое искусство понять невозможно, — сказала я, склонив голову, дабы изучить скульптуру. Мелкие розовато-серые куски пластика, казалось, соединились вместе в точках соприкосновения, как организм, вырастающий из чаши. — Это может означать, что угодно. И независимо от того, что думаете вы, у скульптора, скорее всего, другое мнение.

— Как Вы думаете, что этот

скульптор имел в виду? — спросил Доктор. Его голос был тягучим, как мед. Между нами было расстояние всего в фунт, когда я повернулась к нему.

Сердце затрепыхалось в груди.

— Думаю, что тот, кто сделал это, хотел сбежать, — ответила я, спустив поток бреда. — Наверное, он чувствовал себя в ловушке.

— В ловушке?

— В стеклянном глобусе. Посмотрите, похоже на животное, которое пытается сбежать? — Я коснулась вершины глобуса, поглаживая стекло так, как хотела бы гладить доктора. Слушая его дыхание, я опустила руки.

— Как животное в зоопарке, — произнес он. — Сидящее там, под взглядами людей поедающее мертвечину, поднимающееся с камней, похожих на скалы.

— Но это животное сделано из пластика. Оно ненастоящее.

— Может быть, нет ничего настоящего, — сказал он.

Я рассмеялась, наклонив голову так, чтобы волосы приоткрыли мою шею.

— Это послание от вашего местного отделения пластической хирургии?

— Эй, я лишь усыпляю их. Остальное выше моих сил.

Обернувшись, я поместила свою руку на его грудь, до того как он успел отойти от меня. А подняв взгляд, тихо прошептала:

— Так, если все это фальшивка, когда поступки станут настоящими?

Играть было легко, ведь мне понравился этот парень. Легче, чем в любой другой роли. Он посмотрел на меня своими золотисто-кариими глазами, в которых я увидела желание. Я чувствовала его так же, как исходящее от него тепло. Его подбородок, легкая щетина. Короткая вспышка белых зубов через полные губы. Я знала, что он хотел меня. И почему бы мне не хотеть

его? У меня мог быть любой, в конце-то концов. Я была генеральным директором, Голливудской женой, миллионершей. Поэтому могла заполучить все, что пожелаю.

— Вы замужем, — пробормотал он, пристально глядя на меня. — Разве нет?

— Да, — ответила я. — К тому же, мы прекрасная пара.

— Миссис Стидхилл...

Прежде чем я сумела ответить, дверь в операционную позади него открылась. Я позволила своей руке небрежно упасть, возвращаясь к скульптуре, с видом, будто ничего не произошло.

— Я готов, — произнес Гэри, просунув голову в дверной проем. Мой неосведомленный муж.

— Замечательно, — широко улыбнулся Доктор Дэмор. — Тогда начнем. Миссис Сидхилл, вы, вероятно, хотели бы попристутствовать во время первой части.

— Вы имеете в виду, пока Вы помещаете его под наркоз?

— Ну же, милая, — сказал Гэри. — Придешь пожелать «спокойной ночи», как тебе?

— Все для тебя, дорогой, — произнесла я пропитанные приторной сладостью слова.

Затем проследовала в операционную за Доктором Дэмором.

Как только мы вошли, в глаза тут же бросился вид на ЛА. Мне снова пришлось удерживать себя от пускания слюны на стену, состоящую из стекла. «Сьюзен Стивдхилл, скорее всего, было бы все равно», — сказала я себе.

Доктор Дэмор помогал Гэри на операционном столе, задрапировывая его бока и нижнюю часть тела. Следом вынул шприц из внутривенной трубки. Поморщившись, я отвернулась.

— Боитесь игл? — спросил

Доктор Дэмор.

— Совсем чуть-чуть, — ответила я. Не уверена, что Сьюзен боится игл, но уверена в том, что я-то их боюсь. Гэри не дал мне больше информации о характере Сьюзен, поэтому приходилось действовать своими переживаниями. И опираясь на собственный опыт, скажу я вам, иглы причиняют адскую боль.

— Начинайте обратный отсчет со ста, — проконсультировал Доктор Дэмор Гэри. Я бросила взгляд через плечо. Врач ввел шприц во внутривенную трубку.

— Сто, — начал Гэри. — Девяносто девять. Девяносто восемь.

— Хорошо. Продолжайте отсчет.

Доктор Дэмор отошел от операционного стола.

— Девяносто семь. Девяносто шесть.

— Хороший вид, правда? — спросил анестезиолог, подходя ко мне. — Скоро Ваш муж будет под анестезией. А я буду внимательно за ним бдеть.

Позади нас Гэри все еще считал в обратном порядке, а его голос становился все слабее.

— Девяносто пять.

— Хорошо, — сказала я, опуская взгляд. Автомобили внизу отражали

вспышки солнечного света. — Я доверяю вам его жизнь.

Это было слишком театрально. Надеюсь, нет. Я и так чувствовала себя актрисой.

— Девяносто четыре. Девяносто... девяносто три, — его голос утихал.

— Я хорошо о нем позабочусь, — произнес Доктор Дэмор.

— Не сомневаюсь.

— Хорошо позабочусь и о тебе, — прошептал Доктор Дэмор.

Я ошарашенно обернулась, не в силах поверить, что он мог сделать такое смелое заявление. Доктор стоял так близко ко мне, что я могла почувствовать его дыхание. Я

смотрела мимо него, туда, где лежал Гэри на столе. Его глаза были закрыты, а из одного уголка стекала струйка слюны, пока он храпел. Сердце стало биться чаще. Что я сотворила, играя с огнем? По задумке, я должна была притворяться, что наш брак в порядке. Внезапно во мне вспыхнуло беспокойство. Я слишком увлеклась. Мне не нужно было быть Сьюзен. Я должна была быть лучшей версией Сьюзен.

— Где хирург? — спросила я.

— Не волнуйтесь о нем, — ответил Доктор Дэмор. Он потянулся и приподнял мой подбородок,

касаясь щеки.

После этого он поцеловал меня, и я рухнула ему на грудь, когда он дернул меня в свои объятия. Его губы были мягкими, а щетина на подбородке касалась моего лица. Его руки окружили меня, и я чувствовала, словно взлетаю. Словно парю. Тепло прошло мое тело, и, несмотря ни на что, я ощутила охватившее меня желание. О Боже, он знал, как нужно целоваться. Его губы равномерно тянули и толкали, и мое тело отвечало, как пламя свечи, откликающееся на ветер, позволяя ему немедленно взять себя там, где заблагорассудится.

Его рот спустился к подбородку

и оказался напротив моей шеи. Везде, где он меня целовал, моя кожа восторженно вспыхивала. Я почувствовала головокружение; мир снаружи вращался.

— Доктор Дэмор, — пробормотала я, укладывая руку ему на грудь. Его руки были сцеплены за моей спиной, мышцы напряглись. Я слегка оттолкнула его, но он не поддался. — Пожалуйста.

— Такая красивая, — произнес он. Его рот все еще находился возле моей шеи.

— Эй, — теперь я пыталась оттолкнуть его от себя изо всех сил. Тем не менее, его руки были

сцеплены вокруг меня, словно тиски. Я не могла выбраться. — Эй, не надо... ну же. Я не могу... мы не может так поступить.

— Такой позор, — промурлыкал он. Его тело снова прижалось к моему, и я почувствовала его твердость. Затем он скрутил одну из моих рук за спиной. У меня сбилось дыхание, когда я увидела в другой его руке шприц. Что происходит? Что он делал? Я изворачивалась в его руках, но он крепко прижимал меня к себе. Я не могла даже сдвинуться.

— Эй! — кричала я. — Подождите! Остановитесь!

— Мне жаль, дорогая Миссис Стидхилл, — сказал он, после чего я

почувствовала укол в районе шеи.
Затем лишь пустота.

Глава 8

Риен

Миссис Стивхилл. Не самая верная из жен. Я не стал бы убивать женщину из-за этого, только из-за этого. Но впрыснутое в нее успокоительное заставило меня чувствовать себя лучше.

В отличие от мужа, она потеряла сознание моментально. Успокоительное, которое я ей дал, быстро действует и быстро проходит. Она проснется через минуту, вероятно, одновременно с мужем. Как раз вовремя, чтобы понаблюдать за его смертью. Тем не менее, на

данный момент она была моей спящей красавицей.

Она резко упала в мои объятия, а ее голова завалилась вбок, когда успокоительное взяло верх. Я поставил еще один операционный стол возле ее мужа, прежде чем снова взять ее на руки, приподняв за спину.

Ее изгибы казались такими мягкими в моих руках, когда я нес ее к операционному столу. Аккуратно устроив ее на столе, я придвинулся к ее мужу, натягивая тугие ремни. Один для головы. Два для рук и ног. Еще один через таз, чтобы уберечь его от скручивания или взбрыкивания, пока я буду

действовать. Привязывая ремни Миссис Сидхилл, я действовал нежнее. Лаская ее бедра, перетянул ремень, удостоверившись, что ей будет удобно, когда она очнется. Расправил ее волосы на подушке, прежде чем перетянуть ремень через лоб. Но передумал. Она должна будет свободно вертеть головой, чтобы видеть своего мужа, пока я буду с ним работать. А позже я бы связал низ ее головы, заодно соорудив кляп. Я проверил на расширение ее зрачки. На меня уставился один несфокусированный зрачок.

Странно. Наклонившись, чтобы

понять, чем это вызвано, я обнаружил, что она носит контактные линзы. Аккуратно сдвинул линзу. Так. У нее были зеленые глаза, не голубые. Если глаза — зеркало души, то у нее она фальшивая. Абсолютная фальшивка. Я вернул контактную линзу на место.

Раньше это вызвало бы у меня отвращение, но сейчас, глядя на нее, я не чувствовал ни единой эмоции, хоть отдаленно похожей на презрение. Я не знал, что в ней было такого, что так привлекло меня. Возможно, то, что она заметила мою скульптуру. Был ли я настолько самовлюбленным?

Да, может, и был.

Она слегка пошевелилась, тихий вздох сорвался с ее губ. Я улыбнулся. Она проснулась достаточно быстро. Пришло время разбудить муженька и начать операцию. Вернувшись к нему, я ввел инъекцию адреналина в его внутривенный катетер. После завязал повязку возле его рта. Мне не нравилось завязывать рот бессознательным пациентам — они, как правило, задыхаются — но он был на пути к пробуждению. Вскоре его дыхание участилось, и он открыл глаза.

— Здравствуйте, — произнес я, глядя вниз на свою жертву. — Планы

изменились, Мистер Стидхилл.
Сегодня я буду Вашим хирургом.

Сара

— Ммм!

Все было теплым и расплывчатым. Те чувства, которые возникали после того, как я выпивала слишком много бокалов вина за ужином. Огни наверху были слишком яркими, и я попыталась приподнять руку, чтобы прикрыть глаза. Но она не двинулась с места: было что-то, что ее удерживало.

— Ммхмм!

Шум. Что это был за шум?

Я моргнула и увидела размытые

белые точки, плавающие в моем сознании. Все было белым. Красиво. Мне показалось, что я умерла и попала в рай.

— Ммм!

Шум повторился. Я с трудом моргнула. Он исходил слева от меня. Мои мышцы отяжелели, оттягивая вниз. Я позволила голове завалиться набок. На меня смотрело чудовище с окровавленным лицом, напоминающее «Кошмар на Улице Вязов». Оно снова издало шум, и я осознала, что передо мной Гэри.

Я закричала.

Одна сторона лица Гэри была отогнута, являя свету все мышцы и сухожилия его щек. Единственное,

что еще оставалось хоть в каком-то порядке, был глаз, тот самый глаз без века, обращенный ко мне мертвым внимательным взглядом.

Вновь издав вопль, я попыталась отодвинуться, но ничего не вышло. Руки и ноги не двигались. Я изогнулась в надежде выбраться и сбежать, но вскоре поняла, что была прикована к столу, на котором лежала.

Тогда я увидела его.

Это был анестезиолог. Он снял шапку, и темные пряди волос упали ему на глаза, когда он склонился над верхней частью моего стола.

— Помогите мне! — заорала я.

— Доктор Дэмор, помогите!

Мои мысли плыли медленно, путано, а стены вокруг вращались, как карусель. Что произошло? Он поцеловал меня, а потом...

Дерьмо.

Мои глаза расширились, когда все встало на свои места. Он воткнул в меня иглу. Это был он.

— Я помогу тебе, — произнес он. — И тебе, и твоему мужу. Обоим.

Моему мужу? О, точно. Я же притворялась Сьюзен. Снова моргнула.

— Но, пожалуйста, зови меня Риен, — продолжил он. — Теперь, когда мы собираемся узнать друг

друга получше.

— Риен? — тупо повторила я. Я спала, и мне все еще снился сон? В моей голове росла мысль, в то время как я смотрела на вращающиеся вокруг стены. Возможно, это часть моей роли. Должно быть, прямо сейчас я нахожусь на шоу розыгрышей.

— Это по-настоящему, так ведь? — спросила я.

— По-настоящему? Нет ничего настоящего. Разве не об этом ты говорила мне ранее?

— Нет, но, в самом деле. То есть... — замолчала. Если это был розыгрыш, я не хотела выходить из

образа. Я бы потеряла деньги. С другой стороны, он же пырнул меня иголкой! Это не могло быть розыгрышем. Или могло? Боже, что со мной происходит? Сглотнув, я попыталась сосредоточиться.

Рядом со мной визжал Гэри. Я бросила взгляд в его сторону. Кровь стекала на простынь, а лицо было полностью «обнажено». Ладно. Хорошо. Не розыгрыш. Определенно, не розыгрыш. Я обернулась на доктора. Риен. Даже несмотря на раскачивающиеся стены, глаза его были все еще сфокусированы.

На мне.

Срань Господня. Это
реальность.

— По-настоящему. Возможно. Что вообще подразумевает это слово? Вы уже живете во лжи. Фальшивые люди, фальшивые жизни. И теперь ты хочешь начать все заново где-нибудь еще, — Риен, если это его настоящее имя, крутил в пальцах скальпель. Я уставилась на блестящее на свету серебряное лезвие. Это гипнотизировало.

— Это ошибка, — запнулась я. Мой язык разросся во рту, пока я говорила. Голова все не прояснялась, а комната так и не перестала крутиться.

— Соглашусь, ты сделала кучу ошибок, раз оказалась здесь, —

заметил он. Гэри, находившийся рядом, все еще издавал звуки заткнутым кляпом ртом.

— Нет, ты не понимаешь. Я не миссис Стивхилл. Ты выбрал неправильного человека.

— В самом деле? Это так?

— Я серьезно! — мой голос перерастал в панику. Теперь комната стала более устойчивой — адреналин вызванный паникой, со шлепком привел меня в чувства. Дышать Было все еще трудно. — Он не мой муж!

— Забавно, учитывая, что, когда мы были в приемной, вы сказали мне, что замужем за ним. Не то, чтобы ваш брак казался прочным...

— Я лгала. Играла роль. Я акт...

ММММММ!

Без предупреждения, он сунул мне в рот кусок марлевой ваты.

Язык внезапно оказался сухим, вата впитала всю влагу, и я умолкла. Независимо от того, что он в меня ввел, и что все еще пребывало в моем организме, я почувствовала, как сократились мышцы шеи при попытке вытолкнуть языком ватный шарик изо рта. Он протянул через мой рот медицинскую ленту, закрепив ее края на щеках. Слезы обожгли мои глаза.

— Может, твой муж поможет тебе разобраться в этой ситуации, Сьюзен, — произнес он.

Я покачала головой. Я не Сьюзен!

— Хотели бы Вы что-нибудь сказать своей любящей жене, Мистер Стидхилл? До того, как я начну работать с ней?

Паника обожгла мои нервы. Срань Господня, Срань Господня, Срань Господня. Он хотел и с моим лицом так же ножиком поиграться. Он серийный убийца, притворяющийся пластическим хирургом, и Гэри притащил нас прямо к нему в дом. Тихое хныканье непроизвольно вырвалось из моего горла. Что я тут делаю? Что вообще происходит?

Риен наклонился и сорвал с Гэри прикрепленный кляп. Почти уверена, что какая-то часть губы Гэри оторвалась вместе с ним, учитывая какой он издал вопль. Из-за чего Риен махнул скальпелем по его лицу, и вопль оборвался. Я видела, как пульсируют кровеносные сосуды, пока он пытался сдержать себя от крика. И это напугало меня больше всего.

— Помните, с чего мы начали?
— поинтересовался Риен. Гэри кивнул. — Хорошо. Сейчас — тогда.

— Это ошибка, — произнес Гэри. Его голос был рваным и плаксивым. Я видела, как

сокращались мышцы, в то время как он говорил. — Я участвую в программе защиты свидетелей. С ФБР.

Что? Я завопила в кляп. О чем он, черт возьми, говорил? ФБР? Он еще и солгал мне! Это безумие. Невероятное безумие.

— По дороге сюда нас сопровождал полицейский эскорт, — продолжил Гэри. Из уголка его рта, или, точнее, от того, что от него осталось, просочилась кровь. Он казался спокойным, более спокойным, чем была бы я, если бы кто-то отрезал мне половину лица и очистил его, подобно фрукту. — После этого я собирался ехать

прямым в аэропорт, и улететь в Бразилию под новым именем.

Его дыхание было тяжелым, затрудненным, словно вынужденным. На секунду глаз обратился ко мне, затем вновь вернулся к Риену. Дрожь проскочила по моей спине.

— Сьюзен собиралась присоединиться ко мне спустя неделю после своей операции.

Я дико затрясла головой. Нет! Я не Сьюзен!

— То есть, как вы понимаете, это все огромное недоразумение, — сказал Гэри.

— Недоразумение. Хм, — он

перевел взгляд с меня на Гэри. Подняв скальпель, он поместил руку с ним у его груди.

— Прошу вас! Это правда! Полицейские вернутся за нами через несколько часов!

Мускул над его глазным яблоком дернулся, и я поняла, что он попытался моргнуть веком, которого там больше не было. Желчь поднялась у меня в горле, я с трудом сдерживала рвоту. Если меня вырвет, я задохнусь.

— Они? Скажите, Мистер Стидхилл, какие преступления Вам спустили с рук, когда вы начали сотрудничать с ФБР?

Доктор — Риен — все еще стоял

на месте, занеся руку со скальпелем над грудью Гэри.

— Я не преступник, — запнулся Гэри.

Он надавил на скальпель, и я увидела, как с двух сторон потекла кровь. Гэри громко вскрикнул.

— Прекратите! Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

— Только если Вы скажете мне правду. Еще разочек. Какие преступления Вы совершили, до того как начали доносить на других?

— Ай! Остановитесь! Я скажу Вам! Кор-корпоративный шпионаж. Мы отправляли людей в другие компании. Саботировали фабрики.

Я недоуменно покрутила головой из стороны в сторону. Почему он продолжал говорить «мы»? Я не делала ничего из этого дерьма!

— Что еще?

— Ничего.

— Что еще? — Нож скользнул ниже. Послышался звук рассекающейся под лезвием кожи.

— А-а-а! Н-н-н-непредумышленное убийство. Преступная халатность, — его зубы застучали, и через кровь я разглядела челюстную кость.

Зажмурилась. О, Господи, кто этот человек?

— Сколько смертей на твоей совести, на совести вас обоих?

Я открыла глаза, устремляя взгляд на Риена. Мы встретились глазами. Я медленно покачала головой из стороны в сторону. Нет. Я никого не убивала. Он впился в меня любопытным взглядом, потом повернул голову в сторону Гэри.

— Мистер Сидхилл?

— Двести шестьдесят. Но это не наша вина. Все сорвалось! Это было ошибкой...

— Да, — поддержал Риен. — Ошибка. Множество ошибок.

Он отступил и обошел операционный стол.

— Позвольте рассказать Вам об ещё одной ошибке, которую Вы совершили, Мистер Стивхилл. Вы никому не сказали, что участвуете в программе защиты свидетелей, так? Нет, конечно, не сказали. Это часть программы защиты свидетелей.

Зубы Гэри застучали чаще. А из-под глаза вытек гной.

— И Соединенные Штаты Америки, ввиду своей щедрости, решили дать Вам новую жизнь в другой стране. Они приказали Вам прийти ко мне за новым лицом, а потом улететь в Бразилию, к новой жизни. Так? Они сказали Вам, что все будет улажено, верно?

Дрожь охватила мое тело, когда я поняла, о чем говорил Риен. Он так посмотрел в мою сторону, словно ему было по силам прочесть мои мысли.

— К несчастью для Вас и Вашей жены, Мистер Стидхилл, правительство США не очень-то и сильно заботится о корпоративных саботажниках, особенно о тех, которые убили невинных граждан.

— У нас есть информация, принадлежащая им, — сказал Гэри. — Они говорили...

— Они сказали Вам то, что должны были сказать, лишь бы Вы оказались здесь. И буду вынужден

сказать, что никакой автомобиль за Вами не вернется. Соединенные Штаты умывают руки, Мистер Стивхилл. Они послали Вас туда, не знаем куда, принести то, не знаем что. Нет никаких билетов на самолет в Бразилию. Нет никаких новой жизни как для Вас, так и для Вашей жены.

— Но... но...

— Здесь только я. Понимаете? И теперь... вы принадлежите мне.

Глава 9

Риен

Пришло время порезвиться с этой парочкой. А так как в расписании у меня никого больше не было, я мог и поразвлечься.

Миссис Стидхилл заверещала, извернувшись под ремнями. Мне придется привязать ее шею, иначе я опростоволошусь. Но сперва займусь ее мужем.

Подобрал ватку, с хлопком вернув ее в рот Мистера Стидхилла.

— Подождите! Она не моя жена,
— произнес он, глотая воздух.

Я застыл. Гложущее чувство,

которое нервировало меня, пока они были без сознания, вернулось. Я был почти уверен, что она лгала, но сейчас в мои мысли закралось беспокойство.

— Она актриса, — продолжил он. — Она...

Я сунул ему в рот кляп. Он завопил, когда я закрепил концы ленты, ведь они коснулись его оголенных мышц лица.

— Актриса?

Опустил взгляд на женщину. Она судорожно кивнула, широко раскрыв глаза.

— Я могу пересказать вам, то, что вы и так собираетесь мне сказать. К тому же, я обнаружил, что

люди в разговоре со мной склонны врать. Вы собираетесь мне солгать?

Она потрясла головой. Из уголков её глаз скользнули слезы. Семя беспокойства дало корни в моем животе, и я посмотрел на нее. Если она ни в чем неповинна, я не могу убить ее. Но и отпустить тоже. Она, ведь, свидетель.

Если невиновна, конечно.

— Потом поговорим, — подвел я, быстро придя к решению. — В другой комнате. Я не доверяю вам, когда вы вместе.

Я отошел в медицинский кабинет, после чего вернулся к женщине со шприцем в руках. Ее

взгляд, брошенный на иглу, был пропитан страхом, и она незамедлительно отвернулась, когда я уколол ее.

— Боишься игл, да?

Она кивнула, зажмурившись.

— Как досадно. Было бы круто подвергнуть тебя пыткам.

Освободил одну из ее рук от ремня. А она, открыв глаза, уставилась на то, что я делаю. Я поднял ее руку, а потом позволил ей опуститься. Она безвольно упала на стол. Отлично. А женщина, тем временем, смотрела на свою руку так, словно безумно хочет ею подвигать.

— Парализована. Все верно, —

ответил я, открепляя остальные ремни. — Ты никуда без меня не пойдешь.

Подсунув под нее руки, я поднял её безвольное тело. Ее голова, со всё ещё находившейся во рту ваткой, приземлилась на мою грудь. Она всхлипнула.

— До свидания, Мистер Стидхилл, — произнес я. — Вам предоставили короткую отсрочку. Я вернусь чуть позже.

Мужчина застонал, но я уже нес свою новую игрушку в соседнюю комнату. Локтем нажал на скрытую кнопку на стене медицинского кабинета. Задняя стена открылась, и

я внес ее через секретный дверной проем.

Сара

Я не могла двигать ни руками, ни ногами. Можно было подумать, что это сон. Только уснув, ты не можешь пошевелиться. Вроде какого-то кошмара, где ты пытаешься бежать, но твои мышцы отказываются это понимать, и ты не можешь сдвинуться с места. Пытаешься убежать от буги-монстра.

Сейчас же я была в руках настоящего монстра.

Доктор нес меня так легко, словно я была маленьким ребенком. Он остановился, отойдя от операционной, слегка сместив меня в руках. Затем задняя стена отодвинулась, и мы вошли в еще одну комнату. Темную комнату. Дверь закрылась позади нас и все что, тут можно было различить —это полосу света, льющуюся из соседней комнаты.

Мои глаза все еще приспособлялись к темноте, когда он уложил меня на что-то мягкое. Диван. Почувствовала, как его руки отцепили ленту кляпа. Затем исчезла мокрая ватка, и я свободно задышала.

Выдохнула, глубоко вдохнула.

— Полегче, — произнес он. — Ты дышишь слишком глубоко и слишком быстро.

Голос его был ласковым. «Ласковый убийца», — подумала я. Наверное, уже схожу с ума.

Он ушел, чтобы включить свет, после чего я поняла, где нахожусь.

Со всех видимых сторон меня окружали полки книг. В центре комнаты стоял единственный кожаный диван и журнальный столик с лампой. Возле которой и стоял Доктор. Его рука опустилась рядом с боком. Как и всё тело, моя челюсть не двигалась, но я могла сформулировать слова, которые

хотела бы сказать, пусть бы они и казались мямлящими.

— Доктор... Доктор Дэмор...

— Риен. Пожалуйста. Зови меня

Риен.

Он подошел к тому месту, где я лежала, опустившись на колени возле меня. Я хотела убежать, Господи, как же я хотела убежать. Его взгляд напоминал взгляд хищника. Он напомнил мне о книге, которую я прочла, будучи маленьким ребенком. Она называлась «Обитатели Холмов». Книга о кроликах, напоминавших сейчас меня своими чувствами. Ты так напуган, что каждая мышца немеет,

и ты не можешь сбежать. Они называли это «приближением Тарна» (Прим.перевод. Описываются действия человека или животного, пребывающего в ужасе, замершего. Например, олень, попавший в свет фар. Термин использовался в книге «Обитатели Холмов»)

В тот момент я впала именно в это состояние. Не знала, что сказать, да и вообще имели бы смысл произнесенные мною слова. Я не могла даже шевельнуться, когда он взял мою руку в две свои.

— Я дал тебе кое-что, что вызывает временный паралич. Так что ты не сможешь сбежать. Понимаешь?

— Да, — всхлипнула я.

Одна из его рук переместилась выше, погладив мою. Это прикосновение послало дрожь по всему телу, вот только мое тело дрожать еще больше не могло.

— Ты Можешь что-нибудь почувствовать или нет? Чувствуешь мою руку?

— Д-да, — ответила я.

— Хорошо. Я рад, что ты все еще можешь что-то чувствовать.

— Риен. Умоляю. Выслушай меня. Я не Миссис Стидхилл.

— Нет? — переспросил Риен. Таким рассеянным голосом, будто в мыслях был далеко отсюда. Его рука

все еще ласкала мою, посылая по моему телу острые ощущения. На секунду его рука обхватила мой локоть, будто что-то обдумывая, после чего он продолжил поглаживать. Его рука двигалась от моих пальцев к предплечью, к тому месту, где заканчивалось платье. Темно-синее платье Сьюзен.

— Прошу вас, — сказала я. — Я не имею ни малейшего понятия, кем является тот человек, но я не замужем за ним. Он нанял меня в качестве актрисы. Меня зовут Сара. Сара Эверетт. До этого дня я никогда его не видела!

— Правда?

Вдохнула полной грудью.

Теперь, когда я не лежала рядом с наполовину-изрезанным Гэри, паника слегка отступила. Я попыталась мыслить трезво.

— Он нанял меня, чтобы я изобразила его жену.

— Ты изображала его жену, когда флиртowała со мной?

Я уставилась в глаза Риена. В этом тусклом свете его радужки походили на тигриные. Темно-карие, с опоясывающей их золотой лентой. Выражение его лица было пустым, даже когда его рука гладила мою руку. Одно долгое касание за другим. В некотором смысле, это успокаивало.

— Я исполняла роль.

— Исполнение роли заключалось в том, чтобы целовать не своего мужа, а другого мужчину?

— Это ты меня поцеловал! — вскрикнула я.

— Ты не остановила меня.

— Я пыталась. Пыталась. В любом случае, она нашла тебя привлекательным.

— Она?

— Сьюзен. Та, кого я должна была изображать, — пробормотала я.

— То есть, я так думаю, что она нашла бы вас привлекательным. Мне хотелось, чтобы все было как можно реалистичнее. А он сказал мне, что

его жена флиртовала со многими мужчинами.

— Так и сказал?

— Да.

— Так ты всего лишь играла роль.

— Да, — вздохнула я. — Так что, как видишь, я не тот человек, которого ты хочешь убить.

— Нет, — согласился он. — Я не могу убить тебя.

Я едва слезами не разразилась от облегчения. Он не собирался убивать меня. Он понимал. Все это было ошибкой.

— Спасибо тебе, — произнесла я. — Спасибо. Я просто хочу, чтобы все закончилось.

— Ох, с этим не будет покончено... — оборвал он.

— Я... что?

— Ничего не закончится, — ответил он и потянулся рукой к моему лицу, лаская щеку.

— Не закончится, — повторил он. — В любом случае, не для тебя.

— Ты сказал, что не убьешь меня, — меня душила паника. — Ты сказал...

— Я не хочу убивать тебя, — произнес Риен. — Но и отпустить я тебя не могу.

Глава 10

Риен

Она посмотрела на меня с таким ужасом, что я едва не рассмеялся. О, да, она была проблемой. До ужаса прилипчивой проблемой. Но я всегда справляюсь с проблемами. И не сомневаюсь в своих способностях, относительно разрешения всех трудностей с конкретно этой проблемой.

К тому же, у меня появилась еще одна игрушка.

— Мне жаль. Паралич все еще в силе? Чувствуешь мои руки? — я коснулся ее виска, медленно

поглаживая по кругу.

Она кивнула.

— Д-да. Я все чувствую.

— Ты восхитительная молодая женщина, Сара, — произнес я. Моя рука двигалась вдоль ее подбородка, запоминая мягкость кожи. Пока мои пальцы двигались, ее глаза неотрывно следили за ними. — Очень интересная молодая женщина. Начинающая актриса. Пытающаяся сорвать большой куш, верно? Каким-то образом загремев сюда.

— Что ты делаешь? — спросила она. Её голос дрожал.

— Не волнуйся, — ответил я. — Я не хочу тебя убивать.

— Это не то, о чем я

спросила.

Я улыбнулся.

— Знаешь, что, Сара?

— Отпусти меня, —
прошептала она. По ее глазам я
понял, что она начала осознавать,
что не выберется из этой комнаты.

— Никогда и никому прежде я
не доставлял удовольствие. Всегда
лишь мучил.

Она безмолвно уставилась на
меня. А я провел пальцами по ее
волосам, расправляя длинные
темные пряди на диване. Цвет ее
волос имел тот же оттенок, что и его
обивка.

— Как твоего фальшивого

мужа в соседней комнате, — произнес я. — Привел его в чувства до того, как начал резать. Потом провел скальпелем вдоль линии волос, а он все кричал и кричал. Ты так и не проснулась. И я содрал с него кожу пинцетом, пока он продолжал кричать.

Ее глаза увлажнились, а я заметил, как в ней расползается страх.

— Он заслужил каждую секунду пытки, — подвел я. — И это даже без последнего штриха! О, нет. Это всего лишь начало. Он все еще жив.

Слеза сбежала по её щеке. Я нагнулся и стер ее большим

пальцем.

— Не волнуйся, прекрасная Сара. Ты ведь не такая, как он, верно?

Она натянуто покачала головой, все сильнее начиная плакать.

— Пожалуйста...

— Не проси меня снова отпустить тебя. Не отпущу. Но и не буду пытаться, как его. Только если ты не плохой человек, конечно. Но ты ведь не плохая, правда?

— Нет, — ее голос пресекся во мраке библиотеки.

— Тогда я тебя не трону. Но знаешь что, Сара? Это правда. Я

никогда никому раньше не доставлял
удовольствие — настоящее
удовольствие.

Мои руки медленно скользили
по ее спине, расстегивая платье.

— Ты все чувствуешь? —
поинтересовался я.

— Риен...

— Хорошо. Значит, будет
невероятно забавно.

Сара

Я разинула рот, когда руки
Риена стали перемещаться по моей
спине. Я не солгала — я чувствовала
каждое его прикосновение.

— Что ты делаешь? — задала

я вопрос.

— Развлекаюсь.

Он расстегнул молнию платья на спине. А после его руки скользнули вверх, ложась мне на плечи и спуская с них лямки.

— Нет, — произнесла я, не желая верить в происходящее. — Нет. Риен.

Наклонившись, он поцеловал меня в обнаженную шею. Его губы обожгли мою кожу. Вопреки себе, я почувствовала, как мое тело отреагировало на него. Его Рука скользнула по моей груди, к животу и ниже, останавливаясь на бедре. Крепко обняв меня, он оставил легкий поцелуй на нижней части

моего подбородка.

— Ты единственная, кто когда-либо комментировал мою скульптуру, — сказал он. Его рот находился рядом с моим ухом. — Знаешь, что? Большинство людей игнорирует ее. Я рад тому, что ты можешь оценить искусство, хоть и не понимаешь, что именно я хотел сказать.

— Что... что...

— Ты думала, я чувствовал себя в ловушке, да? В ловушке из стеклянного шара. Но я и есть скульптор. Я нигде не застрял. Это ты попала в ловушку.

— Риен, пожалуйста...

— Поймана в ловушку, здесь со мной.

Его рука, двигаясь вниз, потянула подол моего платья вверх. Я вздрогнула, когда он, скользя под него рукой, нажал на мои трусики. Яростный жар проник в мое тело, концентрируясь под его пальцами. Я хотела отстраниться, но не могла. Что хуже всего, учитывая, что его пальцы начали скользить выше, я ощутила дикую потребность в большем давлении.

— Не надо...

— Нет? Ты не хочешь этого?

— он резко убрал руку, а я всхлипнула от такого внезапного

отстранения.

Он улыбнулся. Золото в его глазах ярко засияло.

— Не лги мне, Сара. Лгунов наказывают. А ты знаешь, на что походит мой вид наказания.

Задыхаясь от слез, я отвернулась. Это не я. Меня здесь нет.

«Это всего лишь роль», — убеждала я себя.

Я смогу проходить через это так долго, на сколько хватит моей способности притворяться.

Всего лишь притворяться.

— Для меня это тоже что-то новенькое, Сара, — прошептал он. — Я никогда раньше не доставлял

никому... удовольствие, подобное этому.

Он вернул пальцы на прежнее место, слегка поглаживая. Я сдержала стон. Поглаживания воспламенили мое тело, послали искру желания, что разожгла невыносимую боль между моими бедрами, в то время как его пальцы не делали абсолютно ничего, чтобы как-то облегчить её. Другой рукой он ухватился за верх моего платья и потянул его вниз, обнажая мою грудь.

— Риен...

— Тише. Я знаю, чего ты хочешь. Я всё понимаю по твоему

дыханию.

Я закусила язык, когда он наклонился и поцеловал кончик моего соска. Эти касания заставили бы меня корежиться на спинке дивана, будь мои мышцы в рабочем состоянии. Слезы обожгли заднюю часть глаз, но на этот раз причиной служило разочарование.

Вынырнув, его язык лизнул меня, свернувшись вокруг соска. Темные волосы щекотали мою кожу. Я ощущала абсолютно все: его грубую щетину у нижней части моей груди, горячий и мягкий язык. Его губы...

— Ой! — я громко захныкала, когда он опустил губы на мой сосок

и жестко пососал его. Огонь в моем теле взревел к новым высотам. Рука под моим платьем, скользнула под трусики. Я едва ли не кричала, пока его пальцы исследовали мои складки.

— Боже, ты влажная, — прошептал он. Его дыхание охладило мой сосок, заставив его отвердеть. — Ты, должно быть, безумно хочешь меня.

Нет. Я не хочу этого. Я не хочу этого. Не хочу...

— О-ох! — застонала я. Он погрузил в меня пальцы, отчего мое тело сжалось вокруг него. Я хотела воспротивиться, хотела, чтобы он

снова погрузил свои пальцы глубоко в меня, снова и снова, и снова...

О чем я думала? Что чувствовала? Мое тело оказалось предателем, заставляя меня страдать из-за этого человека, убийцы, преступника, которому мысль о моём вскрытии совершенно ничего не стоила. Но, Господи, когда он коснулся меня внутри своими пальцами, все, о чем я могла думать — это он, вскрывающий меня совершенно иным способом, делающим это снова, жестче, быстрее...

Вместо этого он медленно скользил пальцами. Я застонала от невыносимой агонии. Трусики

промокли насквозь, я чувствовала мокрую ткань на своей коже. Он снова нужен был мне внутри, его прикосновение было мне просто необходимо. Это! Именно это я хотела больше всего. Его руки обладали магией, от которой меня основательно передергивало. А его глаза, смотрящие на меня, были такими открытыми и страстными. Он был настоящим. Его страсть была настоящей. И он хотел меня.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Сара, — промурлыкал он. Его язык обрисовал круг вокруг моей груди. Я сморгнула навернувшиеся слезы. Я бы не поддавалась ему, нет, не сейчас.

Я хотела быть сильной. Хотела
пройти через это.

Без какого-либо предупреждения, он жестко всосал мой сосок. Почувствовав сильную боль, прострелившую мое тело, я закричала. Он выпустил сосок. Облегчение наперебой с еще более ужасающим желанием омыло мое тело. Пульс участился.

— Тогда, полагаю, мне придется понять тебя, — сказал он шепотом. — Старайся не слишком много лгать. Иначе, как я узнаю, чего ты хочешь?

— Я не... не хочу...

— Нет. Нет, конечно, не хочешь.

Его пальцы вернулись обратно, поглаживая с двух сторон, не оказывая, однако, ни малейшего давления там, где я нуждалась в нём больше всего. Глухая боль в моем центре была такой безысходной, что мне хотелось завопить. Как мое тело может так реагировать на этого мужчину? Он был сумасшедшим, вероятно, безумцем. Убийцей. Но, все же, когда его палец коснулся моего опухшего клитора, я едва ли не расплакалась от восторга.

Его рот перешел к другому соску, оставляя тот ныть и болеть. Тем не менее, его руки гладили меня всюду, за исключением тех мест, где

действительно стоило бы погладить. Я вздрогнула в ожидании, когда его зубы наткнулись на сосок.

Каким же я была человеком, если этот мужчина мог вынудить меня, вожделеть его так невероятно сильно?

Он вытащил руку из-под моего платья, и я чуть не всхлипнула от разочарования. Я не могла позволить ему понять, как сильно желала освобождения. Я не могла позволить ему узнать, к каким высотам он меня вознес.

Рука, которая гладила меня до этого, на этот раз добралась до моей обнаженной груди. С одним соском во рту, он зажал двумя пальцами

другой. Крик сорвался с моих губ, когда жгучая боль устремилась к груди. Его пальцы были все еще влажными от моих соков, и зажим превратился в нежную ласку на торчащем соске.

— Я причинил тебе боль? Пожалуйста, скажи мне, если я проигнорирую тебя.

— Риен...

Он скрутил сосок, и я вскрикнула, коротким криком, поглощенным страницами окружающих нас книг.

— Боль и удовольствие, на самом деле, не сильно отличаются, так ведь? — поинтересовался он. —

Как если бы ты повернула подушку посреди ночи. Одна сторона теплая, другая холодная. Нужно их чередовать, чтобы снова хорошо себя почувствовать.

Он скрутил сосок снова, но вместо того, чтобы закричать, я втянула воздух через нос, пытаюсь отречься от своего тела. «Я не там. Я ничего не чувствую. Это не я. Я всего лишь снова играю роль. Я ничего не чувствую, ничего не болит. Риен не затрагивает меня. У него нет никакой власти надо мной».

Но когда он нагнул голову и больно захватил мой сосок, я снова оказалась в оковах своего тела. Его язык смягчился, лаская, почти

вырывая из меня стон удовольствия. Да, у него была власть. Он мог заставить меня хотеть себя, несмотря ни на что.

— Я сказал, что не причиню тебе боль, Сара, но я не могу помочь себе, — его рука опустилась, останавливаясь на животе. Такой маленький, интимный жест. Вызвавший всплеск тошноты во мне.

То, как он держал меня, гладил, всё словно указывало на то, что я его собственность. Игрушка. И он делал то, что хотел, включая и игру с моими эмоциями.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить его со скальпелем в руках.

Пытающего Гэри на столе в операционной. Пыталась вспомнить всю ту кровь. Если бы я смогла воспроизвести эти картинки в голове, у меня появился бы шанс побороться с теми чувствами, угрожающими захватить все мое тело.

Он вдохнул воздух, зубами задевая сосок, а я задрожала от потока прохладного воздуха, обвившего мою поврежденную кожу.

— Надеюсь, ты наслаждалась, Сара, — произнес он. — Я не желаю тебе никакого вреда. В смысле, непоправимого вреда здоровью. Но в последний раз я получал

удовольствие очень давно... такое удовольствие. Трудно найти правильного человека. Человека, который бы получал удовольствие.

Я открыла глаза. Он наклонился ко мне, глядя прямо в лицо. Его волосы были темными, а глаза напротив – золотыми. Такими теплыми, что мне хотелось потянуться к нему за помощью. Спаси меня от самого себя.

Я хотела сказать ему «нет», я не такой человек. Не тот человек, который будет наслаждаться: будучи парализованной, мотающейся по опасному и намного более мучительному обрыву удовольствий.

Но это не правда. Как бы я не поносила его, моя кожа изнывала от его прикосновений.

Моё тело гудело под его пальцами.

Все еще глядя глубоко в мои глаза, Риен запустил руку под мои трусики. Втянув воздух, я не закричала, когда его пальцы пошевелились рядом с моим входом. Своими горячими требовательными пальцами он исследовал мои складки, лаская, поглаживая. Сердце отдавалось в ушах гулкой музыкой.

— Риен...

Он ничего не сказал, лишь наклонился вперед. Его губы были в сантиметрах от моих. Установив

зрительный контакт, я снова вспомнила про тех кроликов. Вспомнила, как им пришлось столкнуться лицом к лицу с хищником, то, как они замерли, не в силах сделать малейшее движение. Даже не будь я под этим аппаратом, не думаю, что смогла бы пошевелиться.

Его пальцы снова скользнули в меня, широкие и медленные. Я вздрогнула, когда он заполнил меня, медленно-медленно растягивая отверстие, так медленно, что мои глаза начало жечь от разочарования.

— Риен.

Его губы слегка

шевельнулись, но я не смогла разобрать ни единого слова. Пальцы выскользнули и медленно вернулись обратно. Я застонала. Совсем позабыв обо всех обещаниях, данных самой себе. Я не могла сдерживать свое желание, не тогда, когда его пальцы тянули и мучили меня подводимым к краю экстазом. Я бы упала, он вынудит меня упасть. Мое тело жаждало выгнуться под его пальцами, но по той причине, что мне не подчинялась ни одна мышца, приходилось ждать.

Ждать его.

— Пожалуйста, Риен, — прошептала я, впившись взглядом в его глаза. Я была не в силах что-либо

понять по его лицу; он закрылся от меня. Но, тем не менее, его пальцы задвигались быстрее, и я закричала, когда они задели мой опухший изнывающий клитор.

— Да, — я чувствовала, что конец близок. Чувствовала, как все внутри поднималось, подстраиваясь под подобранный им ритм, под ритм, который выбрала бы сама, будь я в силах двигаться. Его пальцы все вторгались в меня, пока большой палец продолжал поглаживать, посылая по телу восхитительную дрожь. Я была близко. Так близко.

Свет в комнате был не только тусклым, но и мерцал. Но, наверное,

тому виной мои трепещущие ресницы, ибо я чувствовала, как росло мое давление, как приближается кульминация.

— Жестче, — прошептала я. — Жестче, умоляю, жестче, — и зажмурилась, ожидая освобождения.

Тогда его пыльцы выскользнули и исчезли.

Исчезли?

Мое тело болело из-за пальцев, которые больше меня не касались. Я открыла глаза, недоуменно глядя на него и сдерживая рваное дыхание. Мое тело сжало, сжало... ничего. Я ощутила полнейшую пустоту, когда он исчез. Его лицо было неумолимо,

совершенно нечитаемое. Не хмурился, не злился.

— Риен, — задохнулась я. — Пожалуйста, не... не останавливайся...

Он улыбнулся, отклонившись подальше от меня, поднимая свою руку между нами. Его пальцы блестели на свету. Он слизывал мои соки с руки, по пальцу за раз, пока я наблюдала за ним.

Я стонала. Мое тело было разрушено потребностью, которая пересилила все рациональные мысли.

— Хватит игр на сегодня. Ты отличная актриса, Сара. В конце я

почти поверил тебе.

Гнев затопил меня. Я ненавидела его за то, что он привел меня сюда. Ненавидела его за боль и удовольствие, предложенное освобождение, в последний момент им же сорванное. Но более всего я ненавидела его за то, что он мне не поверил.

— Ты не можешь... — захныкала я, ненавидя и то, как звучал мой голос — плаксиво и навязчиво. — Прошу тебя. Ты не можешь остановиться. Ведь я так близко. — Ты ни к чему не близка, — оборвал Риен. — Я вижу это по твоим глазам. Ты все еще цепляешься за образы, бывшие у тебя до меня. Ты

не здесь. А где-то в другом месте.

— Нет, — сердито закричала я. — Клянусь...

— В следующий раз, — сказал он, поднимаясь, — Я хочу, чтобы ты держала свои глаза открытыми. Все время. Понимаешь меня? Или я никогда не продвинусь дальше.

Устроив руки в карманах, он небрежно стоял, ожидая мой ответ. Все мое тело, каждая его клеточка требовали ласки, теперь, когда он отстранился. Насмехаясь надо мной. Поддразнивая. Заставляя меня желать то, что он отобрал. Я ненавидела его еще и за это.

— Пошел ты, — прошипела я.

Он улыбнулся. А я еще больше возненавидела его за эту улыбку, потому что он становился невероятно прекрасным, улыбаясь так. Красивое лицо, скрывающее монстра внутри.

— Ты мне нравишься, Сара, — сказал он с полыхающей в глазах улыбкой. — Думаю, нам будет очень весело вместе. Но не сейчас, особенно тебе. Ведь ты ещё примерно час не сможешь двигаться.

Крик стиснул горло. Час? Целый час, прежде чем я начну

шевелиться. Целый час, за который я могла бы потрогать себя, ослабляя невыносимую боль. Все это казалось нереальным.

— Или я могу привести тебя в чувства пораньше, привязав ремнями к операционному столу. На самом-то деле, я туда и направляюсь. Если ты хочешь присоединиться к Мистеру Стидхиллу и узнать, что такое настоящие пытки — уверен, я смогу это организовать.

— Нет, — прошептала я.

— Хорошо. Тогда увидимся позже, моя дорогая Сара, — он наклонился, поцеловав меня в лоб, — и, Боже, моя кожа запела там, где коснулись его губы, — после чего

покинул комнату. Лежа на диване, не в силах пошевелиться, я могла лишь думать о монстре, захватившем меня, и о том, как сильно я жаждала вновь ощутить его прикосновение.

Глава 11

Риен

Что за прекрасная игрушка. Прикосновение к ней походило на изучение нового инструмента.

Я хмыкнул, проходя через секретную дверцу шкафа. Стена позади меня встала на место. Мистер Стидхилл, лежащий на операционном столе, все еще тяжело дышал. Я обернулся, включая музыку — легкую часть неизвестного мне музыкального квартета. Быть может, Барокко. Струны воспроизвели мелодию в воздухе.

Я схватил свои перчатки.

Сперва удовольствие, потом боль. Мне нравилось доставлять девчонке удовольствие, но боль – моя первая любовь. Я взял пипетку с нитратом серебра и пододвинул стул к операционному столу. Мистер Стидхилл спал, но это долго не продлится. Подняв нитрат серебра над его лицом, я позволил капле упасть на обнаженную часть.

Он резко очнулся, его тело скрючилось на столе. Крики, исходящие из-под кляпа, не ложились под музыку, и я нахмурился, напоминая себе вернуться к связанным узлами затычкам, замещающим вату. Капли одна за другой исчезали из пипетки.

Я вспомнил, как родители вынудили меня изучить игру на виолончели. У всех и друзей были дети, играющие на пианино или на скрипке. Моя мама не любила звучание виолончели, но ей нравилась сама идея. Как и сама идея о сыне, способном играть на инструменте. Вот чем можно похвастаться!

Сначала я ненавидел ее, но потом стал практиковаться в одиночестве своей комнаты. Когда я поднял виолончель, установив ее перед собой, я осознал, что мне понравилось. Понравилось, как моя рука держала гриф. Понравилось, как

я водил смычком по струнам. Как низкие ноты лились из-под древка вместе с дрожью моего тела. Как ноты скользили через меня, словно волны.

Но как только моя мать поняла, что я полюбил виолончель, она продала ее, купив вместо этого рояль. Но я никогда не играл по другим нотам.

Кап-кап-кап. Нитрат серебра прожигал раны, которые уже становились зараженными. Воздух врозь всей операционной не был стерильным. Я вспомнил уроки в медицинской школе. Один из первых научных экспериментов, доказывающих, что инфекции могли

перемещаться по воздуху, заключался в сознательном заражении пациентов. Это относилось к тому, что мои преподаватели называли негуманным. Врачи помещали инфицированного пациента рядом со здоровым. И единственное, что было между ними – это сетка. Они никак не контактировали, но инфекция передавалась от одного к другому. Из чего можно было вынести, что болезнь распространялась по воздуху так же легко, как и при физическом контакте.

И это негуманно? Хотя какие-то знания об этих болезнях

наверняка спасли впоследствии тысячи жизней. Я не мог осуждать тех врачей за их методы. Они думали, что их действия — к лучшему.

— Все, что я делаю, — к лучшему, — сказал я, капая нитратом серебра на лицо Мистера Стидхилла. А он кричал вновь и вновь, не понимая. Его мышцы дергались под каплями концентрированной жидкости. Глаз потускнел, покраснев. Я бы распылил его с физраствором, но ему, на самом деле, не было нужно зрение в обоих глазах. Вместо этого, я капал нитратом серебра на один из них.

Ох, как он взвыл! Это был

славный звук, хоть и приглушенный.

— Теперь вы проживете дольше, — сказал я, похлопывая Мистера Стидхилла по плечу. — Знаю, быть может, это вовсе и не то, чего вы хотите, но все к лучшему.

Музыка всё еще играла, когда я убрал нитрат серебра, откладывая его на хранение на соседний с операционным столом столик. Не думаю, что Саре стоит возвращаться в эту комнату. Лучше будет держать ее в библиотеке.

Да, это сработает. Насвистывая, я вымыл руки в раковине, радуясь своей роли в уравнении. Мистер Стидхилл скоро

бы умер, то есть у меня в наличии было всего несколько дней. И у меня были мысли, как их использовать, хоть и не совсем ясные. Но, в любом случае, я был рад держать его при себе ради забав, ведь на этой неделе клиентов больше не ожидалось. Возможно, он бы предложил мне заплатить за свою свободу.

И Сары. Сара. Мой новый инструмент для изучения. До сих пор я понял в ней лишь малую частицу, но все же был уверен в своих силах узнать больше. Гораздо больше. Я не знал ее, но мне хотелось раскрыть все желания, руководящие ей, все тонкости. Все то, что она хотела от моих пальцев и губ. Она была новой

и невинной, и, хоть я и не знал наверняка, останется ли она, я мог бы узнать о ней больше, пока держал бы здесь. И вскоре я бы выведал все ее тайны.

Вскоре я заставил бы ее тело
петь.

Сара

Мои пальцы зашевелились,
дернувшись на боку. Эффект
неподвижности быстро
выветривался. Вскоре я смогла уже
полностью поднять правую руку. Я
одернула платье, удерживаемая
ремнями. «Рабочую» руку
использовала при этом для

поддержки. Мое тело все еще болело без освобождения, но разведка была важнее. С трудом подавив боль в теле, я огляделась.

Библиотека была не очень большой. Позади дивана была стена, полностью заставленная книжными полками. Я пыталась выяснить, где находится выход. Мы прошли через эту стену, в этом я была уверена, но вспомнить, какая именно её часть служила дверью, я не могла. Может, там скрытый переключатель или что-то вроде того. Помню, что он был с той стороны, но был ли с этой?

В углу стоял журнальный столик. На нем покоилась витражная

лампа, проливая по комнате тусклый свет. И там была еще одна дверь, настоящая дверь, что вела в другую часть дома, которую я никогда раньше не видела.

Я пришла в этот дом, будучи Сьюзен, но сейчас я исполняла другую роль. И пока я озиралась, силясь найти путь к побегу, я вживалась в новый образ. Стереотипно, конечно, но я миллион раз видела этот образ в кино. Выжившая жертва. Выжившая — сильная женщина. Она ничему не позволит стать на пути к ее цели.

А какая у нее цель? Запросто. Сбежать. Любыми возможными

способами.

Я не смогу поступить так сама. Не смогу, будучи Сарой. Но смогу, если буду «выжившей». *«Она – та, кем я хотела бы быть»* — решила я. Выбравшаяся отсюда. Я была бы умной и находчивой. Искала бы любую возможность выбраться. Я бы рискнула. Но не позволила бы ему узнать о том, что я пыталась сбежать.

Ручка двери повернулась. Вздвогнув, я упала обратно на диван. Я не хотела, чтобы он догадался о том, что паралич прошел. Скрыла. Вот как бы поступила выжившая. Она бы никогда не позволила проскользнуть полезной

информации. Одно лишь ее присутствие во мне прибавляло уверенности. Храбрая. Если я не смогу придумать, как выбраться отсюда — это сделает она.

Через дубовую дверь прошёл Риен, неся в руках поднос. Осторожно выглянув, я мельком увидела через дверной проем прихожую, прежде чем за ним закрылась дверь.

— Время обеда, — оповестил он, подходя к дивану. И оставил поднос на полу. Мой живот заурчал, ибо пахло вкусным, пряным и восхитительным томатным соусом. Я не хотела есть ничего из того, что он

для меня сделал, но все же. Еда может вызвать признание поражения, верно? Но я не хотела признаваться ему или себе, что была здесь заложником. Выжившие поражения не признают.

Он сдвинул меня на диване, освобождая место для себя. Одна из двух декоративных подушек свалилась на пол. Он аккуратно подложил подушку мне под голову. Я вздрогнула, когда его пальцы погладили меня по щеке, думая о том, что произошло ранее. Размышляя о том, как он повел себя со мной. Дотронется ли он до меня снова?

А я хотела?

Он поднял миску, протягивая мне ложку. Я посмотрела вниз, на миску. Песто, политая сверху томатным соусом. Но выжившие не ели то, что предлагали им их похитители, даже если пахло восхитительно.

— С тебя первая проба, — сказала я.

— С меня?

— А что, если там яд?

Риен опустил ложку в миску, запрокинув голову и смеясь. Тепло его смеха отправило странную дрожь по телу. Кажется, он искренне забавлялся.

— Издеваешься? —

поинтересовался он. — Я бы мог открыто перерезать твою глотку прямо сейчас, будь только желание.

Я уставилась на миску, ничего не говоря. Не уверена в том, что бы ответила выжившая. Наверное, что-нибудь остроумное. Я же все-таки только вживалась в роль. Поэтому только нахмурилась.

— Прекрасно. Раз у тебя свой способ.

С ухмылкой, он сунул себе в рот ложку томатного соуса. Его Адамово яблоко дернулось, когда он сглотнул, а нижняя часть подбородка была покрыта темной щетиной. Почему я смотрела на него, когда он это делал? Он взял меня в

заложники. Выжившие не западают на своих похитителей, и не важно, насколько они красивы.

— Видишь? Никакого яда.

— Я не голодна, — буркнула я, глядя в сторону. Мой живот снова заурчал, сдавая меня.

— Но твое тело голодно.

— Это другое.

— Ты права, — он вернул ложку обратно в миску, поставив ту на поднос. — Существует огромная разница между тобой и твоим телом. Например, потребность твоего тела получить удовольствие, которое я могу предложить. Даже, если ты сама того не хочешь.

Я не отвечала. Потому что не знала, что у него на уме, ведь за те несколько секунд он ничего не сделал, лишь сидел и наблюдал за мной. Моя рука, лежащая на боку, слегка сместилась. Я определенно почти овладела своим телом. Может, я сумею притворяться парализованной до тех пор, пока не появится возможность напасть на него. Если бы только я могла вскочить и душить его до тех пор, пока бы он не потерял сознание. Тогда бы я смогла сбежать.

Кого ты обманываешь, Сара? Навыдумывала. Ты не храбрый герой. Что, если это не сработает? Он же

убьет тебя.

Нет. Я выжившая. И я могла выяснить, как отсюда сбежать. Мне всего лишь нужна была подходящая возможность.

— Расскажи мне о себе, — наконец, сказал он, вырывая меня из мыслей.

— О себе?

— Я хочу больше узнать о том, как ты очутилась.

— Конечно, — ответила я, глубоко вздохнув. Одни лишь его посиделки рядом со мной напомнили мне о том, как его пальцы были глубоко во мне, и я боролась, дабы вернуть контроль над своими мыслями. Он не должен был

узнать о том, как глубоко затронул меня своим предложением об «удовольствии».

— Начнем с начала.

— Мне позвонил мой агент. Он сказал, что Гэри — Мистер Стидхилл — хотел взять кого-то на временную роль.

— Нет, — перебил Риен. — Я имел в виду, с самого начала.

Он чуть нагнулся, укладывая локоть на подушку и устраивая поверх костяшек пальцев подбородок. Наши тела соприкоснулись, его бедро скользнуло по моему, и по мне промаршировало вызванное в

результате тепло, замедляя мои мысли, делая их порочными.

— С самого начала?

— Начиная с того времени, когда ты была ребенком. Расскажи мне о своем детстве. Почему ты выбрала актерское искусство?

Я нахмурилась, не в силах понять, почему он вообще об этом заботится. Тыльная сторона его ладони лениво пробежалась вдоль моей руки. Я почувствовала, что меня снова накрывает жажда его ласки. Конечно, он был в курсе, как действует на меня. Хоть и думал, что я все еще парализована. Облизнув губы, я начала.

— Я никогда не знала своего

отца. Он бросил мать, еще до моего рождения. Мы были бедны. И у меня ничего не было. После моя мать забеременела моей сестрой, хотя мы по-прежнему были в чрезвычайном бедствии.

— От другого мужчины?

Я покраснела. Никогда и ни с кем я не говорила на эту тему. Много не договаривала о своей семье, но в Голливуде никто и не спрашивал. Семья несущественна и бессмысленна, если у тебя нет связей с какой-нибудь шишкой из студий. Сыграть семью — вот единственное её значение.

— Да, — ответила я.

— Ты вообще когда-нибудь знала его?

Нет.

— Тебе не нравится говорить о нем?

— Он не был частью нашей семьи.

— А кем он был?

— Никем, — моя кожа запылилась от позора.

— Ты никудышная лгунья, — произнес Риен. Его пальцы нежно поглаживали мою руку, поднимаясь выше и опускаясь.

— Нет.

— Кем он был?

— Клиентом, — выплюнула я.

Риен поднял брови. И тогда я захотела ударить его, ударить прямо в лицо. Я видела это в его глазах. Он осуждал нас, осуждал мою маму, продававшую свое тело. Осуждал меня.

— Клиентом, — повторил он тоном без эмоций.

— Я же сказала тебе, что мы были бедны.

— Что было потом?

Я облегченно вздохнула, отводя от Риена взгляд. Я выживала. Помню, как выживала, когда моя мама уходила поздно вечером, оставляя меня спать с каждым парнем, заплатившим ей деньги. Да.

Выжившая. Я ей и была. А она делала все возможное, ради выживания.

— Потом? Потом я росла, заботясь о сестре. Мы обитали на улицах, что я ненавидела. Но, когда мне исполнилось восемнадцать, я сбежала, уехав в Голливуд, надеясь хоть что-нибудь проверить.

— И провернула?

— Несомненно, — ответила я с резким сарказмом в словах. — Конечно, провернула. Посмотри на меня. Сажу здесь на диване, давая интервью о своей истории жизни. Если это не так называется, то как? Я масштабнее, гребанной Опры Уинфри. Ты получишь свой автограф

позже, если когда-нибудь я снова пошевелю своей парализованной рукой.

Крошечная улыбка расплзлась на его лице.

— Так вот почему ты взялась за эту работу.

— А почему бы мне и не трахнуться с парнем, чтобы получить свою ренту? Да, поэтому я и взялась за эту работу. Именно поэтому я бралась за любую работу.

— Мне жаль, — он сжал губы. Глупо, но он выглядел таким искренним, что я практически поверила ему. Во всяком случае, к себе я жалость почувствовала. Такая

идиотская история. Такая идиотская жизнь. Я должна была остаться со своей матерью и сестрой. Должна была оказать им большую помощь. Один ничтожный визит время от времени — смешно. Я не хотела становиться актрисой, и, что самое забавное, вообще не хотела играть. Мне всего лишь хотелось убраться как можно дальше от своей реальной жизни.

Я прикусила губу. Я больше не там. А здесь. Тут же нужно заботиться о себе. Ведь тут, можно сказать, край того, куда я могла убраться от реальной жизни.

— Вот, — сказал он, беря миску с соусом. — Ты голодна.

Поешь.

Я открыла рот, не в силах осознать, что только что между нами изменилось. Он поднес ложку соуса к моим губам, проливая мне на язык. Я проглотила, стараясь думать о чем-то помимо тех мыслей, вызванных Риеном. Не хотелось говорить о прошлом. Плевать на ту, кем я была. Здесь, я — новый человек, или же та, кем хотела бы быть. Будь я не так глупа, умудрившись взяться за эту работенку...

Я съедала ложку за ложкой. В то время как Риен ничего не говорил, то и дело поднося еду к моим губам.

И это было странно. Но я, не в

силах сделать что-либо другое, просто расслабилась. Впервые за долгое время мне не нужно было беспокоиться о том, как вести себя дальше. Не пришлось беспокоиться и о еде. Как бы глупо это не прозвучало, но я не чувствовала и половины того страха, сковывающего меня, когда я была еще ребенком. Учитывая убийцу, сидящего рядом со мной с миской соуса на коленях.

Вскоре миска опустела. Он накормил меня корками чесночного хлеба, отламывая крохотные части. А я наслаждалась, жуя масляный хлеб. Даже самый лучший обед на Мелроуз, не был настолько хорош. Я чувствовал себя более сильной.

Улучшенной. Успокоенная самым странным из возможных способов.

— Значит, ты мне веришь? — поинтересовалась я, как только еда закончилась. — Что я актриса. Что я не жена того парня, ну или как там.

— Конечно, верю.

— Тогда... ты позволишь мне уйти?

— Нет.

Сердце сжалось в груди. После того как я рассказала ему все, что только можно было, он отрезал все пути к моему спасению...

— Почему нет?

— Как я могу довериться тебе настолько, чтобы позволить уйти?

Ты видела меня с одной из жертв. Знаешь мое имя, — он покачал своей головой, будто что-то обдумывая и приходя к решению. — Не могу.

— А что ты собираешься тогда делать? Продержишь меня тут вечность?

— Может быть. Да. Такая вероятность вполне возможна.

Паника затопила грудь. Мысль о проживании в этой комнате в роли заключенного заставила меня чувствовать, будто эти стены, заставленные книжными полками, наступали на меня.

— Риен. Прошу тебя. Я сделаю все, как ты скажешь. Пойду прямиком домой и никогда и никому

не расскажу об этом.

Он поднял брови,
улыбнувшись.

— Все?

Я вспыхнула. Конечно, он
подумал об этом. И я ненавидела это.
Ненавидела его. Но, несмотря ни на
что, я выжила.

— Нет, — ответила я быстро.
— Не все.

Его глаза превратились в
щелочки. А зрачки смягчились,
выйдя из фокуса, будто он
раздумывал о чем-то. В то время как
я рассматривала возможность
напасть на него в этот момент. Он
отвлекся, а я могла воспользоваться

миской в качестве орудия. Ударить и вырубить. Но прежде чем я решилась, он встал с дивана. Наклонившись, взял поднос, подняв его на подлокотник. Затем обошел диван. Я не могла его видеть, но слышала, как открылся книжный шкаф. Свет просочился из операционной.

— Иди сюда, — произнес он.

— Не могу, — ответила я. — Я парализована.

— Не лги мне.

— Не лгу.

Риен наклонился над спинкой дивана, ближе придвигаясь к моему животу. На секунду я вообразила, будто он снова будет меня трогать,

от чего тело болезненно сжалось. Отвращение обуревало разум из-за воспоминаний о его прикосновениях и дальнейшего предательства тела.

Но он не тронул меня.

Вместо этого его пальцы очутились на моей талии, щекоча, заставляя врасплох. Я взвизгнула, дернула вверх ногами и непроизвольно сжала свою талию. Его глаза встретились с моими, и я увидела блеск в его радужной оболочке. «Попалась, — говорил этот блеск. — Ты не можешь одурачить меня. Ты пока еще не относишься к выжившим жертвам».

— Ты думаешь, я не знаю,

когда проходит действие моих
уколов? — ухмыльнулся он. —
Давай.

Глава 12

Риен

— Ты ужасная лгунья, — заметил я, терпеливо ожидая в шкафу, пока она встанет. — Вот почему ты никогда не делала этого, будучи актрисой?

— Я работаю по системе Станиславского, — ответила я. — Я не должна лгать.

Она разгладила платье на бедрах. Мне же хотелось швырнуть ее обратно на диван, погружая в нее пальцы и заставляя кричать. Новый вид пыток — так забавен. Но нет, не сейчас.

— Что за система? —
поинтересовался я, пытаюсь
отбросить мысли о ее кремовой коже
и форме икр.

— Никогда не слышал об
этом? Так снималась Мэрилин
Монро. Становление самим
персонажем, а не притворство им.

— В чем разница?

Она открыла было рот, чтобы
ответить, полные розовые губы
дернулись. Но вдруг она увидела
открытую дверь и то, что было за ее
пределами. Ужас промелькнул на ее
лице.

— Не знаю, хочу ли я туда
идти, — произнесла она. — Что ты

собираешься делать?

— Увидишь, — сказал я. — Не беспокойся. Я не хочу причинять тебе боль.

— Я не хочу смотреть на него.

Ее голос ослаб. Не знаю, чего я хотел больше: спустить ей пощечину или успокоить. Уверен, она перевирала, но я не слишком возражал. Не то, чтобы легко выковыривать из нее ложь. Просто то, как она себя вела, как держала спину, навело меня на мысль, что она стала сильнее, чем тогда, когда только появилась тут. Так что я просто ждал, пока она шагнет вперед. Тогда я нажал кнопку на боковой стороне медицинского

кабинета и книжный шкаф захлопнулся.

— Так, какая разница? — снова спросил я. Она глянула вперед, на операционный стол, стоящий посреди комнаты.

— Обычная игра актеров заключается в притворстве. Ты носишь маски, — ее голос был мягким, слова лились практически автоматически.

— А что делаешь ты?

— С методом Станиславского ты не притворяешься. А вживаешься. Если тот, кого ты играешь зол — значит, и ты зол, — ее челюсти сжались, и я увидел, что что-то в ней

переменилось, становясь жестче.

— Мейснер называл это «правдивым существованием при воображаемых обстоятельствах», — ответила она, все еще спокойно стоя.

— Тогда давай представим, что это — стадия, — сказал я. Затем положил руку ей на локоть, отчего она дернулась и сделала шаг вперед. — Стадия хирурга, как бы они это назвали. В операционной.

— Ты не оперируешь, — прошептала она. — Ты убиваешь.

— Это не имеет значения. Сейчас мы оба здесь, правдивое существование. Разве нет?

Ее глаза вспыхнули по-

другому. Что-то беспокоило ее.

— Тогда, пошли, — уговаривал я, обхватив ее локоть. Она позволила вести себя.

Она семенила медленно, неловко. Могу сказать, что инъекция все еще сковывала её движения. Но поводов для волнения не было. В течение ночи с ней все станет нормально, хотя небольшая боль завтра вполне возможна. Пройдя через операционную, мы вошли в приемную, где я отпустил ее в уборную, ожидая, пока она выйдет, возле открытых дверей. После взяв ее под руку, я подвел ее к Мистеру Стидхиллу. Благодаря нитрату

серебра его лицо было в достаточной степени покрыто струпьями, когда она его увидела. Но все же не отвернулась.

Хороший знак.

— Подожди здесь, — произнес я.

Затем вернулся к своим медицинским ящичкам. Из первого извлек скальпель и черный перманентный маркер. Когда я обернулся, ее глаза были сфокусированы на лезвии. Она отшагнула назад, в то время как ее глаза расширились. Я же прошел на другую сторону операционного стола. Мистер Сидхилл застонал под кляпом.

Стянув колпачок с маркера, я подозвал ее ближе. Она подошла. Ее дыхание было рваным.

— Существует множество способов убийства, — произнес я, опуская простынь на груди Мистера Стидхилла. Мелкие клочки тонких темных волос украшали его кожу. Толстым маркером я нарисовал на его груди круг.

— Здесь располагается сердце, — проинструктировал я. — Грудина прикрывает большую его часть, и даже если тебе удастся преодолеть ее, тебе придется разрезать перикард. А это тяжело, — я пометил сердце крестиком.

— Но тут, — продолжал я, ведя линию по его шее. — Стоит резать, если ищешь яремную вену. Быстрая смерть. Тридцать секунд и конец. Ты заливаешься кровью быстро, очень быстро. Будто голову отрезали. Так гораздо проще. Но не многие насыщаются подобным, — я подумал о Гейбе. — Хотя так легче всего.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила она.

Выпрямившись, я крутанул скальпель. И удерживая за лезвие, протянул ей.

— Ты хочешь убраться отсюда, — объяснил я. — Я показываю, как это сделать.

Ее губы приоткрылись, когда она поняла, о чем я. Скальпель находился между нами, серебро блестело в свете операционной. Внизу корчился Мистер Сидхилл, но я не хотел, чтобы она обращала на это внимание. Я хотел ей доверять, правда, хотел. Но существовал лишь один способ достичь этого.

— Убей его.

Сара

— Убить его?

Я ошарашенно стояла, глядя на серебряное лезвие в руке Риена.

— Да, — ответил он.

Слово было сказано мягко,

успокаивающе. Сделав вдох, я потянулась за скальпелем. Наши пальцы соприкоснулись, когда он вручил его мне, отчего по телу прошла дрожь.

Теперь, когда я держала скальпель, он выглядел таким маленьким. Лезвие было тонким. Оно совсем не походило на оружие, способное убить человека. И все же...

Я посмотрела вниз, на Гэри, который из всех сил пытался заговорить с кляпом во рту. Он уставился на меня здоровым глазом, напрягшись, будто пытаюсь что-то мне сказать, ведь шум, издаваемый им, был абсолютно неразборчивым.

— Почему ты хочешь, чтобы я его убила? — я не знала, что еще сказать.

— Если ты убьешь его, я пойму, что могу тебе доверять.

Я подняла взгляд на Риена. Его глаза под темными волосами горели золотом. Он выглядел диким, но что-то в его глазах вынуждало меня усомниться в искренности его слов.

— Ты станешь доверять мне? Серьезно? Как только я убью его?

— Так будет легче. Это продемонстрирует мне то, чего ты мне никогда не скажешь. Ты бы не увидела, как я убиваю. А сама стала бы убийцей.

Я опустила взгляд на Гэри, который приглушенно кричал. Он думал, что я сделаю это. Его глаза глядели на меня испуганно.

А я бы сделала это? Смогла бы стать таким персонажем? Поступила бы так выжившая? Я посмотрела на очерченную Риеном кожу шеи Гэри. Один порез. Один порез, и я стану свободной.

Может быть.

Конечно, нет гарантии, что Риен сдержит слово. Я сглотнула, наклонившись, упирая скальпель в шею Гэри. Рука дрожала. Я вообразила, как опускаюсь ниже, рассекая кожу...

Мое тело тряслось, готовое в любой момент развернуться и убежать. Кошмар, в котором невозможно очнуться. Даже собственные движения выглядели ненастоящими. Я не могла. Не сейчас. Я чувствовала на себе взгляд Риена, внезапно осознавая, что творю. И отвела лезвие.

— Я не могу этого сделать, — сказала я. — Я не могу убить его.

— Почему нет? — спросил Риен.

— Почему нет? Не знаю. Я...
Потому что не могу.

Потому что выжившая жертва спаслась бы сама, никого не убив.

Потому что я слабая.

— Он ужасный человек, убивший сотни людей.

Гэри же спускал все силы на то, чтобы быть услышанным.

— Он хочет что-то сказать, — произнесла я.

— Хочешь дать ему последнее слово? — поинтересовался Риен. — Отлично.

Зацепив пальцем кляп, он вытащил его, вместе с ним лента, удерживающая кляп, сорвала один из струпьев. Кровь снова стала стекать по той стороне лица.

Гэри хрипло закричал на меня.

— Убей его! Убей его! — он пребывал в бешенстве, слюна пузырилась в уголках его губ. — Сейчас же убей этого сучьего ублюдка!

Я взглянула на Риена, который лишь пожал плечами.

— Вонзи в него нож! — взвизгнул Гэри.

— Это скальпель, — поправил Риен.

Я смотрела на скальпель, зажатый в моей руке. Он не казался таким уж большим, способным убить хоть кого-то. Черт, с ним я точно не собиралась нападать на Риена. Точно не с ним.

— Ударь его! Ударь его
ножом!

— Это не нож, — терпеливо
объяснил Риен. — Ножи у мясников.
А у нее в руке скальпель.

— Убей его! — проорал Гэри.
— Ради Бога, убей его!

— Нет.

Я положила скальпель на стол
и стиснула дрожащие руки перед
собой. Я не собиралась слушаться
никого из здесь присутствующих, не
собиралась становиться убийцей. А
убрав скальпель, я почувствовала
облегчение. Это неправильно.
Неправильный поступок. Не для
меня, не для выжившей.

— Я не хочу никого убивать,
— произнесла я.

— Он упрячет тебя навсегда!
Станет пытаться. Черт...

— Верни кляп обратно, —
сказала я Риену. Тот, подняв брови,
впихнул ватный шарик в рот Гэри,
который сердито заметался.

— Я никого не хочу убивать.
Ни тебя, — я опустила взгляд на
Гэри, а потом вернула его обратно к
Риену. — Ни тебя. Даже если это
значит, что я останусь здесь
навсегда. Ладно?

— Ладно, — согласился Риен.
Его глаза потемнели, золото
потускнело, когда он сосредоточил

внимание на другом месте. — Я не стану убивать его, Сара. На случай, если ты передумаешь.

— Спасибо, — прошептала я, отходя от операционного стола. Позади меня стонал Гэри. Он был жертвой, а не выжившим. Я не могла его спасти. Только себя. Я мысленно повторяла это себе. «Я спасу себя. Спасу. Если буду терпеливой. Если буду прислушиваться к себе. Я же выжившая».

Риен открыл дверь в библиотеку, и я шагнула туда. Руки все еще дрожали. Риен проследовал за мной, неся в руках какую-то штуковину, накрытую материей, похожей на рубашку.

Я наблюдала за тем, как стена качнулась, становясь на место, а где-то внутри щелкнул замок, закрываясь. Я так и не увидела, как она открывается. Но где-то должен быть переключатель.

— Это рубашка для сна, — произнес Риен, кидая мне белую рубашку на пуговицах из медицинского кабинета. — У меня много таких, но нужно откопать для тебя какую-нибудь другую одежду. Если ты все-таки останешься здесь навсегда.

Он хищно улыбнулся, думая, что заманил меня в ловушку. Может, и так. Я не знала, как выбраться

отсюда. Не могла убить Гэри. И не знала что делать.

— И немного стерилизованной жидкости, — продолжал он. — Для твоих линз.

— Моих линз?

Точно. Я уже о них и забыла. Взяв жидкость, тупо уставилась на нее.

— Оу, это часть образа Миссис Стидхилл?

— Да, — ответила я. Боже, неужели все это произошло сегодня? Раньше я думала что линзы — не самая приятная часть роли. Потому что ненавидела трогать свои глаза. А сейчас я была заперта в библиотеке вместе с психопатом.

Я оглядела книжный шкаф. Ранее я не сумела увидеть, как он открывается. Но сейчас шанс появился.

— Я могу вернуться в ванную, чтобы снять их? — спросила я. — У меня тут нет зеркала.

Риен встал передо мной.

— Не двигайся, — произнес он. И прежде, чем я успела отойти назад, он одной рукой поднял мое веко, другой придерживая затылок, чтобы я не дернулась. Я вздрогнула, когда он вытащил одну линзу, а затем и другую. После этого я потерла глаза.

— Вот. Не так уж и трудно,

пока ты к ним не привыкла, — он перевел взгляд с одного моего глаза на другой. — Так вот как ты выглядишь?

Я моргнула. Он в шаге от меня. Его рука все еще обхватывала мой затылок, вторая лежала на шее. Чистое желание светилось в его глазах, отчего мышцы на шее свело. Он хотел меня, наплевав на то, увижу я это или нет.

— Зеленые глаза. Прекрасно.

С трудом сглотнув, я бросила взгляд вниз. Он смотрел на меня, будто я была жертвой. Легкой добычей. А я не хотела, чтобы он увидел «выживающую», которой я пыталась быть. Что-то в его

внимательном взгляде отбрасывало все мои отговорки.

— Увидимся утром, — произнесла, не глядя на него. Он пошел к дубовым дверям, а я села на диван с рубашкой на коленях. Когда же он открыл дверь, там было темно, и я не сумела разглядеть другие комнаты.

— Доброй ночи, — пожелал он. — Сладких снов.

Он закрыл за собой дверь, и я услышала, как щелкнул замок. После слышались удаляющиеся шаги. Я осталась в одиночестве.

Я не останусь здесь навсегда, но мне хотелось, чтобы Риен думал,

что я сдалась. Скоро я найду способ
отсюда выбраться.

Глава 13

Риен

Я долго ворочался в постели. Обычно мне всегда удавалось абсолютно комфортно уснуть. Вам, должно быть, думается, что убийцам вообще тяжело спать по ночам, да вот только все обстоит с точностью до наоборот. Убийство провинившегося человека меня успокаивало. Это именно то, в чем я хорош. Именно то, что я люблю делать. В их страданиях, я находил смысл.

Правда, сегодня ночью я никак не мог отдохнуть.

Возможно, дело было в двух других людях, находившихся в доме. В живых людях, дышащих. В людях, которых я якобы убил. С телами я мог справиться. Но с людьми? Не особо.

Я перевернулся на бок и взял свой телефон, чтобы проверить камеры слежения и сигнализацию. Если бы девушка попыталась сбежать, попробовав открыть дверь наружу, на задней лестничной площадке раздался бы сигнал. Дверь же, ведущая из библиотеки в остальную часть дома, была наглухо закрыта. Все-таки, может мне стоило подобрать другую охранную систему,

окружив библиотеку проволокой...

О чем я только думал? Она невинная девушка. Совершенно не опасная для меня. Всего лишь игрушка.

Моя игрушка.

Я думал о ней, лежа на подушке, и один лишь её образ, возникший в моём воображении, вызывал гормональное наводнение. Я лениво ласкал себя, поглаживая через простыни. Из-за нее?

Возможно, всему виной слой. Там под ее кожей было больше, чем обычное тело. Там был ум, который я никак не мог понять. Злодеи проще. Их мотивы проще: деньги, власть, роскошь.

Но Сара... я не знал, что было у нее внутри такого, что вынуждало ее совершать самые разные поступки. Я собственными руками вытащил ее фальшивые глаза, но этого было недостаточно. Пока еще ее душа была для меня сокрыта.

Люди на моем операционном столе всегда были «обнажены» передо мной. У всех них была одна цель: убежать. Они приходили ко мне, что-то натворив в своих прошлых жизнях. И они хотели убежать. Хотели исчезнуть. А я заставлял их исчезнуть.

Просто не так, как они того хотели.

Сара же была другой. Она появилась в моем доме по другой причине. Притворяясь.

Присмотревшись к часам, я нахмурился. Полночь, и я еще не сплю.

А спала ли она?

Мой член увлеченно подпрыгнул от одной лишь мысли о ней. Я представил ее темно-каштановые волосы, распластанные на диванчике. Ее тело, одетое лишь в мою рубашку, напрягшуюся грудь, упирающуюся в пуговицы.

Я подумал о ее сбившемся дыхании при моём прикосновении. Притворялась? Под этим

подразумевалось больше, чем я увидел.

Пойти к ней.

Откинув простыни, я поднялся и покинул спальню. Я хотел посмотреть на то, что еще было в этой девушке. Хотел раздражить ее, тем самым раскрыв для себя.

Хотел разобрать свою игрушку и посмотреть на то, что заставляет ее тикать.

Сара

Я потратила целый час на поиски выхода из библиотеки. Пробежалась пальцами по всем стенам, увешанным стеллажами с

книгами, пытаюсь найти скрытый переключатель. У меня были мысли, что он должен находиться на стене, ведущей к операционной. Логично, если он открыл ее в прошлый раз так, что я не увидела. Но я так и не сумела ничего откопать.

Возможно, одна из книг служила переключателем. Я оглядела все полки, пытаюсь найти хоть что-то выделяющееся из общей массы. Но, конечно же, переключатель не выделялся бы. Он же сокрытый. Тайный.

Я старалась, вытаскивая наугад сначала по одной книге за раз, а потом и горстями, перетасовывая их на полках, но ничего так и не

произошло. Но тут тысячи книг. Я не могла проверить все. Не сегодня. Те две инъекции, которые он мне ввел, хорошенько сыграли на моем организме. Даже сейчас мозг не соображает до конца. Или, может, это истощение доводит меня.

Около полуночи я, наконец, прекратила поиски и потушила свет. Завтра я могла бы поискать еще. И послезавтра. У меня есть время. А пока Риен будет думать, что я смирилась со своей судьбой, я смогу найти способ сбежать. Он не убьет Гэри, во всяком случае, пока думает, что я могу передумать. Будь я «выжившей» я бы притворилась

неуверенной. Притворилась, будто сдалась, прекратив поиски способа вырваться.

Но он меня раскусил!

Тогда. Да. Но не снова.

Я на ощупь прошла к дивану и прилегла, подтягивая ноги к груди. В темноте комнаты я ничего не могла разглядеть, даже с льющимся из-под двери светом. Библиотека была заперта с двух сторон. Приемная и операционный зал с одной стороны, жилище Риена с другой.

Я обняла себя своими же руками, когда меня пробрал холод. По одну сторону от меня расположился убийца, по другую — человек, который вскоре станет

трупом. Гэри солгал мне, но я не могла его убить.

«Может и смогла бы, — подсказал разум. — Оставайся неуверенной».

Верно. Может, мне бы и удалось убить его. Одной рукой я сунула себе под голову подушку. Все, что я могла почувствовать — запах, запах кожаного дивана и старых пыльных книг. Рубашка же, которую дал мне Риен, была чистой и стерильной. Ранее, когда он трогал меня, склонившись, я ощутила его запах. Приятный аромат с намеком на мяту и свежий воздух. Который я хотела понюхать снова.

Я с отвращением покачала головой. Но вдруг поняла, что могу это использовать для своего образа. Выжившая. Она бы притворилась, что хочет его.

«Да, — размышляла я. — Я могла бы это сделать. Могла бы вести себя так, словно он меня привлекает. Могла бы притворяться, что повелась на него. Могла бы...»

Раздались приближающиеся шаги. Я задержала дыхание. Замок в двери щелкнул, открываясь.

Я закрыла глаза, притворяясь спящей. Мне нужно было успокоиться. Сердце барабанило, как

сумасшедшее.

Что же Мейснер сказал бы в подобном случае? Перенесите точку концентрации на какой-либо предмет вне себя — на другого человека, головоломку или сломанное блюдо, которое пытаетесь склеить.

Другой предмет. Первым, что пришло мне на ум, был... скальпель.

Отлично. Да. Скальпель. Я грезил о скальпеле. Дыхание замедлилось, когда я заставила себя сконцентрироваться. Я увидела скальпель в своих мыслях. Серебряное лезвие. Маленький винт, прикрепляющий лезвие к ручке.

Дверь, скрипнув, отворилась.

Я провалилась глубже в мысли. Скальпель блестел на свету. Я видела, как он перевернулся в моей руке, отражая. Отражая мое лицо. И следом за мной в отражении появляется...

— Сара.

Голос доносился издалека, будто из-за завесы. Я заставила себя не реагировать. Хотя в моем сознании из отражения лезвия на меня уставились золотистые глаза. Золотистые глаза и темные волосы.

— Сара.

На этот раз голос Риена был близок. Я перевернулась на диване, шевелясь, но приказывая себе

удерживать внимание на скальпеле. Все время на скальпеле. Но скальпель более не был чистым в моей голове. Он был красным. Капающая кровь. Пульс снова возрос, вдохи становились все мельче и мельче. И тогда...

— Ох!

Он задел мою щеку, и я дернулась, просыпаясь, будто на самом деле спала. Концентрация исчезла, в своих мыслях я бы уронила скальпель.

Все мое тело отпрянуло, съезживаясь на диване. Он схватил меня за запястье. Я двинулась прочь.

— Не двигайся, — приказал он, снова обхватывая мои запястья.

Пульс набатом отдавался в ушах. Я не могла сфокусировать свое внимание ни на чем, кроме пальцев, обернутых вокруг моих запястий.

— Что ты делаешь?

— Я не хочу причинить тебе боль. Не двигайся.

Я изо всех сил пыталась вырваться, а он вдруг перестал шевелиться. Но стоило мне расслабиться, как он тут же начал подтягивать меня в вертикальное положение.

— Если хочешь, можешь бороться. Но ты все равно не сможешь победить. Я намного сильнее тебя, — шепот в темноте.

Предупреждение, исходящее от теней. Я прикусила губу, позволяя ему двигать меня, как куклу.

Перемещая руку под моей спиной, он приподнял меня в сидячее положение. Ничего нельзя было разглядеть: все черно, как смоль. Я могла чувствовать только его руки: одна как тиски обхватывает запястье, вторая придерживает за плечо.

После я ощутила на своей спине давление его груди. Его торс был обнажен, и он придвинулся так, чтобы я могла это ощутить. Жесткая эрекция уперлась мне прямо в поясницу. Ужас просочился в меня, когда новая мысль возникла в

голове.

Нет. Только не это.

Минутой ранее я уговаривала себя, что смогу сделать это. Смогу притвориться, позволив себя обольстить. Если бы это дало мне преимущество. Сейчас же, когда все происходило на самом деле, я осознала, что у меня, в общем-то, и выбора нет. Я не могла сопротивляться, в противном случае в его силах нашинковать меня. Поэтому мне оставалось лишь держаться на расстоянии. Вести себя так, будто все не по-настоящему. Все ведь и так не по-настоящему, не правда ли?

Но тут же пришли воспоминания о том, что он сделал со мной в первый раз, и веки обожгло слезами.

— Не вводи мне ничего, — попросила я, закрывая глаза, будто это могло заставить темноту отступить. В моих мыслях шприц настигал меня именно в темноте. Но я не знала когда. Сердце застучало в ушах. — Пожалуйста. Никаких игл.

— Никаких игл, — согласился он, мягким шепотом на ухо. На секунду он показался таким нежным, что я позабыла о том, что должна его бояться. Да, я боялась, но темноты, а не его. Его руки смягчились на моих,

лаская кожу. — Но не борись со мной.

— Не буду, — согласилась я. Учитывая тот страх, коим я была охвачена, его слова принесли облегчение. Никаких игл. Никакого паралича.

Если все станет слишком ужасно, я сумею себя защитить.

Я не знала, что он делал, но неожиданно его рука обвилась вокруг моей груди. Уложив подбородок на шею, он по пути ткнулся носом в мои волосы.

— Ты спала?

Он разговаривал со мной как любовник. Обезумевший маниакальный любовник, держащий

меня в запертой библиотеке, но, тем не менее, любовник. Его голос, издающий певучие слова обещал медовые сладости.

— Да, — солгала я.

— Видела сны?

— Нет.

Риен слегка раскачивал меня вперед-назад, отчего меня вновь стала догонять сонливость. Вместе с адреналином в теле замедлилось сердце. Откинув волосы в сторону, он прижался губами к моей шее. Длинные, медлительные острые ощущения завладели моими нервами.

— Ты была без сознания, —

прошептал он. Его дыхание скользнуло по моему затылку.

— Да.

— Это похоже на смерть, да?

— Не знаю, — ответила я. В воображении вновь вспыхнул скальпель. Я заморгала, отгоняя картинку. — Я никогда не умирала.

— Декарт говорил: «Я думаю, значит я существую». Если ты не думаешь, то что делаешь? Разве бессознательное существование не то же самое, что и смерть?

— Ты анестезиолог. Так что ты и скажи. Ну, или, по крайней мере, ты им притворялся, — возможно, он солгал мне и об этом.

— Я анестезиолог.

Он говорил правду. Что в его голосе навело меня на эту мысль? Его большой палец потер бок моей руки, и я вздрогнула.

— Ты — убийца, — шепнула я.

— Какая разница? Я ввожу людей под наркоз. Иногда они выбираются из него. Иногда нет.

— Ты пытаешь их.

— Я пытал и тебя, — он крепче сжал свои руки на мне.

— Это должно утешить?

— Мне нет дела до утешения.

Я занимаюсь болью и удовольствием. А точнее, болью других людей. И своим удовольствием.

— Но не моим.

— Нет, — согласился он. Что-то странное было в его голосе, когда он это произнес, своего рода беспокойство, которое ранее слышать от него мне не доводилось. Риен, с самого начала казавшийся таким решительным, впервые выглядел неуверенно. Что еще сильнее меня к нему притянуло.

— О чем ты думаешь? — поинтересовался он. Уверенность вновь вернулась, когда он сменил тему. — Ты теряешь себя, когда спишь?

Я прислонилась к нему так, что голова легла на его ключицу. Его

тело расслабилось. И я глубоко вздохнула.

— Я не уверена в том, бодрствую ли сейчас, — произнесла я, позволяя себе уплыть. Сердцебиение замедлилось. — Все это не кажется реальным. Может, я сплю. Может, прямо сейчас я вообще не существую.

— Неужели ты и в правду отличаешься от того человека, коим была утром, Сара?

Я открыла глаза. Темно, ничего не изменилось. Только его напряженные мышцы у моей спины.

— Прямо сейчас я ничего не представляю. Никакой личности. Я — всего лишь заключенная, —

выжившая.

Его руки двинулись на моей груди, притягивая ближе. Я задохнулась, когда он лег на диван подо мной, перетягивая меня следом. Его ноги скользнули под мои, касавшихся его лодыжек.

Он полностью подо мной. Я лежу поверх него — моя спина к его груди. А затылок упирается в его плечо.

Его руки начали расстегивать мою рубашку. Одна пуговица за раз. Я лежу неподвижно, то ли потому, что не могу пошевелиться, то ли потому, что не хочу. Я ведь только что решила притворяться, разве нет?

Но это не походило на притворство. Его руки гипнотизировали, ласкали меня. Я глубоко вдохнула, чувствуя давление в легких у его груди. После чего его дыхание оглушительно вернулось.

Его член был уже наготове. Я почувствовала, как его эрекция прижалась к задней части моих бедер. Наконец, он расстегнул последнюю пуговицу рубашки. И потянул ткань. Соски напряглись от прохладного воздуха библиотеки. Он накрыл мою грудь руками, большими пальцами поглаживая основания твердых вершин.

Это ли чувствовала моя мать со своими клиентами? Нездоровый

ужас кружил в моей голове. Он убийца, держащий меня в заложниках. Но, между тем, мое тело откликалось на невольное удовольствие. Удовольствие смешивалось со страхом, борясь. Я же не знала, чего хотела от него. Твердая длина его члена пульсировала под моими бедрами, и я ощутила омывающее меня непрошеное желание.

Как сильно моя мать ненавидела это? Все это?

Во всяком случае, я думала, что она должна была ненавидеть. Ведь она была более сильной женщиной, чем я.

Риен лениво катал мой сосок большим пальцем. Другая рука опускалась ниже, скользя пальцами по коже. Мои губы приоткрылись в абсолютной тьме. Я вдохнула. Подушечки его пальцев были гладкими. Длинные пальцы. Руки хирурга. Я поморщилась, подумав о его руке, держащей скальпель, рассекающий кожу. Я выдохнула, как только он устроил передышку на секунду.

Я слышала его дыхание, слишком громкое, прямо в моем ухе. Он лежит подо мной практически полностью неподвижно, лишь грудь его вздымается и опадает, вместе со

мной. Затем он зацепил большим пальцем резинку моих трусиков.

Я вдохнула в то же время, что и он. Его грудь поднялась у моей спины, широкая и теплая. С рукой, обвитой вокруг меня в медвежьей хватке, он выгнул спину, плавно стягивая к коленям и свое, и мое нижнее белье.

Я задохнулась, когда его член слегка дернулся между бедер, горячий на моей коже. К моему смущению, я уже была влажной. Я сомкнула бедра, но он даже не потрудился их разделить. Вместо этого его руки вернулись к моему телу. Одна массажировала кожу чуть выше тазовой кости. Другая, минуя

живот, принялась ласкать грудь. Лежа там, я не шевелилась и не боролась.

Кто же я сейчас? Выжившая? Как я вообще могу быть выжившей? Мне ведь нравилось это. Нет, даже больше чем нравилось. Мне это было необходимо. Я застонала от удовольствия, когда его губы поцеловали заднюю часть моей шеи, вырисовывая языком круги чуть выше спины. Слишком долго и тягуче. Никогда раньше мужчина не позволял себе касаться меня так собственнически.

Воздух надо мной был прохладным, а он подо мной

горячим. Опустив одну сторону расстегнутой рубашки, он поцеловал меня в плечо. И я задрожала.

— Тебе нравится?

— Да, — слово выскочило то ли шепотом, то ли криком, забравшим все силы, сдерживающие меня, дабы я не начала сама себя трогать. Я изнывала, так дико его возжелав.

Он вновь поцеловал меня, выстраивая из поцелуев линии вдоль плеча и шеи, и обратно.

— Ты идеально вписываешься в мои объятия, знаешь? Все дело в правильном размере.

Мои губы раскрылись, когда я снова почувствовала пульсацию его

члена. Удивительно толстый, он скользнул между моих бедер. Я была влажной, о Боже, невероятно влажной. Он легко толкнулся выше. Его длина скользнула по складкам, без вторжения. Направив руку вниз, я ощутила его кончик, выглядывающий между моих бедер.

— Пока нет, — промурлыкал Риен. Он медленно качнулся назад, отчего его длина легко коснулась моих складок. Я едва не закричала. Как он мог проделывать это со мной своим телом? Я больше не была выжившей. Я вообще никем не была. Я принадлежала только ему.

Затем он качнулся вперед, и я

ВНОВЬ почувствовала его кончик у своего входа, влажного от соков. Он качнулся снова. И снова.

— Пожалуйста, — взмолилась я голосом, хриплым от желания. Может, вначале я и притворялась, но сейчас в агонии охватившей мое тело, не было никакой фальши. Мое тело было сосредоточением пустоты, которую необходимо было заполнить. Слезы выступили на глазах, когда он подкрался еще ближе, а потом вновь отступил. — Прошу тебя.

— Скажи мне, чего хочешь.

— Я хочу...

Я не могла это произнести. Черт меня подери. Я не могла

произнести ни слова.

— Скажи мне.

— Я не могу... — начала я, застревающим в горле голосом. — Не могу...

Я наклонилась, касаясь его члена. Поддавшись бедрами выше, он позволил мне ввести себя внутрь. Когда его кончик вошел, он отвел мою руку. Его пальцы скользнули вниз над клитором. Я резко втянула воздух, когда он увлажнил их моими соками. А затем опустился прямоком на клитор, вырывая из меня громкий крик.

В одно мгновение другая его рука очутилась на моей шее, а он

глубоко вонзился в меня членом. Я закричала, а его рука, охватив мою шею, перекрыла воздух.

— Открой глаза, — прошептала он. Я задохнулась, глядя вверх в темноту. И тогда он ослабил давление, поддавшись назад.

Прежде чем я успеваю отдышаться, он снова повторяет свое движение. Длинные пальцы, обвитые вокруг моего горла, лишали всякого воздуха. В крошечной тьме я видела, как звезды вспыхивали перед глазами. Я изворачивалась в его объятьях, но он крепко прижимал меня к себе обеими руками. Я попыталась убрать его руку от горла, накрыв ее своей, но так и не сумела

этого сделать.

— О-о-о, — простонал он, толкаясь в мое тело. Его хриплый голос отдался дрожью в моем теле. Я ахнула, как только он отпустил горло, все еще крепко меня сжимая. Он снова вонзился, и я закричала, закричала от удовольствия, остановившись только тогда, когда его рука вновь обосновалась на моей шее. Но на этот раз я подготовилась. Вдохнула. И закрыла глаза, когда он сделал выпад.

Я могла дышать только тогда, когда он позволял. А удушение подстроилось под его ритм. Большим пальцем он кружил вокруг моего

чувствительного клитора, щелкая по нему с каждым толчком. Его взбухший член прокладывал свой путь все глубже и глубже в моей сердцевине.

Риен действовал грубо, но по мере того, как его руки трудились на моем теле, я чувствовала глубоко зарождающееся удовольствие. Жажда, в которой я бы никогда не призналась даже самой себе. Он слаженно двигался в моем теле, доставляя небывалое удовольствие. Он пользовался мною, как секс-игрушкой, толкаясь и полностью игнорируя мои крики. Тем не менее, я подхватила его ритм, поддаваясь бедрами ближе к нему, когда он

делал выпад, сталкиваясь телами.

Дыхание стало учащенным, даже с его руками, обернутыми вокруг моей шеи. Он двигал меня вверх и вниз по своему телу, смешивая пот и мои соки, так что каждое движение было скольльзящим. Он поднял бедра выше, а я ощутила, как внутри нарастает давление. Каждым волнообразным движением бедер он срывал стон удовольствия с моих губ. Каждым движением унося нас все выше и выше. Темп толчков увеличился так, что я почувствовала его сердцебиение. Оно билось быстро, в унисон с моим.

Я сжалась вокруг него в

необъяснимой нужде.
Необходимости. Используя его руки,
как рычаги, я раскачивалась на его
твердом как сталь члене.

Вдруг его тело напряглось, а руки обхватили меня с неожиданным давлением, и оргазм взорвался во мне в то же время, что и в нем. Звезды, сверкающие перед глазами в темноте, превратились в яркий фейерверк. Пульсирующий экстаз проходил по мне снова и снова, и я громко закричала, с трудом удерживаясь на нем в еще одном кульминационном моменте.

Он вздрогнул, поддавшись
вверх, а я сжалась, полностью вбирая
его, истощая. Он тяжело дышал, и его

грудь касалась моей спины с каждым биением сердца. А сердце пульсировало в такт пульсации члена, все еще находившегося во мне. Его тело и прежде было теплым, но сейчас оно было горячим настолько, что я с трудом выдержала, прислонившись головой к его плечу.

Мы лежали так с минуту, пока наше дыхание успокаивалось.

Неужели все это было по-настоящему? Именно то, что я искала с каждым парнем, с которым спала. Жесткое обладание моим телом.

Практически сверхъестественным образом он знал, как яотреагирую на его

прикосновения, послав меня раскачиваться на волне за волной бурного оргазма. Ничего из этого не было спектаклем. Мы же находились в темноте. А он дал мне самое невероятное наслаждение, когда-либо встречаемое мною в жизни.

Это не притворство. И совсем не то, с чем была знакома моя мать. Уверена. Его пристальное внимание все время было приковано ко мне, словно он знал, что творится в моей голове.

Я сдвинулась, и он выскользнул из меня, помогая присесть, отчего меня омыло головокружение. Я лежала спиной на подушках. А он поднялся, подтягивая

свои трусы.

Только услышав, как открылась дверь, я заговорила.

— Что это было? — спросила я. Он остановился, а я даже при выключенном свете разглядела мрачное выражение на его лице.

— Исследование образа, — наконец ответил он. — Я никак не мог заставить себя уснуть.

— О, — произнесла я, со сквозившим в голосе разочарованием. Не знаю, какого ответа я ждала. Не знаю даже, какой ответ хотела бы услышать. Знаю только, что от его слов дрожь по телу пробежалась — единственное, что

удерживало меня от того, чтобы рвануть к нему и обвить руками. Глупая я. Глупое воображение.

— Надеюсь, ты хорошо поспишь, — пожелала я, попытавшись добавить холода в слова, чего мне не удалось. В этой тьме он умудрился забрать мое тело себе, а потом вернуть его обратно. Я подавила сентиментальность. Ведь со мной он явно ее не разделял.

— Теперь со мной все будет в порядке, — ответил Риен. — Спасибо — спасибо за то, что не слишком боролась. Надеюсь, ты насладились. Не имеет значения, притворялась ты или нет.

Глава 14

Риен

Я присел во главе операционного стола. В другом его конце сидел Гейб, со своим скальпелем под номером одиннадцать, делая маленькие надрезы на подошве ног Мистера Стидхилла.

— Я не знаю, как с ней поступить, — произнес я, проводя рукой по волосам. Гейб ткнул лезвием между двумя пальцами ног Мистера Стидхилла, и тот издал забавный писк. Гейб всегда знал правильные кнопки, на которые

СТОИТ ДАВИТЬ.

— Она там? — он махнул рукой на секретную дверь в библиотеку.

— Да.

— Могу я с ней познакомиться?

— Нет. Ты хочешь, чтобы она увидела и твое лицо тоже?

Гейб зевнул, прикрыв рот кулаком.

— Нет, полагаю, ты прав. А ты не можешь, ну знаешь?.. — он провел пальцем по шее.

— Она невинна. А я не могу убить невинного человека.

Особенно такого, как она. Но все же я не знал, как в этом признаться. Было в ней что-то странное. Что-то, что я не мог понять. Да и остальное в

ней, не столь странное, я также понять не мог. Но, Боже, ее тело было восхитительным.

— Теперь ты знаешь, что я чувствую, — подвел Гейб, следя за выражением моего лица. — Осторожнее, или влюбишься в нее.

— Ха! Нет, я держу ее под замком в библиотеке. А выпустил только разок сегодня утром, чтобы она посетила ванную. И дал ей булочку. Не знаю, — ответил я, ощутив ту бессвязность, с которой говорил. — Все это сложно.

— Ты держишь ее под наркозом?

— Нет, — я вспомнил тот момент, когда парализовал ее, и

кровь прилила к члену. Мне нравилось смотреть ей в глаза, когда она кончает. И прошлой ночью... — Не знаю. Как поступил бы ты?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю.

— Предположим, — начал Гейб, проследив скальпелем вокруг большого пальца Мистера Стидхилла. — Предположим, я — это ты. У меня есть девушка, невинная девушка, запертая в библиотеке.

— Да.

— И я влюбился в нее.

— Я в нее не влюблялся.

— И я отчасти в нее влюбился,
— улыбнулся Гейб. — Так, я ее

убиваю, или отпускаю?

— А нет никакого другого варианта? — поинтересовался я.

— Она знает, что ты убийца.

— Я еще никого не убивал, — ответил я. — Что, если я его отпустил?

Мистер Стивхилл поднял на меня взгляд, полный надежды, впервые за многие часы притихнув. Гэв вновь ткнул скальпель в его ногу, и он взвизгнул.

— Конечно, нет. Убей его. Но запереть ее тут навсегда ты не можешь. Так что реши, стоит ли оно того — отпустить ее.

— Я не могу ее отпустить. Если

федералы увидят, как она покидает это место, то они сами найдут ее и прикончат. Или отправят к кому-то, кто поможет ей исчезнуть. Находясь здесь, Гейб, она уже одной ногой в полной лаже.

— Ты говорил мне.

— Не думаешь, что я могу оставить ее здесь? — спросил я, ненавидя молящую нотку, прозвучавшую в голосе.

— Тяжеловато, удержать девушку взаперти. С моим заложником меня хватило всего на неделю? Я не сумел с этим справиться.

Он нахмурился. Кровь ручьем хлынула из ноги Мистера Стидхилла,

проливаясь на пол.

— Черт, я умудрился порезать большой кровеносный сосуд.

Повернувшись на своем табурете, я нагнулся и выудил ящичек.

— Я продолжаю раздумывать, в надежде, что меня озарит. Какой-нибудь идеей, которая все уладит, — я вытащил бутылочку суперклея, и швырнул ее Гейбу. А он, поймав её, тут же открыл.

— Как хочешь. Если ты не любишь ее, то убей. Избавь от мучений.

Я нахмурился. Эта девчонка была интересной. Мне было

интересно трогать ее. Интересно говорить с ней. Она удивила меня своей смелостью. К тому же, у меня не было желания ее отшлепать — и это казалось неправильным.

— А что, если я люблю ее?

— Любишь?

— Боже, нет, — ответил я. —

Это было гипотетически.

— Риен.

— Что?

— Ты никогда не лгал мне прежде, — Гейб, усмехаясь, помазал порез на ноге Мистера Стидхилла. Кровь остановилась.

— Кто знает, может, она решит убить этого козла. Тогда мы оба будем убийцами. Или, точнее, она

будет убийцей.

— Слабенький план.

— Все, что у меня имеется.

— Но довольно слабо.

— Ты так думаешь? — я почесал подбородок. — Почему?

Гейб приподнял брови, глядя на меня.

— Серьезно, Риен? Дай-ка мне показать тебе, что произойдет, — он сделал вид, будто поднимает трубку. — *«Алло, полиция? Здравствуйте, какой-то сумасшедший человек похитил меня и пытал, а потом заставил убить парня»*. Если все это дерьмо получит огласку, тот высокопоставленный человек в ЦРУ

не будет думать дважды о твоём освобождении. И, как ты и сказал, если федералы сразу же до нее доберутся, она будет мертва спустя две секунды.

— Прекрасно. Я придумаю другой план.

— Тебе лучше успеть до того, как федералы поймут, что жена этого парня не мертва, — Гейб вернулся к скальпелю, на этот раз делая надрез вокруг мизинца.

— Я об этом не волнуюсь. У них все записано на камере. Сюда входят два человека, но никто не выходит. Это — все, за что мне заплатили.

— Тебе заплатили за то, чтобы ты убил двух людей: мужа и жену.

— И?

— Но так вышло, что жена вообще не жена, — ответил Гейб, указав скальпелем на меня. — И они оба живы.

— И?

— Я просто хочу сказать, — продолжил он, возвращаясь к мизинцу. — Ты, на самом-то деле, не сделал работу, за которую получил деньги.

— Так, ты хочешь мою работу? Думаешь, что сможешь выполнить ее?

— Нет, я не хочу твою работу! Я просто так сказал.

— Боже, Габриель. Ладно.

Оставь меня одного. Мне нужно подумать, — я потер руками глаза. Все шло совсем не так, как я думал. Я хотел, чтобы Гейб придумал что-то, что не включает себя убийство невинных людей или арест.

— Хорошо, — согласился Габриель. Он протер беспорядок под ногами Мистера Стидхилла, и побрызгал отбеливателем на плитку, прежде чем вышвырнуть мусор в установку для сжигания отходов. Он остановился у двери и обернулся. — Хочешь выбраться на барбекю в эти выходные?

— Может быть. Если со всем разберусь.

— Эй, не делай резких

движений, ладно?

— Не волнуйся, я не какой-то эмоциональный слабак вроде тебя, — ответил я, не зная до конца, так ли это на самом деле. После предыдущей ночи. — Еще увидимся.

— Увидимся.

Он ушел, а я остался наедине с Мистером Сидхиллом. Покрутил скальпель в руке. Гейб более хладнокровен, чем я? Я не куплюсь на эту девушку. Но в любом случае заставлю ее влюбиться в меня.

— Это не похоже на меня, — произнес я вслух, больше себе, чем мужчине, привязанному рядом на столе. — Клянусь. Это просто шутка,

вот и все. Я смогу убить ее, когда захочу.

Сара

Этим утром Риен позволил мне почистить зубы в ванной, прикрепленной к приемной. Я вымылась, как могла, учитывая, что душа в наличии не было. Я хотела было узнать у него, будет ли у меня возможность принять ванную в другой части дома, но выйдя из уборной, я застала его, трущего синяки под глазами. Он запер меня в библиотеке, а сам отправился в операционную, оставив меня в компании лишь одной булочки.

Сквозь книжные полки до меня доносились голоса и изредка крики Гэри. Я же старалась их игнорировать.

Он вернулся в библиотеку спустя час, одетый уже в другую футболку. А я терялась в догадках, как мне себя с ним вести. Он шел невероятно уверенно, как и прежде, да и держался так, словно ничего не произошло. Я нервничала, паниковала, пытаюсь держать себя так же беспечно, как и он.

— Спасибо за завтрак, — сказала я, кивая на булочку.

— Не за что, — ответил он. — Ты хорошо спала?

— Да, — я подумала о том, о

чем он говорил мне ранее. — Даже когда потеряла свою сознательную личность.

— Правда? Не думал, что я был настолько хорош.

Я ахнула в булочку, нервно посмеиваясь. Риен предложил мне стакан воды. Я сделала глоток и вытерла слезы, закашлявшись. Вся неуверенность, которую я носила с ночи, выплеснулась из меня.

— Оу, — произнесла я, глубоко вздыхая. — Ладно. Хорошо.

— Хочешь что-нибудь еще из еды?

— Я в порядке, Риен, — ответила я, и перехватила его, когда

он собрался уходить.

— Да?

— Почему ты пришел сюда прошлой ночью?

Он слегка поднял брови и привалился к двери.

— Я хотел больше узнать о тебе.

— Например, как чувствуют себя мои соски в темноте?

— Конечно, — он улыбнулся, а я почувствовала налет волнения, промаршировавший через меня. Неужели все это произошло?

«Не глупи, Сара. Конечно, произошло».

Я взглянула на книжные полки расфокусированным взглядом.

— Ты хочешь поговорить? —

поинтересовался Риен. Вернувшись обратно, он поднял со стола поднос. Тарелка слегка звякнула на серебре.

— Не особо, а есть причина?

Всего на мгновение он безмолвно уставился на меня. Его золотые глаза пробежались вниз по моему телу, до того изгиба, где его рубашка заканчивалась на моем бедре.

— Почему я пришел к тебе прошлой ночью?

— Это ты у меня спрашиваешь?
— переспросила я. — Не знаю. Возможно, всему виной твоя бессознательная личность, взявшая верх.

Он тщательно изучал меня. И под его твердым пристальным взглядом я почувствовала, как разгорячилась кожа. Я вернулась к книжным полкам, кладя пальцы на корешки книг.

— В свету ты другая, — наконец произнес он.

— Ага, больше фотонов (прим. переводчика: элементарная частица, квант электромагнитного излучения (в узком смысле — света)).

— Ты другая. Более саркастичная. И холодная.

Он подступил ко мне на шаг ближе, что я почувствовала по перепаду давления в воздухе позади.

Теперь в библиотеке было по-другому. Жарче. Влажнее.

— Ты просто не видел, как я хмурилась в темноте, — ответила я категорически.

— Вот как ты это называешь?

Я вспыхнула.

— Я не знаю, как не быть саркастичной, — буркнула я. Вытащила книгу с книжной полки и просмотрела ее, не видя слов.

— Прошлой ночью ты не была саркастичной.

— Я не знаю, что произошло прошлой ночью.

Риен, прислонившись к стеллажам, поднял взгляд к моему лицу. Закусив губу, я прямо

посмотрела на него.

«Он никогда не был другим, — подумала я. — Всегда холодный, невозмутимый. Самый уверенный в себе человек, когда-либо встречаемый мною. И только однажды я заглянула под эту спокойную уверенность. Прошлой ночью».

— Почему ты захотела быть актрисой? — поинтересовался он.

— Снова?

— Из-за славы? Денег?

— Почему ты спрашиваешь?

— Хочу узнать, почему ты носишь так много масок.

— В с е — ненастоящее, —

ответила я, подтолкнув корешок ближе к полке. — Почему же я не должна быть фальшивой?

— Это не ответ.

— Конечно, ответ.

— Я хочу настоящий ответ.

Я не могла сказать правду ему в лицо, не тогда, когда он так на меня смотрит. Поэтому я отвернулась и снова села на диван.

— Я никогда ничего не хотела, понятно? Мы были бедны.

— Бессмысленно. Звучит так, будто в ином случае ты хотела бы все и разом.

— Почему? — нахмурилась я.

— Ты сама так сказала: у вас ничего не было.

Я покачала головой, а грудь напрягалась, когда я об этом подумала.

— Ты не понимаешь. Вот почему. Я не просила свою мать о конфетах, когда все мы ели хлеб на ужин. Ничего не хотела. Однажды я спросила у матери, могу ли я получить Барби. Барби! Дерьмо, стоившее двадцать долларов. И я увидела взгляд своей матери, когда задала этот вопрос. Ту невероятную боль в глазах.

Риен глазел на меня. Я рассказывала. И чувствовала его взгляд на мне, как вчера всюду чувствовала его пальцы. Осязаемый

взгляд, заставляющий ерзать на месте.

— Я не понимала этого, пока не стало поздно. Чего ей стоила эта Барби. Чего стоил хлеб, который мы ели. А когда поняла, я набила себя заверениями, что никогда ничего не захочу более.

Слезы обожгли заднюю часть глаз. Она сделала все для меня и моей сестры! Не существовало шанса, что мне удастся возместить ей все, что она сделала для нас.

— И все же ты чего-то хотела. Только ей не говорила.

— Нет! — Я подняла взгляд. — Все так, как я и сказала. Я остановила свое желание. Внутри. Я

убедила себя, что не хочу «Хэппи Милл» или игрушки, даже содовую от 7-11. Я заверила ее, что мой любимый обед — майонез на тосте, потому что ничего другого у нас не было. Я видела выражение ее лица, когда моя сестра жаловалась на еду, которую мы ели. Но дело не только в ней. Я убедила саму себя. Похоронила в глубине своей души каждое желание, когда-либо появляющееся у меня, выжигая любой позыв. Покрыла это бетоном и шлакоблоками, запрятав как можно дальше.

Рыдание поднялось в горле, и я подавила его, укусив себя за язык. Я

не хотела плакать перед ним. Не перед ним. Не сейчас. Что случилось со мной под маской? Я потерпела крах, неудачу. Он сорвал все мои заслонки, и сейчас я сидела перед ним совершенно открытая, как если бы была обнажена.

Риен подошел, присаживаясь на диван. Он положил руку на мое колено. Я хотела стряхнуть его. Хотела завлечь в свои объятия. Хотела убить.

— Из тебя получился бы отличный серийный убийца, реши ты поменять карьеру.

Это замечание было таким странным, что я не сдержала смешка. Риен вытащил из кармана носовой

платок и протянул его мне.

— Оу, да? — переспросила я. — Почему?

— Бетон и шлакоблоки? Вот, в принципе, как можно избавиться от тела.

Я прикусила губу. А он улыбнулся мне, поцеловав в макушку. Я ничего не могла поделать: я оперлась на его руку, смакуя давление его губ. Его тепло.

— Значит, именно поэтому ты решила стать актрисой.

Я кивнула, промокнув уголки глаз.

— Да. Поскольку у каждого образа есть своя мотивация. Каждый

персонаж имеет свой набор целей, желаний, мечтаний. И как замечательно вжиться в роль, не думая ни о чем, кроме мотивации своих действий. Притворяться, будто хочешь чего-то почти так же сильно, как и твой персонаж.

— И у тебя вообще нет никаких мотиваций?

— Нет. Никогда, — я зажала платок между коленей.

— Я в это не верю. Это маска, все это.

Его лицо скривилось, когда он увидел выражение моего лица.

— Ты думаешь, что это маска, которую я ношу поверх своего истинного «я»? — спросила я. Затем

смяла платок, со злостью стерев слезу со щеки. — Это не так. Все как есть. Куча масок одна на одной. А под ними пустота.

— Это не правда.

— Но я не вру.

— Я не говорю, что ты врешь. Но это неправда. Ты — нечто больше. Внутри тебя есть страсть. Мечты. Но не пустота. Доверься мне. А повстречал множество пустых людей.

Вдруг, мне стало грустно. Я ведь именно этого и добивалась. Вечное притворство. Даже сейчас. Притворство ради притворства. Правда моей жизни?

— Спасибо за веру в меня, —
рассеянно поблагодарила. —
Единственным человеком,
посоветовавшим мне следовать
мечтам, оказался психованный
серийный убийца.

— Психованный? Извини?

— Ты потрошишь человеческие
лица.

— Потрошить — такое грубое
слово. Я разрезаю их лица. Хирургия
представляет собой прецизионное
мастерство.

— Как скажешь, — я захлопала
носом.

— Знаешь, ты напоминаешь мне
одну цитату: «Если бы у меня и было

желание, то только о том, чтобы я был свободен от желаний».

— Похоже на меня. Кто так сказал? Далай Лама?

Риен улыбнулся.

— Чарльз Мэнсон.

— Быть того не может.

— Похоже на тебя, а?

— Ладно. Ладно. Я на это не просилась, — я грустно усмехнулась.

Риен поднялся, а мне вдруг захотелось схватить его за руку, удерживая на диване. О, Боже! Я хотела, чтобы серийный убийца меня утешал. Я чувствовала себя такой чертовски пустой.

— Мне нужно в продуктовый

магазин, мой маленький псих, — сказал он. — Но я вернусь.

Он потянулся к полке и вытащил оттуда книгу. А потом положил ее на подушку рядом со мной.

— Мэнсон: Биография, — вслух прочла я.

— Может, он подаст тебе хорошие идеи, — заметил Риен. Его глаза мерцали темно-золотистым цветом. — На тему того, чего ты хочешь.

— Из продуктового магазина? Я хочу кекс.

— Я серьезно, Сара, — выражение его лица смягчилось. — Подумай о том, чего ты хочешь. Или

же ты действительно не хочешь...
ничего. Мне бы хотелось знать.

— Что ты хочешь знать?

— То, чего ты хочешь. Что заставляет тебя тикать. Что делает тебя тобой. Конечно, ты не такая психопатка, как Мэнсон. Или, возможно...

— Возможно, что?

— Возможно, он был нормальным.

— Только ты так думаешь, — бросила я. И подняла книгу перед собой так, чтобы Риен не мог видеть, как я плачу. Мне совсем не хотелось, чтобы он узнал, как много для меня значит то, что он проявляет хоть какую-то заботу о том, чего я хочу.

Слова размылись из-за слез, как
только за ним захлопнулась дверь.

Глава 15

Риен

Как я могу убить ее? Я же только сейчас начал ее понимать. Прогуливаясь по тротуару, я думал о странной очарованности, поселившейся во мне.

Да, она была моей игрушкой, но убрав защитный слой, я увидел в ней даже больше, чем она сама. Я не мог покончить с этим разумом, нет, не с тем, что я увидел там. Я мог понять ее разочарование, по крайней мере, частично. Но все же, я никак не мог до нее этого донести.

Моя жизнь на поверхности,

скорее всего, отличается от ее. Моя семья богата, полнится послами, разъезжающими из одной Европейской страны в другую. Там я получал все, чего только хотел. Они покупали мне машины, еду. Давали мне деньги и устраивали встречи с детьми других послов. Но там не было никакой любви. Все, к чему я начинал питать привязанность, они отбирали.

Однажды я полюбил девушку, но они отобрали и ее.

Я вытряхнул мысли из головы. Солнце Лос-Анджелеса опаляло голову, а весь мир казался слишком ярким, чтобы быть настоящим. Я шёл по улице вдоль магазинчиков и

баров, переполненных фальшивыми людьми, болтающими о всякой фальшивой ерунде. Все, чего я хотел, так это вернуться к ней.

Зайдя в бакалейную лавку, я пробежался руками по стеллажам, выбирая все, что, по моему мнению, ей бы понравилось. Рибай (прим. переводчика: стейк), который отлично сочетался с урожаем Корбане (прим. переводчика: вино), которое я коллекционировал. Морковь, чтобы добавить в пюре, приготовленное по семейному рецепту.

А достигнув конца прохода, я осознал, что насвистываю.

Что эта девчонка со мной сделала?

Я купил продукты, обмениваясь вежливыми улыбками с кассиром. «Я должен быть более осторожным, — подумал я. — Сегодня я провернул вылазку-предлог. Если все обернется в долгое мероприятие, мне придется расширить свои покупки. Но вот покупкой еды на двоих я могу легко понасться».

Повернув за угол улицы, я задумался о магазине кексов, мимо которого проходил. Голова отреагировала на ароматы. Шоколад? Земляника? Я не мог определить. Не понимал.

Я и забыл, что не мышление меня подводит. Глупо. Небрежно.

Не увидел, что он поджидает меня в проулке.

Сара

Я подобрала книгу о Мэнсоне, которую Риен оставил для меня на диване. Пролистала ее, просматривая. Вся первая часть была о его детстве, поэтому я пролистала ее до середины. Там было заявление о его свидетельских показаниях из зала суда, которое бросилось в глаза. Откинувшись на спинку дивана, я принялась читать.

«Нет. Мы все — в своих

собственных тюрьмах, камерах-кельях и наедине со своим временем. Я не могу никого судить. Что делают другие — не мое дело, до тех пор, пока они не обратятся ко мне. Тюремь — в вашем сознании. Разве вы не видите, что я свободен?»

Точно. Свободны, как гребанные птички. Посмеиваясь, я оглядела стены библиотеки. Как-то мой воспитатель в детском саду сказал, что, умей мы читать, мы всегда могли бы отправиться исследовать чертоги своего сознания. Нас бы никогда не ограничивали.

Хотя, мою воспитательницу никогда не запирали в библиотеке серийного убийцы.

Риен

Вейл следовал за мной с дулом пистолета, торчащим из-под пиджака, подталкивая меня в поясницу.

— Риен, — прогремел он.

— Я тоже рад тебя видеть, Вейл, — обратился я к нему. Как же небрежно. В этот момент я мог думать только об одном: если я умру, как она сбежит?

Вейл впихнул меня перед собой в проулок, и я небрежно вскинул свободную руку.

— Что случилось?

— Почему ты не рассказал мне?

— Не знал, что ты скажешь обо всем этом.

— Во-первых, к стене.

Повернувшись, я принялся ждать, пока он обыщет меня. В уме же я пробегался по своей истории. Мне нужно притвориться дурачком.

Я убил ту парочку, конечно, убил. Ну, в любом случае, они были заперты в моем доме, с непреодолимой сигнализацией. Все сводится к одному. Даже если я не собирался убивать Сару. Вейл расставил мои ноги, обследуя бедра.

— В игривом настроении? Вейл, ты должен как-нибудь позволить мне отвести себя в клуб. Ты как

настоящий Пол Ньюман с этими светлыми волосами и голубыми глазами. Может, мы могли бы даже заснять тебя в нескольких картинах.

— Как насчет того, чтобы позволить мне купить тебе выпивки, — произнес Вейл, хватая меня за руку сразу же после того, как он понял, что я безоружен.

Выпивка? Я не хотел сейчас разговаривать со своим боссом.

— Немного рановато.

— Тебе может понадобится порция. Я знаю, о чем говорю.

Он вывел меня обратно на улицу, тут же нырнув в гребаный паб. Мы прошли в угловую будку, где он щелкнул пальцами, призывая

официантку.

— Очень крутое место, Вейл, — заметил я, вытирая салфеткой липкий стол. — Держу пари, они бы даже протерли стол, попроси мы их.

— Два виски. Неразбавленные, — обратился Вейл к официантке, которая, наконец, отвлеклась от старательного игнорирования нашего присутствия.

— Мне двойную порцию. С кубиком льда. И могли бы Вы убрать мои продукты в холодильник за барной стойкой? — поинтересовался я, сверкнув обаятельной улыбкой. — Спасибо.

Вернувшись с виски, она

поставила заказанное перед нами. Вейл в ответ кинул мятую десятидолларовую купюру.

— Ты высоко взлетел, не так ли? Сколько же сейчас они платят за души?

— Не столько, чтобы иметь дело со всякими придурками вроде тебя.

Вейл искоса глянул на меня, опрокинув виски. Я же потягивал свой. Официантка сидела перед баром, вне пределов слышимости. Но Вейл все же понизил голос.

— До меня доходили слухи, витающие вокруг. Слухи о том, что Сьюзен Стивдхилл была убита.

— Да? — произнес я. — Всегда пожалуйста.

— Слухи о том, что не ты это сделал.

Я облизнул губы, сомневаясь в том, как много можно ему рассказать. В таком случае.

— Они приехали в мой дом. И я убил их.

— Ага, записи с камер наблюдения так и показывают.

— И ? — я вскинул брови, изображая искренность. И вспомнил рассказ Сары о методе Станиславского.

«Я убил их, — сказал я себе. — Они мертвы».

Если самому поверить в это, то и он поверит.

— И я на это не купился, — проговорил Вейл, глядя на меня настороженно. — Потому что, исходя из этого слуха, я понял, что ее убили до того, как она ступила ногой в твой дом.

— У тебя есть доказательства?

— Нет. Этот слух не подкреплён телом.

— Какая досада.

Вейл с грохотом опустил стопку на стол.

— Где Сьюзен Стивхилл?

Я же сделал ещё глоток виски. Мне всегда удавалось хорошо лгать. Да и все дети в этом хороши, когда ненавидят своих родителей.

— Не знаю. Я думал, что она мертва. Думал, что убил ее.

— Не шути с этим.

— Т ы — тот, кто посылает свидетелей ко мне в дом. А я всего лишь избавляюсь от них, как только они появляются. И приехавшая женщина назвалась Сьюзен Стидхилл.

— Ага, ну так вот, она могла ею и не быть.

— Не моя вина, — я двинулся, намереваясь выйти из будки. Если это все, что у него было, то он не имел никакого права держать меня здесь.

Он схватил меня за руку. И я

поморщился.

— Мы, возможно, убили невинного человека, Риен.

— Когда правительство США начало волноваться об этом? Возьми себя в руки. И забей. Когда вообще ты начал об этом заботиться?

— Мы не знаем где супруга. У нас нет тела.

— Значит, она все еще может быть жива?

— Может, — ответил Вейл.

— А ты пытался посмотреть в Бразилии?

— Ха. Действительно забавно, Риен.

— Я не видел ее. Теперь я могу идти?

— Конечно-конечно. Кстати, у тебя есть зубы для меня?

Дерьмо. Тут-то было.

— Нет.

— Нет?

— Я бегал по магазинам, черт побери.

— Мне нужны доказательства, Риен. Как и нужно узнать, кто эта девчонка. А после провести зачистку.

— Ага, — мне тоже нужно было узнать, кто она.

— И мне нужно удостовериться, что с девчонкой был Стидхилл. Мало ли, они могли нанять два тела.

— Ладно.

Схватив виски, я опрокинул остаток. Я не знал, как вести себя с Вейлом. Он редко просил доказательства, а если и просил, то именно это и имел в виду.

— Значит?

— Что значит?

— Значит, отдай мне зубы.

Давай вернемся к тебе прямо сейчас.

— У меня их еще нет.

— Почему нет?

— Я слегка позабавился с их телами, — по крайней мере, правда.

— Я не сжег их.

Глаза Вейла сузились.

— Ты больной хрен, Риен.

— Ага, ну удачи тем не больным

хренам, которые сделают эту грязную работу для тебя, — я поднялся из-за стола.

— Я хочу их зубы. И я заеду завтра.

— Не стоит. Я весь день занят.

— Завтра ночью.

Я сделал вид, будто раздумываю.

— Я не спрашиваю, Риен. Я нахожусь в эпицентре беспорядочной путаницы, и мне нужно знать, кто мертв, а кто нет.

— Отлично. Завтра ночью. А сейчас, с твоего позволения, я куплю кекс.

Сара

Я все продолжала читать книгу. Могу сказать, Мэнсон не был абсолютным психом. То есть, в основном, да, но он мог размышлять, выстраивая логические цепочки.

«Боль — это хорошо, а не плохо. Она многому вас учит. И я это осознал».

Жутковато. Я поняла, почему Риен держал ее у себя в библиотеке.

«Умирать легко. Жить — вот, что страшно».

А убивать, очевидно, еще легче. Я вновь перелистнула вперед, открывая случайную страницу.

«Все, что вы видите во мне — есть в вас. Если вы хотите увидеть»

порочного убийцу, вы его и увидите, понимаете? Если же вы взглянете на меня, как на своего брата, я им и буду. Все зависит от того, сколько у вас любви. Я — это вы, и когда вы это признаете, вы освободитесь. Я всего лишь зеркало».

Я замерла на этом месте. Так видел себя Риен? Когда он убивал людей, он делал это из ненависти, или из чего-то еще? Из прочитанного мною я сделала вывод, что Мэнсон не считал убийство плохим, потому что смерть не была ужасной. Что имело смысл в методах сумасшедшей-задницы серийного убийцы. В его мире не было всяких прав или неправ.

После я остановилась на одной из последних страниц. Он говорил о Голливуде. Я поднесла книгу ближе.

«Я жил в Голливуде, и у меня было все: Роллс Ройс, Феррари и местечко в Беверли Хиллз. У меня была и доска для серфинга, и The Beach Boys, и Нил Дэймон, и Элвис Пресли. И Дин Мартинс, и Нэнси Синатра. «Ты сделаешь это для меня? Я слышал, ты в этом хороша, сладкая» или что-то в том же роде: «Придешь ко мне домой позже?». Так что я прошел через все это, увидев множество тюрем гораздо хуже, чем та, через которую я прошел, поэтому я не волновался о

том, что мне придется вернуться. Понимаете, тюрьма не начинается и не заканчивается у ворот. Тюрьма в сознании. Что закрыто в одном мире — мертвое и умирающее, и то, что открыто для мира — свободное и живое».

У меня отвисла челюсть. Не знаю, сколько раз прочел эту книгу Риен, или насколько хорошо он ее знал, но эти слова ударили меня сильной пощечиной. Было ли это тем, что, как он думал, я хотела для себя в качестве актрисы? Я не хотела этого. Меня не волновало богатство или слава, или что-то вроде того.

Нет, у Риена же все это было. Сексуальная машина, роскошный

пентхаус. У него была мечта Голливуда, и все, что для этого нужно было — убивать людей. Он забирал у фальшивых людей их поддельные жизни. Ибо, как-никак, смерть была не так плоха. Двойная жизнь — худший из грехов.

Как и сказал Мэнсон. И он повторил его слова. Тюрьма в сознании. А Голливуд — самая крупная тюрьма из всех. Мне показалось, что я поняла. Или, во всяком случае, начала понимать. Но не знаю, смогу ли я когда-нибудь понять Риена по-настоящему.

Он посоветовал мне подумать о том, чего я хочу.

И чего я хочу?

Я больше не могла это читать.

Опустив книгу на диван, я поднялась. Потянулась. Размяла шею.

Но у меня не было ничего, чем я могла бы заняться.

— Тюрьма в разуме, — произнесла я вслух. — Я могу отправиться куда угодно.

Прямо как в песне Reading Rainbow. И я, напевая ее, принялась разглядывать полки. Должно быть что-то, способное отвлечь от серийных убийц.

Там, на полках, были тонны медицинских книг. Клиническая Анестезия. Руководство по

хирургической процедуре. Физиология Дыхания: Основы. Одни лишь названия кружили голову. Я обернулась, дабы поглядеть, что еще у него тут было. Старые журналы. Книги на французском и греческом. Я вздохнула, проводя пальцами вниз по полке.

— Не слишком много мальчишеской фантастики, а? — пробормотала я. Кажется, Риен, ненавидел все ненастоящее. Он не желал жить в мире притворства.

Замечательно для него. Но, тем не менее, мои дни будут намного скучнее без чего-нибудь, что можно почитать.

Остальная часть библиотеки

была подобной этой, но когда я перешла к задней полке, примыкающей к операционной стенке, книги стали немногим лучше. Тут было несколько старых детских сказок, выглядящих многообещающе. И сплошная философия. Меня, в самом деле, не волновали напыщенные нравоучительные речи, поэтому мои пальцы скользнули мимо Локка, Канта и Юма. После чего я увидела название, показавшееся мне знакомым.

«Человек в поисках смысла».

Моя мать взяла копию этой книги из библиотеки. Я помню это,

поскольку мне было тринадцать, и нас только выселили из нашего нового обиталища. Женский приют, в котором мы остановились, находился через дорогу от общественной библиотеки, откуда мама принесла ее, чтобы почитать. Она уснула, и я помню, как подняла книгу с пола.

Книга была о Холокосте и о выжившем парне спустя годы концлагеря. Я немного понимала в свои тринадцать, но то, почему она взяла именно эту книгу, я поняла. Книга рассказывала о том, что как бы ужасно и плохо не обстояли дела, ты все еще в силах найти смысл жизни.

Ну, для меня, застрявшей в библиотеке убийцы, все прошло довольно плохо.

Я потянулась к книге и, сдвинув ее, услышала щелчок. Я отшатнулась назад, ибо стена стала двигаться.

Книжный шкаф дернулся, открываясь.

Глава 16

Риен

Я взял кекс для Сары — остановился на бархатисто-красном, с глазурью из сливочного творога — и позвонил в лабораторию судебной экспертизы по дороге обратно домой. Попросил позвать Джейка.

— Риен? Ты в курсе, что, предполагается, ты не должен звонить мне на этот номер, — прошипел в трубку Джейк.

— Привет, Джейк, я тоже рад тебя слышать.

— Серьезно, Риен...

— Помнишь, как твоя подружка чуть не застучала тело в твоём багажнике, а я тогда спустил его в доки для тебя? — я кивнул, проходящей мимо меня женщине с пуделем.

— Не надо, Риен...

— Я звоню за услугой, Джейк.

На другом конце провода воцарилось молчание. Я услышал, как Джейк затворил дверь, после чего голос в телефоне вернулся.

— Ты выбрал адское время для звонка, Риен. Я в центре крупного расследования. Прямо сейчас лаборатория кишит полицией, и не просто придурочными задницами

Лос-Анджелесского департамента полиции. Чего ты хочешь?

— Можешь поискать для меня?

— Что именно? Поэтому ты позвонил мне сюда?

— Это важно. Мне нужно, чтобы ты нашёл Сьюзен Стивхилл. Шифруйся. Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что ты забрался в архив.

— Сьюзен Стивхилл?

— Сюда подключаются федералы. Мне нужно найти ее раньше них.

— Я знаю, что сюда подключаются федералы.

— Что? Откуда?

— А для чего, думаешь, это расследование? Она участник

защиты свидетелей, которого они упустили. Все должно быть очень секретно.

— Клянусь, я никому ничего не расскажу, — произнес я. — Но если услышишь какие-нибудь новости, дай знать. И залезь в архив.

— Что ты хочешь узнать?

— Что-нибудь. Все. И пока ты ищешь, посмотри что-нибудь и на Сару Эверетт, — сказать ее имя по телефону было неправильным. Не знаю почему. Я никому не доверял, только не с моей работой. Но недоверие к ней по какой-то причине выглядело ужасно. Джейк заговорил, но я не слышал, что он

сказал.

— Прости, что? — переспросил я.

— Она одна из тех девушек.

— Чего?

Я резко остановился на тротуаре. Два бегуна взглянули на меня исподлобья и оббежали, направляясь к газону. Откуда Джейк знал о Саре?

— Она одна из тех девушек, которые пропали на прошлой неделе. Твой босс связался со мной, Вейл. Жуткий тип, даже для ФРС. Он заставил меня искать.

— Что ты имеешь в виду под «искать»?

— Всех женщин от восемнадцати до тридцати пяти. Во

всей Америке под описание подходит тридцать два пропавших человека. Хотя, только три из них находились в Лос-Анджелесе. И она одна из них.

Я облизнул губу. Во рту стало сухо.

— Послушай меня. Ничего не говори Вейлу. Не говори обо мне. И, если сможешь, найди способ вычеркнуть из его списка Сару Эверетт.

— Эй, я не вмешиваюсь.

— Джейк...

— Э-э. Нет. Я не собираюсь метаться между вами двумя. Это выше моей заработной платы,

мужик.

— Ты должен мне.

— Одолжение, ага, но не настолько крупное. Я перейду дорогу Вейлу, и этот сумасшедший сукин сын голову с меня снимет.

Я судорожно выдохнул.

— Отлично. Но ты дашь мне знать, если возникнут какие-нибудь наводки на Сьюзен? — мне нужно было найти супругу, нужно было найти ее до следующей ночи. Если бы я нашел жену, у меня появились бы варианты решения. Которых сейчас не было. И если я буду вынужден убить Сару из-за этого...

Я закрыл глаза. Сегодня солнце было невероятно палящим.

Прекрасный калифорнийский день. Я не мог бросить свою жизнь здесь из-за нее. Надеюсь, мне и не придется.

— Конечно. Федералы уже повсюду, Риен.

— Знаю. Позвони мне, сразу же, как появится информация.

Один день. Это все чего я хотел, но после мне придется принять нелегкое решение. И, если уж на то пошло, я все еще не знал, какое решение приму.

Так что мне предстоит убедиться, что до этого дело не дойдет.

Сара

Я оглянулась через плечо на дубовые двери. Риен ушел какое-то время назад. И я не знала, когда он вернется. Но все-таки был шанс!

Я направилась в операционную. Гэри все еще лежал на столе. Сперва я подумала, что он мертв, но после увидела, как его грудь медленно поднимается.

Всего лишь спит.

На цыпочках подойдя к двери, ведущей в приемную, я проверила ее. К моему удивлению, она легко открылась. Весь свет был выключен, оставалось лишь небольшое освещение от того стеклянного шара, стоящего перед холлом. А маленькие

пластиковые формы внутри, казалось, ещё усердней пытались выползти.

Пытались сбежать.

Быстро и, насколько возможно, бесшумно, я подошла к входной двери. Если бы я сумела выбраться за нее, то оказалась бы свободной. Свободной! Опустив руку на дверную ручку, я попыталась повернуть ее.

Застряла. Я еще раз попробовала сдвинуть ее, но она даже не шевельнулась. Дверь была заперта на замок. В металлическом замке не было ключа или чего-то вроде того, что я могла бы увидеть. Пустая стальная дверная пластина. Я потянула дверь сильнее.

Так близко! Я была в паре дюймов от внешнего мира. Я должна была выбраться! Должна!

Я отчаянно огляделась вокруг. В уме я вообразила Риена, входящего через переднюю дверь. Вообразила, как он обнаруживает открытую дверь библиотеки. Мне придется как-то выкручиваться, но как?

Стулья в приемной были кожаными, но возле вешалки находилась металлическая табуретка. Подхватив, я обрушила ее на дверную ручку. Столкнувшись с ней, табуретка отлетела обратно. Ничего. Я вновь замахнулась, на этот раз опуская сильнее, но она снова

отскочила. Я сделала вдох и снова накренилась, со всей силы обрушивая ее на конец ручки.

На этот раз металлический стул так жестко ударился о неё, что заставил меня ослабить хватку. Стул полетел назад, столкнувшись с подставкой для скульптуры. Я увидела, как стенд пошатнулся, а затем полностью рухнул. Стеклянная чаша упала и разбилась об пол, рассыпаясь на стеклянные и пластиковые кусочки.

Разинув рот, я уставилась на разбившийся резервуар. И услышала, как из другой комнаты сквозь кляп закричал Гэри. Я проверила ручку, но она не двигалась, как и прежде.

Этим путем я выбраться не могла.

Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Я сгребла ногой осколки стекла в сторону. Что я могла сделать? Куда пойти?

Вокруг не было никаких окон. Не знаю, что делать. В оцепенении, я подняла стул и направилась обратно в операционную. Возможно, я сумею разбить огромное панорамное окно.

Я качнула стулом в сторону окна. И он отскочил так жестко, что моя рука стала ватной от отголоска удара. Я взглянула вверх. Даже ни вмятины. Я швырнула табуретку, растратив всю свою силу. Я не могла

отсюда выбраться. Никак.

Гэри закричал в кляп, обращаясь ко мне. Один его глаз стал полностью белым и тусклым, а часть лица превратилась в один сплошной струп. Другой глаз дико уставился на меня. Я сглотнула, подойдя к нему. Не имея возможности сбежать, я не могла отпустить его. Я не знала, как спастись. Но, быть может, у него были соображения на сей счет.

Я осторожно вытащила ватный кляп из его рта. Из его уголка вперемешку со слезью просочилась кровь. Он дико закашлялся, не в силах говорить.

Вода. Ему нужна была вода. Я подбежала к раковине, наполняя

образец пластикового стаканчика. Поднесла к его губам, и он запил, покашливая.

— Ремни, — сказал он, наконец. Его голос был скрипучим. — Сними с меня ремни.

— Не могу, — ответила я, покачивая головой. — Я...

— Глупая ты сука! — заорал он. Плевок сорвался с его губ. — Сними эти чертовы ремни!

— Пока не могу, — начала я, пытаюсь объяснить причину. — Нет никакой возможности...

— Ты не доверяешь мне?!

Я притормозила, уставившись на него. У меня не было даже мысли о

недоверии к нему, пока он об этом не упомянул. В чем тут может быть недоверие? Мы оба здесь узники.

— Это из-за того, что он сказал? Не верь ему! Ты не можешь ему верить!

Голос Гэри пресекся в воздухе. Я позволила ему сделать еще глоток воды. Мой разум взбеленился.

— Я не могу тебя развязать. Если Риен обнаружит тебя развязанным...

— Я не убивал их, — Гэри дико затряс головой вперед назад. — Не убивал. Клянусь! Всему виной неисправный клапан на одной из наших фабрик.

Я нахмурилась.

— Но ты был осужден, ведь так? Разве не поэтому ты покидаешь страну?

— Ты не можешь слушать болтовню этого маньяка. Федералы будут на нашей стороне.

Я молчала. Он говорил, что полиция сопровождала нас сюда. Но в этом не было никакого смысла.

— Если это правда, — осторожно начала я, — почему они не пришли нас спасти?

Гэри покачал головой, и струпья потрескались на его лице. Кровь стала стекать вниз по щеке.

— Не знаю. Слушай. Послушай. Ранее он был тут со своим другом.

Он говорил о тебе.

Я взглянула на него. До меня доносились голоса через книжный шкаф, но я не знала, что тут был кто-то еще.

— Кто здесь был?

— Какой-то другой парень. Они оба убийцы. И он планировал, как убьет тебя.

Холодок пробежал по шее.

— Что? Когда?

— Он не сказал. Сказал только, что использовал тебя для развлечения, и убьет, как только ты ему наскучишь.

Я моргнула. Убьет меня? Так сказал Риен? Холод в моем теле превратился в ледяной ужас.

Несмотря на все, что мне довелось наблюдать, я не могла поверить, что он меня убьет. Во всяком случае, не по этой причине. И все же... нет. В своей голове я увидела, как вокруг моей шеи сжимается рука Риена.

Я покачала головой, сосредотачиваясь на текущей ситуации.

— Мы должны найти способ сбежать.

— Отпусти меня.

— Отпущу, как только мы найдем путь к побегу, — объяснила я, пытаясь быть терпеливой. — Но пока не могу.

— Мы можем напасть на него,

когда он вернется. Мы оба против него. С ножами.

— Не могу. Он нас убьет, — у него могло быть оружие и в другой части дома. Да даже исключая это, я чувствовала силу Риена. Он был сильным. Не думаю, что смогла бы выстрелить в него. Гэри же был полумертвым. У нас не было ни единой возможности взять его.

И, Боже меня упаси, я не хотела его убивать.

— Он убьет нас в любом случае.

— Нет. Выслушай меня...

— Это наш единственный шанс!

По крайней мере, отпусти меня, чтобы я мог помочь нам сбежать! Пожалуйста, Господи, пожалуйста,

он мучил меня в течение всего дня!

Жалобные взывания Гэри заставили меня передумать. Я сглотнула. Может, он и прав.

— Ладно, — сказала я, протянув руку к ремню. — Но если он вернется...

Мои руки поддели ремень, и тут я услышала шаги Риена. Я отдернула руку.

О Боже. Дорогой Боже.

— Нет! Развяжи меня! Ты, тупая сука, просто развяжи меня!

Я попятилась в сторону книжной полки. У меня не было сил все это скрыть. Сломанный стеклянный шар. Вытащенный кляп Гэри, который я

не собиралась возвращать. Я шагнула обратно в библиотеку. Крики Гэри эхом разнеслись по операционной. Я толкнула книжную полку, пытаюсь закрыть ее, но она не сдвинулась с места.

— Я взял тебе кекс, — произнес Риен, махом открывая дубовую дверь. — Ланч...

Он остановился в полушаге, уставившись на меня, стоящую возле открытого книжного шкафа. Улыбка исчезла с его лица.

Из операционной слышались быстро нарастающие крики Гэри.

— Ты глупая сука! Глупая сука! Теперь ты умрешь, видишь? Ты умрешь! Мы оба умрем!

Риен глазел на меня. Его глаза были непроницаемыми, спокойными, как озеро покрытое льдом. Я не могла убить его, пока он на меня смотрел. Хотя я и знала, что он мог убить меня без лишних раздумий.

Он делал это. Пытал человека. Я задрожала больше из-за себя, чем из-за Риена. Даже сейчас, слыша крики жертвы, я не могла поверить в то, что он может причинить мне вред. Он стоял там, такой тихий. Воздух значительно потяжелел.

— Ты умрешь! — прокричал Гэри. — Слышишь меня? Умрешь!

Риен сделал шаг ко мне, и я, как

загнанная хищником в угол добыча, замерла. Как кролик под взглядом совы, ждущий момента, когда его съедят. Подвергавшийся пыткам голос нарастал, вырываясь за пределы комнаты.

— Умрешь! Умрешь! Умрешь!

Глава 17

Риен

Я медленно опустил кекс, зная, что, возможно, мне придется убить и ее.

«Проверь оружие. И не позволяй себя обмануть».

Итак, она выбралась из библиотеки. Я настороженно следил за Сарой, пока шел к книжному шкафу. У нее не было в руке скальпеля – фактически, она вообще казалась безоружной. Она не собиралась бороться. Что уже хорошо. И, судя по всему, Мистер Стидхилл был все еще надежно

прикреплен к столу. Из-за его криков я понял, что она не позволила ему сбежать.

— Я... я вытащила эту книгу, — пролепетала она. — Я не знала, что произойдет.

Глаза ее заблестели от страха, когда я к ней шагнул. Но меня удивила собственная реакция на ее страх: я почувствовал себя плохо. У меня появилось желание ее утешить. Я захотел обвить ее руками и сказать, что все в порядке, сказать, что у нее нет причин для волнения.

Откуда взялось это внезапное беспокойство? Она была игрушкой, пленницей. Она была для меня

ником. Но ее страх заставил меня чувствовать себя... ужасно.

Я кивнул на дверной проем, через который было видно операционную комнату, где Мистер Стивхилл мотал головой из стороны в сторону, извергая кровавую бурю.

— Ты там была?

— Да, — ее голос дрогнул. Мне хотелось поддержать ее, но я сдержался.

— Ты пыталась бежать?

Она кивнула, оцепенев от страха. Руки ее сжали книжный шкаф, когда я приблизился. Пальцы побелели. Бедная девочка.

— Ну, по крайней мере, ты честна, — спокойно произнес я. Она,

должно быть, даже не сломала замок, раз моя сигнализация не сработала. — Ты что-нибудь взяла?

— Нет. Я пыталась уйти через приемную.

— Хорошо, — я стоял возле нее, руки покоились по бокам. Никаких резких движений. Она была столь напуганным существом.

— Я сломала... сломала...

— Что сломала? — она не могла разбить окно — дважды застекленное и непробиваемое.

— Шар.

Сознание потемнело. Она не имела в виду...

Я вошел в операционную.

Мистер Сtidхилл при виде меня испустил истошный крик.

— Убийца! Бл*дь! Глупая сука! Посмотри, что ты наделала! Ты могла спасти меня! Ты кусок гребанного идиотского дерьма! Теперь он собирается убить нас всех!

Остановившись у медицинского шкафа, я достал из ящика шприц. Затем, не говоря ни слова, отправился к мистеру Сtidхиллу и вколол ему успокоительное. Его крики моментально стихли.

Теперь в комнате было тихо, так тихо, что, клянусь, я слышал, как испуганно бьется сердце Сары. Она последовала за мной, когда я медленно пошел в приемную.

Свет, установленный мною, дабы подсвечивать скульптуру, больше ничего не подсвечивал. Шар упал на пол. Все разбилось. Пластифицированные клаустры были разбросаны по полу. Некоторые из них выглядели совершенно разрушенными.

Пропала. Вся моя работа прошлых лет. Вдребезги.

Я упал на колени, подбирая кусочки. Мои маленькие трофеи. Я был уверен, что мог их спасти. Это займет какое-то время. Но я мог это сделать. Разрушив столь многое, я создал это цельное произведение искусства. Казалось невозможным,

что и оно должно быть разрушено. Я встряхнул кусочки в руках, собирая их в чашевидной ладошке. Да. Только несколько сломалось. Я мог их починить. Мог.

Осколок стекла порезал мой палец, когда я потянулся за еще одним клауструмом. Я осознал это только когда увидел, как кровь закапала на кусочки, которые я уже собрал.

— Нет, — шепнул я. Попытался стереть кровь, используя собственную рубашку, но только сильнее втер красное.

— Нет, нет, нет, — произнес я. Попытался опустить собранное, но руки дрожали слишком сильно. Еще

один кусочек упал, разломившись надвое. Я рванулся обратно на колени.

— Мне жаль, — проговорила Сара. Я обернулся и увидел ее в дверях. Я даже не заметил ее. Как небрежно. Я такой неосторожный. Ее зеленые глаза мерцали в тусклом свете. Я в отрицании покачал головой, протянув руку, дабы поднять сломанный клауструм.

— Мне жаль, — повторила она, а после оказалась на коленях рядом со мной, обхватывая меня руками. — Не плачь. Я не знала — я всего лишь пыталась сломать дверную ручку. Прошу тебя, не плачь.

Не плачь? А я плакал?
Дотронувшись до щеки, я ощутил
влагу. Я в немом недоумении
установился на Сару. Её силуэт от света
позади был темной тенью в дверном
проеме. И мои слезы запятнали мир,
сделав её туманной, как
Голливудскую звезду 1950-ых годов.

— Мне так жаль, — сказала она.
— Я не знала, что она твоя. Я помогу
все исправить. Слушай, пойд и
наложи повязку на порез. Мы
исправим все вместе.

— Вернись в библиотеку, —
произнес я.

— Но...

— Иди!

Напрасно я кричал. Я никогда не кричал. Гнев, печаль — не самые частые эмоции, оказывающиеся в моем сердце. Но я кричал на нее, выпуская все чувства разом. Звук разносился по комнатам, пока Сара бежала, карабкаясь от монстра, истекающего кровью на полу.

Сара

Прошел час, прежде чем Риен вернулся. Или минута, точно не знаю. Время больше не работало как надо, и мое сердце билось так быстро, что я была уверена, что умру от сердечного приступа еще до того, как он вернется, чтобы убить меня.

Взгляд в его глазах... Боже. Я понятия не имела, что кто-то может страдать от такого количества боли и гнева. Словно дверь открылась, являя мне то ужасное, что было в нем, а затем качнулась обратно, захлопнувшись так же быстро, как и открывшись. Скорбь на его лице, когда он увидел разбитый шар... я сделала бы что угодно, лишь бы вернуть всё назад. Я не знала, что он мне сделает, знала только, что это что-то будет хуже, чем я могу себе вообразить.

Когда он, наконец, вернулся обратно в библиотеку, я сидела на диване с книгой на коленях —

«Человек в поисках смысла». Пытаясь читать. Но мой взгляд скользил вперед-назад по одной и той же строчке снова и снова.

Он выглядел измученным, когда вернулся. С мёртвым взглядом, он сел в углу у конца стола. Его рука была обернута в хлопковую марлю, а порезанный палец расцвел красным пятном через хлопок.

Он не сумасшедший. Что было самым главным. Он не выглядел так, словно собирался убить меня. Он выглядел пустым.

Глупо было ему сочувствовать. И я знала это. Гэри сказал, что он планировал меня убить. Он убийца, мучитель. Я знала и это. Знала, но

тогда это не имело значение из-за пустоты на его лице. Пустоты, созданной мною.

Я изо всех сил искала хоть что-то, что могла бы ему сказать. «Мне жаль» — не тронуло бы его.

— Это было твоей скульптурой? — наконец, спросила я.

— Была... да. Да, — он выпрямился, сосредоточив взгляд на мне.

— Я не хотела, — сказала я, удерживая слезы в глазах. — Могу я чем-то помочь?

Он медленно покачал головой, взглядом обратившись к книжным полкам. И нахмурился.

— Откуда ты узнала, какая книга открывает потайную дверь? Я никогда не позволял тебе увидеть.

— Я и не видела.

— Ты опробовала все, чтобы понять какая из них это сделает?

— Я всего лишь хотела что-нибудь почитать, — ответила я. Мои руки баюкали книгу.

— Из всех тысяч книг на полках, ты выбрала ту самую, открывающую дверь? — я беспомощно развела руками.

Взрыв его смеха меня напугал. Откинувшись спиной на книжные полки, он рукой потер глаза.

— Она всего лишь хотела что-

нибудь почитать. Это... ох, Сара. Я кое-что понял о тебе.

Кое-что обо мне? Не знаю, о чем он, но от его взгляда моя кожа запылала. В его глазах вновь появилось что-то хищное. Взгляд, заставляющий меня думать, будто он имеет на меня какие-то притязания. Я коснулась пальцами открытой страницы.

— Почему ты выбрал именно эту книгу? — поинтересовалась я.

— Просто так.

Я приподняла брови.

— Ты говоришь мне, что выбрал случайную книгу, которая послужила тайным переключателем в твою комнату для убийств?

— Нет. Я... — он остановился на полуслове, с любопытством всматриваясь в меня. — Ты читала ее?

— Давным-давно, — ответила я, думая о своей матери в приюте. Она медленно листала старые страницы. Я же, получив шанс прочитать ее, — летела. Возможно, я и прочла ее слишком быстро. Все же, я была юной и многого не понимала.

Риен глядел перед собой расфокусированным взглядом.

— Должна быть причина, — подтолкнула я. Я хотела вернуть его к себе. Обратно в настоящее.

— Ты права. Конечно. Причина

есть. Часть... подожди...

Он медленно поднялся, стараясь не задевать свою уже поврежденную руку. Несколько шагов, разделявших нас, испарились, и его тело утонуло в подушках. Его плечо снова скользнуло по моему.

Я вздрогнула. Как-то он уже был со мной на диване, и теперь мое тело реагировало на него с таким пылом, как если бы он положил руки мне на плечи. Пульс зашкаливал, и я сглотнула внезапную хватку желания, будто он вновь обвил своей рукой мое горло.

Перегнувшись, он принялся листать страницы книги, возлежащей на моих коленях. Его пальцы были

длинными, руки сильными. Я подумала о том, как он касался меня, закрывая глаза. Запахи его одеколona и естественного мускуса тела довели меня от желания к отчаянию. Отчаянно, я, должно быть, отчаянно желаю этого мужчину. Желаю того, кто составил заговор, дабы меня убить.

Вот, что сказал Гэри. Сейчас, сидя с Риеном, я не могла поверить, что он говорил правду. Не после того, как я увидела Риена, проливающего слезы из-за произведения искусства, которого я не понимала. Все мое тело изнывало от желания утешить его. Да, его —

убийцу. Может, он и убийца, но не бессердечный.

— Вот, — указал Риен, и я вытащила себя из мыслей. Он показывал на строчку в середине страницы. Он начал читать, я же наблюдала за тем, как шевелятся его губы, пока он негромко говорит.

—

Если есть смысл жизни вообще, то должен быть смысл жизни и в страдании. Страдание — неотделимая часть жизни, как судьба и смерть. Без страдания и смелая человеческая жизнь не может быть полной.

Я осознала, что затаила дыхание, когда он прекратил говорить.

Выпустив его, я попыталась дышать нормально.

— Ты веришь в судьбу? — спросил он. Он смотрел прямо в мои глаза, а его близость кружила голову.

Я подумала о своей матери и сестре, о том, как много раз мы кончали тем, что засыпали в приюте. И я должна была думать, что все это было основой чего-то более серьезного? Я не могла в это поверить.

— Не думаю, — ответила я. — А ты?

— Возможно. Иногда мне кажется, что некоторые вещи происходят не просто так. Даже если

и выглядят случайными.

— Типа отчаявшейся актрисы, закончившей в запертой библиотеке серийного убийцы?

— Этому должна быть причина. У судьбы должна быть причина.

— Тогда, судьба — идиотка, — ответила я.

— В любом случае, себя я серийным убийцей не считаю.

— Правда? Ты же убиваешь людей. Это ведь и есть определение серийному убийце, разве нет?

— Я, скорее, наемник.

— Наемник?

— Я работаю на правительство. Я не такой, как некоторые мои друзья. Я не мститель. Их ко мне

приводят. И раз они приходят ко мне — я знаю, что они плохие люди.

— Ты собираешься убить меня?

Я пыталась задать ему вопрос легко, но он, взяв руками мои плечи, повернул меня к себе лицом.

— Сара, я очень старался вытащить тебя из этого. И это сложно. Я не уверен в том, что сумею сделать с тобой.

Не похоже, что он лгал. Но опять же, он поступал так ради выживания. Лгал людям, заставляя их чувствовать себя в безопасности, а потом пытал их и убивал. Почувствовав мою неуверенность, он мимоходом задел своей рукой мою

щеку. Его ладонь была теплой на моей коже. Я всеми силами старалась держать дистанцию, чтобы не упасть туда, к нему. Я чувствовала себя полной идиоткой, решив довериться ему, но, в то же время, я хотела доверить ему свое сердце.

Я проглотила это чувство. Это притворство. Все — притворство. Но стены между реальностью и притворством стали рушиться, и я влюбилась в него, несмотря на все рациональные чувства, призывающие меня не делать этого. Не в убийцу, а в мужчину. Мужчину, который сидел передо мной, мучаясь от своего решения. Мужчину, не сумевшего меня убить.

— Я сожалею, что мы так встретились. Сожалею. Я бы хотел увидеть тебя настоящую. Не актрису. Настоящую Сару.

Он взял мои руки в свои. Я подалась вперед, чего не понимала, чего не могла принять логической частью своего разума. Пришлось отпрянуть назад. Мне было необходимо от него отстраниться.

Я потянула свои руки обратно от него, закрывая книгу. И посмотрела вниз, на обложку.

— Если есть смысл в страданиях, то в чем смысл твоей жизни? Причинять страдания другим людям?

— Это стабильная работа.

Внезапный гнев ударил по мне. Я этого не хотела. Гладкий разговор циничного Риена. Риена, который убивал и не парился. Я знала, что в нем было больше, чем он показывал, и мне очень не хотелось, чтобы он вновь от меня закрывался.

— Ты просишь меня показать себя настоящую. Тогда вот тебе шутка. Ты, ведь, тоже не настоящий, — ответила я.

— Ты думаешь, что знаешь меня настоящего? — спросил он. Его голос походил на низкое рычание, но я слишком расстроилась, чтобы заботиться об опасности.

— Вот именно, Риен. Я не знаю тебя настоящего. Я ничего о тебе не знаю. Но хочу узнать.

— Ты хочешь этого?

Я кивнула. Я хотела уйти, и если я пойму его, возможно, мне удастся убедить его отпустить меня. Сейчас я не знала, что происходило в его голове. Более того, я чувствовала непреодолимую потребность понять, почему он сделал то, что сделал. Почему он взял меня, коснулся. Почему доставил мне удовольствие, в то время как другим — одну лишь боль. Почему держал меня здесь, вместо того чтобы убить.

«Если бы я поняла его, —

подумала я. — У меня бы появилась власть».

Он встал, взяв книгу из моих рук. Я тихо ждала, пока он подходил к книжному шкафу и заполнял книгой пустое место. Со щелчком и гроыханием, книжный шкаф затворился. Мы с Риеном остались в библиотеке наедине. Стены казались ближе, чем прежде. Они возвышались над нами обоими. Он вернулся и сел на диван, наклоняясь ко мне так, будто мы были заговорщиками. Я вновь увидела блеск в его глазах, но он моргнул, и слезы пропали. Он сглотнул, отчего его кадык резко дернулся. Затем он откашлялся и заговорил.

— Позволь рассказать о себе.

Глава 18

Риен

Я изучал лицо Сары. Ее искрящиеся зеленые глаза были погружены в бледные пустоты. Ей необходимо было выйти на улицу. Она походила на цветок, нуждающийся в солнечном свете и гниющий без него. Я не мог ее здесь держать. Но и не мог отпустить без порицания нас обоих. Сердце разрывалось.

— Ты говорила о страданиях, — начал я. — Но физические страдания — не самая тяжелая их

разновидность.

Она неуверенно повернулась ко мне лицом. Она не понимала. Конечно, нет. Ей приходилось сносить лишь физические страдания. Холодные ночи без крыши над головой. Боль в желудке от голода. Боль от руки, сжимающей горло. Моей руки.

— Когда-то я полюбил девушку,
— начал я.

— Кем она была?

— Молодой девушкой из другого посольства. Мы были хорошими друзьями. Ее звали Микаэла.

Я выдохнул. В комнате, кажется, стало душнее, теперь, когда я закрыл дверь. Воздух же стал более густым,

как вата.

— Правда, моя семья не хотела нашей дружбы. Они знали, что дружба приведет к любви. А моя мать особенно не хотела видеть меня влюблённым в кого-то.

Сара нахмурилась. Ошибался ли я, оставаясь там? Нет. Не с ней. Из всех знакомых мне девушек, лишь Сара сумела заглянуть под поверхностное зло. Может быть, в самом деле увидев меня. Я не мог сдержаться.

— Моя мама была самым злом. Возможно, даже большим злом, коим обратился я. Оба моих родителя ненавидели видеть меня счастливым,

если только не они были тому причиной. А они все мне давали. Все, чего я когда-либо хотел. Все давали, но ее отняли.

Я закрыл глаза, дыхание судорогой прошло по телу. Я видел ее лицо в своей голове, ее темно-каштановые локоны. Боль, сопровождающая воспоминания о ней, пронзила меня, словно лезвие. Дыши, Риен.

— Почему?

Я стиснул челюсть.

— Потому что она была недостаточно хороша для нашей семьи. Они запретили мне играть с ней. Они сказали, что ее семья предатели, у которых были не те

взгляды, на которых стояла наша страна. Как видишь, они были коммунистами. А однажды отец вернулся с работы и застал нас прячущихся на чердаке, где мы вместе читали книгу. Я не мог опозорить свою семью, полюбив кого-то из столь низкой семьи. Из столь позорной семьи.

Брови Сары сошлись на лбу. Сострадание заполнило ее взор. Настоящее? Никто не мог испытывать такого сострадания к убийце, но она смотрела на меня без тени фальши.

— Что произошло? — спросила она.

Мог ли я ей доверять? Не знаю. Было в ней что-то такое, что заставляло меня этого хотеть. Я никогда прежде никому не рассказывал эту историю. Поднявшись, я стал лицом к книжному шкафу. Голос мой был ровным и спокойным, когда я заговорил.

— Облава на их посольство. Искали предателя. Они... они сожгли здание. Вся ее семья была внутри.

Горящие каштановые кудри. Пламя ползло по моим воспоминаниям. Я прикрыл глаза.

— Они даже не подожгли его сами, понимаешь? Они наняли

людей, которые сделали это за них. Потому что не хотели испачкаться. Они хотели прекрасную семью, прекрасного сына, делающего все, что они пожелают. Но их руки все равно были в крови. Они были злом, истинным злом. И когда я убивал тех мужчин на своем столе, я думал об этом зле, понимая, что поступаю правильно.

Я оглянулся на Сару. Слезы сбегали по ее щекам. Крокодильи слезы? Не знаю. Да и не важно. Я онемел, продолжая. Она не понимала, но сейчас, когда я заговорил, у меня не было сил остановиться.

— И я сбежал. Пришел сюда.

Стал убивать тех людей, которые хотели уйти от своего злого прошлого. Для меня нет иного выхода. В своих снах я вижу, как она горит.

Я увлажнил свои губы.

— *Страдание каким-то образом перестает быть страданием после того, как обнаруживается его смысл,* — процитировал я. — Мои же страдания не имели смысла, пока я не взялся за эту работу. Я беру эти страдания и дарю их другим. Единственный вид торговли, имеющий смысл. Они держат меня в здравом уме. И моя жизнь здесь прекрасна. Или была таковой, до

тебя.

— Меня?

Я повернулся к Саре. Ее и без того бледное лицо стало еще бледнее. Слезы все еще украшали ее щеки.

— Из-за тебя я разваливаюсь на части, — признался я.

Пошатнувшись, она встала с дивана и подошла ко мне. Я потянулся, обхватывая ее щеку ладонью.

— Мне жаль, — ответила она. Она выглядела напуганной, невероятно напуганной. Но не такой напуганной, каким чувствовал себя я. Над всей жизнью, созданной мною, над всем устойчивым моего

существования нависла угроза, потому что я не мог ее убить. Не знаю, было ли то, что я чувствовал, реальным. Но я и не мог позволить себе быть таким же злом, коим была моя семья.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделала, — прошептала она.

Я коснулся ее кожи, отводя в сторону от ее глаз прекрасные темные волосы, стирая слезы с ее щек. Невероятная глубина глаз. Я разобрал ее на куски, но не смог собрать их воедино. Я ломал все, чего касался. И она была сломлена, полностью сломлена.

— Мне нужно забыться, —

произнес я. — Нужно, чтобы ты хотела меня.

— Риен...

— Притворись, что хочешь меня,

— продолжил я. — Ты же можешь, разве нет?

Наклонившись, я поцеловал ее. Сначала мягко, после углубляя. Ее полные губы дрожали на моих, и я подтянул ее тело ближе. Я хотел ее. Более того, я хотел ее желание. Будь оно хоть фальшивым. Большого я не заслуживал. Но я бы взял то, что она предлагает, и даже больше. Она задохнулась, когда я поцеловал ее, мой рот двинулся по ее шее.

— Риен...

— Притворись, что любишь

меня. Ты же можешь это сделать, Сара? — я дышал возле ее шеи, вдыхая запах, зарываясь в волосы. Мои руки скользили по ее напряженным мышцам, и когда напряжение ушло, я почувствовал, как ее тело расплылось, придвинувшись ближе ко мне.

— Да, — прошептала она. Я вновь поцеловал ее, и ее тело прильнуло к моему. Спасение человека путем любви и влюбленности. Но это не было любовью. Не было настоящим. Но это все, что у меня было, ведь даже тусклой тени любви хватило бы, чтобы удержать демонов подальше.

Сара

Риен сжал меня в объятьях.

— Да, — повторила я.

Притвориться. Да. Я могла притвориться. Моя жизнь и без того была долгим притворством, сплошным уроком актерского искусства.

А это лишь очередная роль.

И когда он потянул меня в свои объятья, когда обрушил свои губы на мои, откликом чему послужило острое желание, вспыхнувшее в моем теле, — любое из этого все равно оставалось лишь притворством. Так я говорила себе. Когда я поцеловала его в ответ, отчаянная потребность в

его поцелуях затопила каждую мою частичку желанием, чтобы он оказался на мне.

Его руки опускались по моему телу, в то время как сердце сумасшедше тарабанило, пока он целовал меня вновь и вновь, порождая своими прикосновениями во мне всё новые потребности.

Его рука скользила по моей пояснице, разминая мышцы, пока его губы были заняты моими, посасывая, облизывая. Его рука спустилась ниже застегнутой рубашки, обхватывая мой зад.

— Ой! — вскрикнула я, когда его рука сжалась на нём. Тело скукожилось, и я почувствовала, как

тупая боль между бедер уступает место влажности. — Риен, пожалуйста...

Он развернул меня, пихнув на книжные полки. Когда я ударилась, воздух со свистом покинул мое тело, и Риен вновь поцеловал меня, поцеловал удивительно жестко, отнимая у меня остатки воздуха. Прижимая меня к себе, он жестко толкнулся в полки. Я глотнула воздуха, когда он, наконец, отпустил меня, прежде держа в объятиях и вытягивая на цыпочки.

— Я так ужасно хочу тебя, — прошептал он. Я чувствовала его твердую напрягшуюся эрекцию через

штаны. Представила, как он наполняет меня, как в ту ночь, и воздух застрял в горле.

Он брал меня, и мне это нравилось. А после он повел бы себя, как будто ничего и не было. А было ли это ничем? Я не могла поверить в это, видя пылающее желание в его глазах. Когда он брал меня ранее, было совсем темно. Но, возможно, он играл лучше меня. Он попросил меня притвориться, и я так и сделаю. Даже если этот предлог был тонкой завесой, не скрывающей мое истинное желание. Но, в конце-то концов, разве не так поступали самые лучшие актеры?

Я встряхнулась, освобождаясь от

мыслей. Я ничего не хотела. Всё это лишь игра.

Вытянувшись, я притянула Риена для еще одного поцелуя. Голод его поцелуя потряс меня, заставляя боль внутри меня возрасти. Затем он схватил меня за рубашку и дернул ее. Пуговицы рассыпались по всей комнате, когда она разорвалась. Его руки сжали мою грудь так больно, что на глазах выступили слезы. Я застонала у его рта, когда он поцеловал меня, руками массируя мое тело.

Поцелуи сместились вниз по шее, к плечу. Он слегка прикусил его, и я закричала. Он сразу же

расслабил челюсть, позволяя зубам задеть мою ключицу. Край его зубов послал дрожь по телу.

— Мне нужно это, — пробормотал он у моей кожи. — Сара, прости меня. Прости меня.

Мои руки пробежались по его волосам, когда он наклонился, намереваясь взять мою грудь в рот. Он жестко пососал её, отчего я взвизгнула, теряя контроль над мышцами, когда острые ощущения пронзили мое тело. Не прижимай его руки меня к полке, я бы упала. Посасывая сосок, он щелкнул зубами, вынуждая меня закричать. Могу сказать, ему нравилось слышать мое хныканье, поэтому я попыталась

утихомирить издаваемые мною шумы, когда он вкушал меня, поддразнивая вершинку языком.

Его рот спускался, покрывая поцелуями обнаженную кожу моего живота. Я задержалась, но мои бедра всего лишь уперлись в полку, и он сжал меня так, чтобы я не смогла двигаться. Пальцы стиснули его волосы. В то же время, его язык закружил по нижней части моего живота, задерживаясь на тазовой кости.

Он? Нет. Не мог.

— Риен...

Он сдернул мои трусики, удерживая меня, пока я не сместила

вес, позволяя ему их снять. Я испытала головокружительную потребность. Боль внутри меня взывала к освобождению, да и я его вожделела. Прости меня, Господи, но я так дико хотела его внутри. Я могла солгать любому, сказав, что он меня изнасиловал, но в этот момент я не понимала ничего, кроме примитивного стремления к тому, чтобы он меня удовлетворил.

— Возьми меня, — простонала я. — Я хочу тебя в себе, Риен.

— Пока нет, — пробормотал он. Его лицо прижалось к моим бедрам, а губы скользнули ниже, и ниже, а после...

— Ох! — вскрикнула я, когда он

разок лизнул меня языком, неся огонь во мне к невероятным высотам. Мои мышцы стали тряпичными. Я закричала, когда он зарылся лицом между моих бедер. Его язык лизал меня, совершая медленные выпады, такие медленные, рвущие мои нервы в клочья и оставляющие меня трястись от желания. Мне было необходимо больше, больше, но каждый раз, когда я подбиралась близко, он лишь расслаблялся, оставляя меня с моим желанием.

— Риен, пожалуйста. О Боже, Риен. Не останавливайся, — выбалтывала я, вцепившись в его

волосы, удерживая у себя. Он прижимался поцелуями к пределам моих складочек. А я сгорала, и сгорала. Да и умерла бы, не коснись он меня снова.

— Скажи, что хочешь меня, Сара.

— Я хочу тебя. Пожалуйста.

— Скажи мне, что любишь меня.

— Я... я...

Голос сорвался. Я не могла произнести и слова, и не знала почему. Его команды что-то заперли внутри меня.

Его губы клеймили, и я вскрикнула, когда он всосал мой набухший клитор, жестко лизнув его, на секунду заставив меня воспарить,

прежде чем отстранился.

— Риен!

— Скажи мне! — его голос был рычанием, требовательным, полным невыносимой нужды, что послало тьму в мое сердце.

— Я... Я люблю тебя.

Выдавила. Как только слова повисли в воздухе, я почувствовала, будто совершила что-то неправильное. Раньше, может, я и притворялось, но именно от этого я почувствовала себя хуже. Я упустила что-то между нами, что-то, чего не понимала.

Его рот вновь был на мне. Направляя мои мысли в вихре разной

яркости. Стены стали вращаться вокруг, а его язык накрыл мой томившийся в агонии чувствительный клитор. Моё тело стало раскачиваться навстречу его губам. Он сбросил меня со своего языка, отчего я задохнулась, а бедра непроизвольно дернулись вперед. Обхватив их рукой, он прижал меня спиной к полкам.

— О да, Риен, — вскрикнула я. Его рот вновь опустился на мой опухший клитор, в то время как его язык жадно меня исследовал. Дрожь стала подниматься во мне, и я запуталась пальцами в его волосах, притягивая его еще ближе к себе. Сердце застучало в ушах.

— Да! Да! Да!

Я закричала, как только оргазм разорвал меня. Я держалась за его плечи, прекрасно зная, что рухнула бы на пол, не поддерживай он меня. Фейерверк взрывом поднялся от моей сердцевины, озаряя комнату ослепительно-белым, пока оргазм накатывал на меня, волна за волной. Но его язык продолжал кружить, вбирая каждую частичку получаемого мною удовольствия, пока я кричала и кричала, словно боль, а не удовольствие, пронзала мое тело. Я изливалась. Оргазм послал меня за край обрыва, в пропасть, из которой я сомневалась,

что смогу выбраться.

Я раз за разом вздрагивала, шире раскрывая бедра у его рта, пока по мне прокатывалось наслаждение. Комната до сих пор качается, или это мое тело? Я дрожала, медленно расслабляя пальцы. Язык Риена медленно поглаживал, а его дыхание казалось прохладным на моей нежной разгоряченной коже. Мягко-мягко, он прижался поцелуем ко мне, посылая еще одну волну дрожи.

Он поднялся, и я почувствовала его твердость у своего бедра, когда он поддерживал меня.

— Риен, — прошептала я охрипшим голосом. Он поцеловал меня в лоб, задевая волосы.

После, обхватив обеими руками, он швырнул меня на спинку дивана. Споткнувшись, я упала. Руки вцепились в подушки. Схватив меня за плечо, он просунул ногу к внутренней части моего бедра, еще больше подталкивая меня вперед. Нагибая на диване. Он близко наклонился ко мне, дыша в ухо. И то, что он сказал мне, заставило меня дрожать от страха почти с той же силой, что и от желания.

— Теперь ты моя.

Глава 19

Риен

Я не мог остановиться. Ее вкус на моем языке. Я оттянул ее подальше от книжного шкафа, перевернув на диване.

Она была моей. Моей. Я не контролировал дикарскую похоть внутри меня. И я распластал ее над диваном. Ее мягкое хныканье, рокот желания, звук ее прерывистого дыхания, когда я растянул ее на подушках, — это приводило меня к нужде, неведомой доселе.

Моя.

Я должен был ею обладать. Мои руки скользнули по сливочной коже. Ее идеальные бедра были прижаты к диванчику. Мои руки, обернутые вокруг её шеи, разминали ее мышцы. Я наслаждался ее мелкими затрудненными вздохами, которые она издавала, пока я прокладывал путь между ее ног, пальцами отрывая пуговицу на ширинке. Член пульсировал в руке, когда я вытащил его.

— Ох, — выкрикнула она, когда я надавил кончиком на ее мокрую щелку. Не могу ждать. Нет. Я пинком раздвинул ее ноги, и она открылась, собираясь принять меня.

Розовая, идеальная. Я обхватил ее ягодицы, пальцами коснувшись края ее складок. Она застонала, и мой член ответил пульсацией. Я остановился у ее входика, позволяя кончику своего члена описать вокруг него восхитительный круг.

— Пожалуйста, — закричала она. — Пожалуйста.

Я смачно шлепнул ее, и она, ахнув, дернулась обратно ко мне. Я же сжал ее ногами, так, чтобы она не могла пошевелиться. Ещё один шлепок — и отпечаток моей руки расцвел на ее заднице, как румянец на бледной коже. Наблюдать колебания ее изгибов было слишком

для меня. Я с трудом сдерживал себя от того, чтобы не взорваться прямо здесь и сейчас.

«Притворись», — сказал я ей. И она была хорошей актрисой. Когда я толкнулся вперед, ее тело окружило мой ствол, плотно обволакивая меня. Боже, я ощущал, как ее мышцы действуют на весь мой член: от кончика до основания. Прикусив губу, я занес руку, чтобы еще раз ее шлепнуть. При ударе я почувствовал, как вокруг меня ее тело напряглось, а потом расслабилось. Снова. Напряглось и расслабилось. И снова.

Яйца напряглись, когда я качнулся назад, а потом вперед, вонзаясь ноющим членом глубоко в

нее. Я знал, что долго не продержусь. Вкушение ее сладости так разгорячило меня, что мне казалось, одного толчка будет вполне достаточно, чтобы завести меня за край. Теперь же, будучи полностью в ней, я не мог остановиться. Я хотел, чтобы она была моей. И не хотел, чтобы все кончилось быстро, поэтому я боролся с нарастающим давлением в яйцах и пульсирующем стволе.

Я трахал ее жестко, врываясь так, чтобы быть в ней полностью. Снова и снова я качался вперед, а ее бедра с каждым новым толчком ударялись о диван.

Ее крики становились громче, пока я трахал ее все сильнее. Пот сбегал по моей шее, соскальзывая с рук на ее кожу. Восхитительные трения. Нежная, тугая плоть. И женщина, чьи изгибы я все никак не могу прекратить сжимать, шлепать и ласкать. Я крепко удерживал ее, врезаясь в нее снова и снова, ударяясь невероятно сильно. Давление нарастало в моей как отбойный молоток надувшейся толщине, загнанной глубоко в нее.

Ее крики становились все выше и чаще, а потом она вновь достигла собственной кульминации, коленями врезаясь в спинку дивана. Я

похоронил себя в ней. Яйца ныли в освобождении.

Она закричала. Ее пальцы прошлись по диванным подушкам, когда она двинулась назад, поднимаясь и вновь начиная насаживаться на мой член. Ее оргазм вибрировал напротив меня, чрезмерно увлекаая. С еще одним жестким толчком я кончил в нее. Звезды взорвались, ибо она сжала мое естество, вбирая каждый выброс моего тела, вынуждая меня дрожать у своего тела. Я дернулся — один раз, второй, после чего улегся вместе с ней, укладывая руки на ее спину.

— Сара, — прошептал я.

Эмоция, родившаяся во мне,

была волнующей. Я приказал ей притворяться, и она так и поступила. Я приказал ей сказать, что она любит меня, и она так и поступила. Мне казалось, что все эти вещи, все это — ничего не значит. Но сейчас, держа в руках ее дрожащее тело под своим, я знал, что не мог вернуться. Я сотворил с ней что-то много худшее, чем с другими своими жертвами. Вместо того чтобы вытянуть из нее правду болью, я сделал это лживым удовольствием.

Глубоко внутри я почувствовал тревогу. Она притворялась? Во всем? Я не знал, и это убивало меня.

Ложная любовь — вообще не

любовь. Нет, все было еще хуже. Она была моей игрушкой, и я ее сломал.

Живот скрутило, когда я вышел из ее тела. Невероятная красота, но не моя. Я не мог определить, что было реальностью, а что фантазией. Ее любовь была фантазией. А страх — реальностью. Или же наоборот?

Мне необходимо было знать, но я не мог спросить у нее. Позволив своим руками оторваться от ее тела, я отшатнулся и открыл книжный шкаф.

— Риен? — она прислонилась к спинке дивана, повернув лицо, чтобы взглянуть на меня. Она была бледна, напугана.

Из-за того, что я с ней сделал?

— Мне жаль, — произнес я, отвернувшись. Я создал мечту, но не мог жить в ней вечно.

Сара

Риен выглядел так, словно увидел привидение. Он завозился со своими штанами, подтянув их к талии, пока шел обратно к операционной. Книжный шкаф принялся вращаться, закрываясь за ним.

Я не могла понять, что случилось. Мои руки задрожали на диванных подушках. Я соскользнула со спинки дивана на пол, кучей сваливаясь на нём. И обернула руки

вокруг ног, хотя мне было не холодно.

— Думай, Сара, — обратилась я к себе шепотом. — Думай. Не чувствуй. Только думай.

Риен замышлял меня убить. Мне пришлось принять это. А если он планировал меня убить, значит, все это было игрой. Он игрался со мной, прежде чем убить. Он был кошкой, играющей с мышью. Он использовал меня, ради развлечения, ради секса, прежде чем связать меня внизу и заняться другими видами развлечения.

Я покачала головой. Что-то в этой мысли показалось мне неправильным. Возможно, из-за

того, как он держал меня в своих руках, удивительно нежно целуя меня, но я никак не могла поверить в то, что он замышлял меня убить.

— Ну же, Сара, — сказала я, нахмурившись. — Конечно, это на него не походит. Он очень удачно тебе врал.

Вот и все. Все так и было. Он лгал мне.

Я с трудом сглотнула. Я не хотела думать о его руках, языке, губах на моем теле... о лжи. Потому что, равнозначно его притворству, реакции моего тела были настоящими. Все мои эмоции были правдой.

Даже те, которые я не могла признать.

Я стянула рубашку на своей груди. Большинство пуговиц были сорваны, но парочка все еще держалась. Я застегнула все, что сумела. Свои трусики нашла скинутыми возле дивана. Но они все равно были мокрыми. А у меня не было другой одежды.

Положив голову на колени, я попыталась успокоить себя. Моё сердце все еще колотилось из-за оргазма. Невыносимая мысль, но я хотела, чтобы Риен вернулся. Хотела, чтобы он вновь держал меня. Глупое, глупое чувство, но я хотела, чтобы он

заботился обо мне. Мне не хотелось думать о том, что он всего лишь притворялся. Мне не хотелось думать, что произошедшее только что было одной лишь сценой, участниками которой мы оба стали.

— Нет, Сара, — я покачала головой. — Нет-нет-нет.

Я слышала все истории о методе Станиславского. О том, как Дэниел Дэй Льюис играл роль сумасшедшего, и в итоге сам сошел с ума, проводя многие дни, лишив себя сна. Или же множество пар, которые играли друг с другом в фильмах. Их герои влюблялись, и они следовали их примеру в реальной жизни. Такое клише, но, тем не менее, правдивое.

И Дельсарт знал это. Он был одним из первых людей в театре, кто предположил, что эмоции следуют из выражений лиц. *«Если вы хмуритесь, — говорил он. — Вы начинаете сердиться. Если же улыбаетесь, то становитесь счастливым»*. Это было сотни лет назад, но даже сегодня вы можете наблюдать это повсюду.

Было такое психологическое исследование, заключавшееся в том, что люди смотрели шоу-комедии. Одна группа держала карандаш над губой так, что улыбнувшись, они были вынуждены обнажить зубы. Эта группа всегда находила шоу-комедии

забавнее, чем та группа, которая не была вынуждена улыбаться.

Другое исследование показало, что люди, которые разминали мышцы и позировали, как Супермен перед собеседованием, проходили его лучше, чем те люди, которые принимали робкие позы, вроде наклонов и зажима коленей.

Дельсарт, может, и не был актером по методу Станиславского, но кое-что в психологии он знал.

Я бросила взгляд вниз на свою позу. Мои руки, обернутые вокруг коленей, были самой, что ни на есть, не-Суперменской позой.

— Ладно, Сара, — произнесла я, подталкивая себя. И поднялась на

дрожащие ноги. — Давай превратимся в выжившую. Ладно? Ладно.

Расставив ноги, я сжала и разжала руки, как Мистер Америка. Хотя, я не чувствовала себя сильной. Скорее донельзя глупой.

Я попробовала себя в другой позе, уперев руки в бедра, выпятив грудь. Ладно. Лучше. Я почувствовала, как испуг утекает. Это и вправду может сработать. Спасибо тебе, Дельсарт. Я вытянула руки, изображая лицо монстра и рыча.

— Я монстр, — прорычала я, заставляя себя стать громаднее. — Я

сильная. Я выжившая. Я...

БУМ!

Шум исходил из-за книжного шкафа. Гэри? Или Риен? Я замерла на мгновение, не зная, что делать. Затем, сделав глубокий вдох, я прогнала все свои прочие страхи прочь. Что бы там ни было, я справлюсь. Шагнув к книжному шкафу, я вытащила «Человек в поисках смысла», не уверенная в том, что найду за дверью, когда она распахнётся.

Глава 20

Сара

Я вошла в операционную, шаря глазами из стороны в сторону. Риена нигде не было видно. Я услышала другую возню.

Звуки исходили из приемной.

Я подбежала к двери и, остановившись там, замерла в дверном проеме, не в силах поверить собственным глазам.

В руках Риена находился металлический стул. Он разбил им обе зеркальные стены в приемной. И стоял посреди комнаты с разбитым шаром у ног. Его лицо разными

ракурсами отражалось от тысячи разбитых стекол. Оно было бледным, как белая плитка в операционной.

— Сара? — вопрос вышел хриплым и неуверенным. Он оглядел беспорядок в комнате так, словно не был уверен в том, он ли это учинил. Его изображение отразилось в расколоте стекле.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Это слишком, — ответил он. Металлический стул шумно лязгнул о пол. Он махнул рукой на разбитые зеркала. — Все это. Слишком.

— Не понимаю, — произнесла я. Он взглянул на меня так, словно я

его перебила.

— Все фальшивое, все. Зеркала лгут. Они не рассказывают правды, — он говорил, будто безумец, бормоча и запуская обе руки в волосы.

— Не надо, Риен...

— Ты не понимаешь! Вот почему! — прикрикнул он. Затем его голос успокоился. — Это я, Сара. И мне жаль. Это я. Но все же позволь мне кое-что тебе сказать.

Я нервно шагнула вперед. Проникая за дверь, я не знала чего ждать, но явно не этого. Риен выглядел сердитым, но не на меня. Он, казалось, злился на зеркала и разбитые стекла. Взяв мои руки в

свои, он опустился на колени, потянув меня за собой. Я сидела на единственном чистом от осколков участке пола. Он держал обе мои руки, своими горячими ладонями к моим.

— Ты когда-нибудь слышала о бреде, названном синдромом Капгра?

— Кап... чего?

— Капгра. Не бери в голову имя. Ведь имена вообще ничего не значат. Ничего, верно?

— Верно, — ответила я неуверенно.

— Об этом расстройстве я узнал в медицинской школе, во время

элективного курса по
нейропсихологии. Оно заключается в
конфликте между рациональной и
эмоциональными частями твоего
мозга.

Наморщив лоб, я внимательно
слушала, хоть и не понимала, о чем
он говорит. Его глаза были
безумными, а сам он выглядел
расстроенным.

— Заблуждение наступает, когда
ты смотришь на другого знакомого
тебе человека. Если у тебя синдром
Капгра, ты сможешь узнать человека,
но глядя на него, тебе будет казаться,
что в нем что-то не так.
Почувствуешь, что он самозванец
или робот. Нет у этого человека тех

эмоций, которые были раньше. Ты узнаешь их снаружи, но внутри их больше нет, они исчезли. Не самостоятельно.

— Эта... эта штукавина... Реальная болезнь? — не могла я ему поверить.

— Одна женщина утверждала, что ее мужа заменили точной копией его тела прямо посреди ночи. Она не спала с ним, не впускала его в дом. Потому что не могла признать в нем того самого человека, коим он был прежде. А другой мужчина уверял, что все люди в мире — роботы, все, кроме него.

— Что с ними произошло?

Риен неожиданно рывком обхватил мою голову руками, и я ахнула. Он наклонился так, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

Пульс подпрыгнул. Он смотрел глубоко внутрь меня, а его гнев сменился печалью.

— Что произошло с нами, Сара? Мне кажется, что я знаю, но не уверен.

— Ты думаешь, что это он? Этот... этот синдром? — вот почему его лицо заволокло скорбью?

Я почувствовала его дыхание на своих губах, когда он ответил. Его запах был соленым, как океан, лишь

с намеком на одеколон. Моё сердце забарабанило.

— Не знаю. Возможно. Оно приходит вспышкой, не всегда. Иногда я вижу, как лгут люди. Экран перед ними, словно маска, которую только я могу видеть. А иногда возникает такое чувство, будто они не существуют — так много они притворяются. Может, все в этом мире на самом деле фальшивые.

Риен наклонил голову, наблюдая за мной сначала с одной стороны, затем с другой. Он всматривался в меня, будто стараясь что-то увидеть. Его пальцы схватили мои волосы.

— И я фальшивая? — сглотнула я. — Ты думаешь, что я фальшивая?

— Я не знаю, Сара. Не знаю, — его пальцы расслабились, и он медленно выдохнул. — Иногда мне кажется, что так и есть, а потом я смотрю на тебя снова, и вижу что-то такое уязвимое, что должно быть настоящим. Все когда-то притворяются. А те люди, которые думают, что не притворяются — самые настоящие лжецы.

Я провела секунду, раздумывая обо всей той лжи, произнесенной мною в прошлом году. Если бы мне пришлось исповедоваться, потребовались бы многие часы. Я не могла осуждать Риена.

— А что насчет тебя? —

спросила я.

— Меня?

Я выдохнула, прикусив губу.

— Ты лгал мне?

Он отпустил меня. Я качнулась назад на коленях, пытаюсь отдышаться. Его напряжение поглотило весь воздух в комнате.

— Может быть. Случается и такое, что глядя в зеркало, я оглядываюсь. Я не знаю, кем становлюсь.

— Хочешь сказать, что думаешь, будто ты — самозванец?

— Не знаю, — ответил он расстроено. Он повернулся в сторону зеркальной стены. Его лицо, отраженное в мириадах разбитых

кусочков, мелькнуло в стекле на полу. — Может, и я ненастоящий. Я смотрю на себя, но там никто не оглядывается. Бывает. Я привык жить с этим, но...

Он затих, а его глаза потускнели.

Я подумала кое о чем. И откашлялась, возвращая его к себе.

— Ранее ты спрашивал у меня, почему я захотела стать актрисой. А почему ты захотел это делать?

— Почему я захотел убивать? Что вынудило меня хотеть убивать людей? — он смотрел прямо на меня, произнося это.

— Да.

— Это началось... это началось,

когда у меня появился первый клиент из федеральной программы защиты свидетелей. Вейл пришел поговорить со мной перед операцией.

Вейл? Должно быть, мой взгляд, обращенный к нему, стал вопросительным, ибо он объяснил:

— Мой босс. Он — ниточка между правительством и людьми, делающими вместо них грязную работу. Если ты думаешь, что я плохой... ну, он занимается этим дольше меня. И он прислал мне того клиента. В то время я этого не знал, но он испытывал меня для этой работы. Он спросил у меня, смогу ли я сделать операцию преступнику и

держат рот на замке. Клиентом оказался парень из банды. Перед отъездом в Канаду ему было необходимо сделать множество пластических операций. Когда я впервые встретил его, он был ужасным человеком. Просто ужасным. Рассказывал обо всех преступлениях, которые совершал. Рассказал о том, как убил семью конкурента, его жену и детей. Один из них был совсем маленьким. А он смеялся, рассказывая мне, как легко ему все сошло с рук. Думаю, Вейл сказал ему, что при мне он может говорить свободно. Оглянувшись назад, полагаю, Вейл, вероятно,

намеренно подвел его к тому, чтобы он хвастался своими преступлениями, дабы вызвать у меня отвращение. А перед последней его операцией, Вейл приехал ко мне и предложил убить бандита. *«Покончи с ним»* — так он выразился. Он сказал, что если я не хочу этого делать, он мог заставить кого-нибудь другого. А после объяснил, что заплатит мне.

— Держу пари, он предложил тебе много денег.

Риен холодно рассмеялся.

— Конечно. Разве ты не видишь, где я живу? И открывающийся вид отсюда. Правительство США хорошо платит своим людям. Но я поступил

так не поэтому.

— Не поэтому?

— Я поступил так потому, что после разговора с ним я его возненавидел. Ненавидел то, что у него была возможность сбежать и начать все сначала. Я ненавидел этого парня, убийцу, который будет жить свободно и хорошо где-то там, в то время как хорошие люди на улицах голодают. Несправедливо. И неправильно. Я хотел это сделать, видишь? Я хотел убить его. И не просто убить. Я хотел пытать его, хотел заставить его заплатить.

Его глаза оживленно горели, пока он говорил. Радужка сияла, как

глаз тигра.

— Я не хотел останавливаться, убив его. Помню, я спросил у Вейла... — он умолк, уставившись в воздух. — Спросил у него издалека. Помню, как волновался, что он ответит «нет». Но он, конечно, хотел, чтобы я на него работал. С тех пор он сводил меня со всеми своими клиентами. И это было восхитительно. Я чувствовал, что это и есть мое предназначение. Главная забота человека не в том, чтобы получать удовольствие или избегать боли, а в том, чтобы увидеть в жизни свое предназначение. А это было мое предназначение.

Он закрыл глаза, глубоко

вдохнув. Я не знала, что ему сказать. Как и не знала, что он хотел бы от меня услышать. Здесь, сидя рядом с ним в комнате, полной битого стекла и зеркал, я потерялась в его сумятице. Так что вместо ответа, я обвила его своими руками. Обняла его — этого монстра, этого убийцу. Обняла его крепко, зная, что после он мог бы меня убить. Обняла, потому что знала, что никак по-другому помочь ему я не могла, а должна была, только Господь знает зачем. Поскольку было в нем что-то такое, что разожгло мое желание, которое я подавляла всю свою жизнь. Тем не менее, здесь не было никаких

причин сдерживаться.

Риен же был лучше меня, ибо знал, чего хочет. Его жизнь была настоящей, полной настоящих действий и настоящих последствий. А я потратила всю свою жизнь на притворство. Я завидовала ему странным, темным способом. И хотела узнать, каково это — иметь такую власть. Иметь такое предназначение.

Момент прошел, и он расслабился, вздрагивая.

— Что произошло после? — спросила я.

Он посмотрел на меня, склонив голову. Не понимая.

— Ты сказал, что нашел свое

предназначение, — я оглядела комнату: разбитые зеркала, осколки стекла. — Что произошло? Что здесь случилось?

— О, Сара, — произнес он. Его руки потянулись к моему лицу, поглаживая мои щеки. — Моя дорогая, моя дорогая.

У тысячи разных его отражений из глаз полились слезы, мерцая в тусклом свете. Обхватив мои щеки ладонями, он наклонился, прижимая свой лоб к моему в такой интимной позе, что на секунду я забыла кто мы такие. Его низкий голос был еле слышен:

— Ты случилась.

Риен

— Я?

Эта девушка была

восхитительна, одновременно
восхитительна и потеряна. Я видел
это в ее лице, в мелкой дрожи её рук.
Как она сюда попала? Я оглядел
приемную. Стены были в паутинках
трещин. Зеркала отражали наши
печальные лица. Раскиданные у
наших ног пластмассовые кусочки
напоминали о других моих жертвах.

— Ты ненастоящая, — сказал я.

— Ты красивая и восхитительная, но
ненастоящая. И теперь, когда я
попробовал тебя на вкус, я не знаю,
что делать.

— Я настоящая, — ответила она. Ее губа задрожала.

— Ты — актриса. И ты занимаешься этим. Притворяешься, и притворяешься восхитительно. Вот только ничего из произошедшего здесь не было настоящим.

— Нет, — воспротивилась она. Голос ее был более уверенным. — Нет, это не так.

— Нет? Ты бы сделала все это, если бы я тебя не попросил? Если бы убийца не попросил поцеловать его, ты бы это сделала?

— Я флиртовала с тобой до того, как узнала, что ты убийца, — заметила она неуверенно.

— А после того, как узнала? Ты хотела меня? Не только потому, что я так тебе сказал?

Она подняла свое лицо ко мне. Ее ресницы трепетали.

— Да, — спокойно ответила она.

— Жаль, что я тебе не верю.

— Почему? — нахмурилась она.

— Я же сказала тебе сейчас. У меня нет никаких причин лгать.

— Причины для лжи есть всегда, — произнес я, раздраженно махнув рукой. — Но это не ложь. Я знаю слишком много о Стокгольмском Синдроме прямиком из первых рук.

— Вот как ты думаешь?

— А нет? — мой голос стал

громче, когда волна гнева окатила меня. Я хотел ее. Я доверился ей. И мысль о том, что она — ненастоящая, делала меня совершенно безумным. Что сделало меня еще злее, когда она принялась это отрицать. — Не говори мне, что ты не играла.

— Как я могу это доказать? Как я могу сделать хоть что-то, доказав тебе, что не лгу? — она казалась столь же расстроенной, коим я ощущал и себя.

Я моргнул. Доказательство. Вейлу нужно было доказательство. Как и мне. У меня появилась идея. Возможно, безумная. Но это помогло бы сократить варианты. Джейк все

еще не набрал мне по поводу Сьюзен Стивхилл, а время поджимало. Я не был уверен в Саре, но, возможно, и не должен был.

— Иди сюда, — позвал я. Предложил свою руку, подтягивая ее с земли. Когда она поднялась, я понял, что на ней не было трусиков. Ей было необходимо что-нибудь на смену.

Да. Так было бы отлично. Просто отлично.

— Идем со мной, — произнес я, притягивая ее за руку. Я, может быть, и сумасшедший. Да и это могло не сработать. Но могло и сработать.

— Куда мы? — спросила она.

— На свидание, — ответил я.

Глава 21

Сара

Риен не поведал мне, чем собирался заняться. Свидание? Понятия не имею, что он имел в виду. В операционной, он вытащил марлевую повязку. Когда он повернулся с ней ко мне, я сглотнула.

— Не волнуйся, — сказал он. — Не собираюсь я вставлять тебе кляп.

— Тогда что...

— Развернись.

Я сдалась, и его руки натянули марлю мне на глаза. Его пальцы завязали узел на моем затылке. Все

стало белым и размытым.

— Пока я еще не доверяю тебе,
— прозвучал его голос рядом с ухом.
— Но, возможно, скоро начну.

Испуганный трепет завладел мной. Его рука надавила на мою поясницу, и я позволила ему себя вести. Мы выступили из библиотеки, и я слышала, как закрылся книжный шкаф. Слышала, как щелкнул металлический болт, скрипнула дубовая дверь. Пол под моими ногами был холодным.

— Мы идем в твои апартаменты? — осведомилась я.

— Я никого туда не пускал, — объяснил он.

— Ты водишь людей по дому с

завязанными глазами из-за ужасного беспорядка?

— Нет, — ответил он. — Я не хочу, чтобы ты увидела возможные выходы.

— Точно. Потому что ты пока еще мне не доверяешь.

— И потому что хочу кое-что для тебя сделать.

— Подожди, что?

Я споткнулась, и он поймал меня, поддерживая и направляя мягкой, но твердой рукой. Я почувствовала, как текстура пола под ногами изменилась — от деревянного покрытия до плитки. Рука вцепилась в его плечо, позволяя

ему меня вести.

— Кое-что для меня сделать?

— Сегодня я не причиню тебе боли, Сара.

— Хорошо, — на самом-то деле особого покоя в меня это не вселило. Не имело значения, причинит ли он мне боль сегодня, раз завтра он собирался меня убить. Но, полагаю, с этим, шаг за шагом, я справиться могла.

Мы прибыли в темную комнату, а когда он зажег свет, я сумела различить лишь белый туман. Следом я услышала, как полилась вода.

— Душ?

— Ты должна подготовиться к

нашему свиданию, — ответил Риен.

— Могу я снять повязку?

— Конечно, нет. Во всяком случае, пока.

Риен отпустил меня на мгновение. Я услышала звон и шелест ткани. Затем его руки оказались на моих плечах, стягивая разорванную рубашку. Я позволила ему снять с себя ее остатки. И осталась стоять там совершенно голая, лишь с марлевой повязкой на глазах. Соски, благодаря прохладному воздуху, напряглись почти мгновенно, и я скрестила руки на груди. Сердце зашло.

Не знаю, что заставило меня так

нервничать. Конечно, Риен видел меня обнаженной. И уже сделал для меня гораздо больше, чем собирался. Но все же я не могла не дрожать в тревожном ожидании, слепо стоя посреди его ванной комнаты. Может, все дело было в том, что я ни черта не видела. Сквозь белый хлопок, прикрывающий мои глаза, даже Риен был одной лишь движущейся тенью.

— Теперь иди, — произнес Риен. Его рука коснулась моей поясницы, и я подпрыгнула. — Все хорошо. Я тебя проведу.

Я почувствовала пар, исходящий из душа, и ступила в него. Нырнув под струи воды, я застонала от удовольствия. Боже, как же приятна

горячая вода. Прошло всего-то два дня с тех пор, как я принимала душ? Откинувшись назад, я позволила воде скользнуть по моим волосам.

— Предвижу осложнения в твоём плане, Риен, — призвала я.

— Какие?

— Как я буду мыть свои волосы шампунем с этой повязкой?

В ответ свет в ванной погас. Я изумленно моргнула за своей повязкой. Конечно, белый хлопок марли лишал меня зрения, но сейчас все потонуло во тьме. А это был совершенно другой вид слепоты.

— Сейчас ты можешь снять повязку, — произнес Риен. Его голос

доносился снаружи, и когда я стянула повязку, я услышала, как он вошел в ванную. Дверь закрылась с металлическим щелчком. Следом его рука коснулась моего живота, и я взвизгнула.

— Прости, — сказал он, и хотя было безумно темно, я могла предположить, что он мне улыбался. — Просто пытаюсь сориентироваться.

Его рука коснулась моего плеча, и я ощутила, как она прошла по моей спине. Душ был огромным, но не настолько, поэтому, когда он задвигался, его рука осталась на моем плече.

— Почему ты заставляешь меня

принимать душ в темноте, снова? — поинтересовалась я. — Потому что, на самом-то деле, тут нет никаких возможных путей побега, если не считать канализацию, но сбегать с ее помощью я не собираюсь.

— О, я просто люблю принимать душ в темноте, — объяснил Риен. И снова, я почувствовала его улыбку, хотя и не могла увидеть. — Я думал, тебе тоже понравится.

— Полагаю, нужно быть в состоянии видеть свое тело, чтобы понять, чистое оно или нет, — заметила я.

— Не волнуйся, — успокоил Риен. — Я сделаю так, что каждый

дуюм твоего тела будет чистым.

Его рука поглаживала мое плечо, и я ощутила, как кусок мыла скользнул по спине. Он потер им мою кожу. Верный своему слову, не оставил ни единого места нетронутым. Его рука на моём плече принялась разминать мои мышцы, массируя. Я вздохнула, когда почувствовала, как тает моя напряженность. Не вся, конечно. Он был убийцей, растирающим мои лопатки в душе, и я не могла об этом забыть. Но большая часть растаяла.

Другая его рука проехала с мылом по передней моей части. Я ахнула, когда его грудь прижалась к моей спине. Он скользнул мылом

вниз по моему животу, потом вверх между грудей. Я застонала, когда он потер их скользкими и горячими руками, лаская, поглаживая, обхватывая и сжимая. Его пальцы медленно скользнули вокруг моих сосков, слегка скручивая, пока я не начинала кричать, и отпуская. Я слышала его дыхание у своего уха, когда он продолжил их сжимать, в то время как его член напрягся у моей спины.

— Я... Думаю, девочки уже чистые, Риен.

— Ты не можешь быть уверена.

Это была шутка? Он шутил? Его настроение было настолько

переменчивым. Я не могла сказать, где было притворство, а где реальность.

Его рука скользнула вниз, между моих бедер. Скользким мылом он гладящими движениями водил вверх-вниз по тем местам, которых касалась лишь я одна. В темноте, я ощущала его руки, его грудь, его член.

— Откинь голову назад, — приказал он. Его рука очутилась на моем подбородке. Я разрешила ему завести себя под струю горячей воды, позволяя теплу окатить мои волосы. Следом подоспели его руки, и я ощутила, как он медленными кругообразными движениями стал

втирать шампунь в мои волосы. Его пальцы пробежались по коже головы, посылая вибрацию вниз по моей спине. Одной рукой он поддался вперед, обвивая мою шею. Я резко вдохнула, в то время как он держал мое горло так уверенно и спокойно, как и бывало прежде.

«Моя, — говорил он мне с помощью своей руки. — Ты моя».

Другая рука продолжала намыливать, пытая ласковым давлением. Дыхание пресеклось, когда его ногти отправили электрические импульсы в мою черепушку. Он держал мою голову в своих руках, словно был одним из тех

шарлатанов, изучающих френологию, действуя ударами кончиками пальцев по голове. Он распределял кондиционер по моим влажным волосам, медленно и терпеливо распутывая беспорядок. Все в нем было самым терпением. И ощущалось все так, словно в душе я оставалась навечно.

Темно, так темно. Я закрыла глаза, представляя его лицо. Его сверкающие золотыми пятнами глаза. Его острую челюсть и темную щетину, подчеркивающую подбородок. Мягкие черные пряди, спадающие на лоб. Его руки, скользящие по моей голове, горлу и лопаткам.

Он повернул меня к себе боком. Мои пальцы скользнули по его эрекции, и я услышала, как он резко вдохнул. Его реакция была невероятной. Но затем он наклонился, и его шепот породил трепет моего сердца:

— Дотронься до меня, — произнес он.

Я позволила своим пальцам, слегка поглаживая, пройти по длине его естества. В то время как я его касалась, руки Риена продолжали ласкать мои руки, спину и живот мылом. Его член подпрыгнул в моей руке, отчего я прикусила губу. Его желание воспламеняло мое, что

прежде ничему другому по силам не было. Тьма окутала нас, замыкаясь вокруг наших тел паром, теплой водой и свежим ароматом мыла.

Тогда его руки обернулась вокруг моей задницы. Я захныкала, когда его пальцы коснулись моей поясницы. Замерла, сжимая руку на основании его члена, когда его пальцы прошли по моим складочкам. Скользя, изучая.

— Риен...

— Это ново для тебя?

Это я и хотела сказать. Все это было для меня новым. Мои предыдущие отношения были скучными и однообразными. Разные актеры, ведущие себя в постели так,

как вели бы себя в любовной сцене с вращающимися камерами. Никогда ничего нового, никогда ничего настоящего. Секс, как они считали, засорял сценарий.

Но это... это было настоящим. Волнующе. Страшно. Его руки возбуждали, и я принялась двигать рукой вдоль его длины, желая вернуть ему то, что он дарил мне. Подтянув вплотную к себе, он все еще продолжал изучать меня своей рукой. В этой тьме я слышала, как стало ускоряться его сердцебиение.

Анус горел от ощущения его пальца кружащего по сморщенной плоти. Каждый нерв затрепетал,

когда он остановился у входика. Затем толкнулся внутрь, лишь чуть-чуть, и я задохнулась от шока. Звезды вспыхнули в черном воздухе душа, и я схватилась за его руку своей свободной, дабы удержаться от падения.

— Сара, — промычал он. Его палец толкнулся, затем исчез. Толкнулся, затем исчез. Я закричала. Ощущение были такие, каких я ранее никогда не чувствовала. Его палец испытывал меня необычными ощущениями, растягивая. Затрагивая нервы, не затрагиваемые никем. После он исчез полностью, и я заскулила, сжимая руку вокруг его члена.

Взяв мою руку в свою, он зажал ее между ладонями.

— Заканчивай мыться и иди в спальню, — произнес он, легонько поцеловав меня в лоб. Вода струилась между нашими телами. — Если тебе нужна бритва, там, в мыльнице, есть одна. А я пока пойду и кое-что подготовлю.

Дверь душевой открылась, и я почувствовала хлынувший прилив прохладного воздуха из ванной.

— Повязку на глаза? — поинтересовалась я. Мысли закружились. Он оставлял меня с бритвой. Означает ли это, что он мне доверяет?

— Нет, — ответил он. — Ты очень хорошо себя вела. Можешь оставить ее. Но не для прогулок тут.

— Спасибо тебе, — ответила я.

Покинув ванную, он тут же щелкнул переключателем, проливая тусклый свет. После полнейшей темноты это словно было даром самого солнца. Тень Риена прошла возле дверного проема, а потом он пропал из виду.

Я огляделась, принимая свое окружение. Душевая была отделана кремовой мраморной плиткой, и там, где он и сказал, лежала бритва. Он оставил полотенце висеть над стеклянной дверью душевой.

Распределив по ногам крем для бритья, я быстро побрилась.

Он доверял мне. Он доверял мне. Эта мысль бесновалась в моей головке, пока я заканчивала приводить себя в порядок. Живот скрутило в узел. Почему я так волнуюсь? Мне приходилось бывать на тысячах неудачных свиданиях до этого. Свидание с серийным убийцей... ну, и насколько все может быть плохо?

Ополоснувшись и выключив душ, я вытерлась. Выйдя из ванной, обнаружила лежащее на кровати платье. Вечернее платье без бретелек, зеленое с золотым бисером на талии. И рядом с ним лежала

записка.

«Надень его для меня. А потом жди здесь».

Подобрав платье, я удивилась, коснувшись шелковой ткани платья. Он, должно быть, получил мой размер благодаря тому платью, в котором я была, приехав сюда.

Два дня назад. Так это было. Два дня в этом месте, и я уже чувствовала себя другим человеком. Натянув платье через голову, я пригладила его на бедрах, подумав о том, что сделал для меня Риен. Глядя в зеркало, я пыталась увидеть себя такой, какой и выглядела сейчас. Я была самозванкой? Или сейчас я

была более настоящей? Сердце забилося быстрее, пока я расчесывала пальцами свои волосы. Я хотела, чтобы увидев меня, Риен подумал, что я красивая. Я хотела, чтобы он меня обнял, чтобы взял меня, чтобы...

— Что со мной происходит? — спросила я у своего отражения. Оно не ответило. Никто из нас не знал, реален ли мир, в котором мы живем.

Риен

Посвистывая, я слил соус из сковородки со стейком. Ночь разлетелась на кусочки, но я таки умудрился придумать идею, которая

должна была сработать. После последней проверки, мне придется решить.

Джейк все еще не связывался со мной, а Вейл ждал, пока я подготовлю для него к завтрашнему дню доказательства. Если я сумею довериться ей, то все пройдет хорошо. Если же нет...

Ну, об этом я думать не хотел.

Я расставил ужин в главной комнате перед камином. Правильно, камин. В каждом особняке Голливуда есть такой камин, словно все мы решили отвергнуть тот факт, что в Южной Калифорнии целый год жарко и душно. Разведя огонь, я растянул на столе скатерть. Никаких

свечей, лишь свечение, исходящее от камина. Идеально.

Когда я вернулся за ней, она сидела на кровати. Мне тут же захотелось швырнуть ее на спину и изнасиловать. Ее глаза заискрились зеленым цветом, прекрасно сочетающимся с платьем. Когда же я сказал ей, что она выглядит восхитительно, она покраснела. Все было до глупости идеально. Если бы, как задумывалось, мне не нужно было убивать ее следующей ночью, я бы даже расслабился.

— Ты приготовил для меня ужин? — спросила она. — Не думаю, что прежде мне кто-нибудь готовил

его.

— Твоя мама никогда не готовила тебе ужин?

— Она все время работала, — ответила Сара с непроницаемым лицом. Я хотел стянуть с нее эту маску и дать ей понять, что рядом со мной она может выказывать свою истинную сущность. И недостатки, и всё прочее.

Сопроводив ее в главную комнату, я вытащил для нее стул. Джентльмен — убийца. Налив в ее бокал вина, я чокнулся об него своим.

— За ваше здоровье, — провозгласил я.

— Очень смешно.

— Прости. Я не это имел в виду...

— Как ты можешь это делать?

— Прости? — я опустил на колени салфетку.

— Не понимаю, — продолжала она. — Как ты смог убить тех людей?

— Я говорил тебе, — ответил я, протыкая вилкой морковку. — Люди, которых я убиваю — и сами убийцы, или того хуже. Это и мое освобождение, и общества.

— И полиции все равно?

Я не сдержал усмешку.

— Федералы все замечают под коврик. Вейл слишком хорошо знаком со своим делом.

— Вейл?

— Мой босс. Смотри. Это моя работа. Вот и все. Вот что происходит на работе. Ты просто заткнись и делай то, что должно быть сделано.

— Делай то, что должно быть сделано?

— Они убийцы, Сара. Трусливые убийцы.

— Что ты подразумеваешь под «трусливые»?

— Вроде Мистера Стидхилла. Они убивают не напрямую. Не марают руки. Они боятся грязной работы.

— А ты нет.

— Так и есть, я просто делают свою работу.

— Но это туда не входит?

Она смотрела на меня через стол, с усмешкой во внимательном взгляде. Словно она не была бы мертва, не пощади я ее. Ее изумрудные глаза просверлили дыру во мне. Я хотел вновь ее поцеловать, глядя в глаза, пока доставлял бы ей удовольствие. И тогда, будто прочитав мой взгляд, ее ресницы дрогнули, опускаясь.

— Ты права, — ответил я темным голосом, выражающим все то, что я хотел сказать, но не мог. — Не входит.

Глава 22

Риен

— У тебя есть камин, — заметила Сара. — Это странно.

— Почему странно?

— Ты рассказал мне про свое детство. И про ту девушку.

— Ты думаешь, я должен бояться огня?

— Ну...

— Нет ничего, чего бы я боялся более, — произнес он. — Но страх — примитивная эмоция. Когда я боюсь — я не сплю. Ты не сможешь сбежать от того, чего боишься.

Прошла секунда. Огоньки

заплясали в ее глазах.

— Я хотела бы...

Она остановилась на полуслове, и я, потянувшись через маленький столик, взял ее за руку. Она взглянула на меня блестящими от слез глазами.

— Что же, — поторопил я.

— Я хотела бы, чтобы это не было тюрьмой. Хотела бы встретить тебя при других обстоятельствах.

— Встреть ты меня при других обстоятельствах, я бы не увидел тебя настоящую, разве нет?

— Нет. Нет, думаю, нет, — она опустила глаза. — Ты уже решил, что сделаешь со мной?

— Я над этим работаю.

Она слегка прикусила губу, и я захотел обнять ее, сказать, что все будет в порядке. Но, естественно, я не знал, будет ли все так.

— Сара, мне нужно кое-что у тебя спросить.

— Да?

Она подняла полный надежды взгляд.

— Ты разговаривала с Мистером Стидхиллом о его жене?

Огонь в ее глазах умер. Она глотнула еще вина, но я все еще различал на ее лице разочарование. А я ненавижу ее разочаровывать. Надеюсь, этой ночью мне больше не придется этого делать.

— Да, — ответила она.

— Ты с ней когда-нибудь встречалась?

— Нет.

— Не знаешь, где она?

— Сьюзен? Нет. Без понятия.

— Что еще он тебе о ней рассказал?

— Мы говорили только о том, какая она. Как она себя ведет. Чтобы я могла вести себя, как она.

— Он упоминал ее отъезд? Может быть, укрытие?

— Нет. Я даже не знала о том, что они состоят в программе защиты свидетелей, пока ты об этом не рассказал, — ответила Сара. Она

поерзала в кресле. — Он сказал мне, что они поссорились.

— Может, у нее был какой-то другой дом? Любимый отель?

Сара подняла на меня взгляд прищуренных глаз.

— Я не знаю, где Сьюзен Сидхилл, — повторила она решительно.

Я вздохнул. Откинувшись на спинку кресла, осушил остаток вина. В конце концов, меня злило отсутствие хоть каких-нибудь зацепок. Я не знал, что надеялся от нее услышать — правду или ложь. Если она лгала, значит, у меня все еще был шанс отыскать Сьюзен до завтрашнего приезда Вейла. А если

нет...

— Почему тебя это волнует?

Я стряхнул с себя задумчивость.

— Мне нужно предоставить им зубы.

— Зубы? — ее голос недоуменно повисился.

— В смысле, доказательство. Зубы, как доказательство. Я должен был ее убить. И мне нужно найти ее. Нужно ее убить. А этот ублюдок, лежащий на столе, говорит, что она в Бразилии.

— Так ты собираешься отправиться в Бразилию?

— Нет. Я не верю ему.

— Почему?

— Потому что, если бы она уехала в Бразилию, федералы сидели бы у нее на хвосте. Они не позволили бы тебе войти в мои двери. Они не знали, что ты — не она.

— Значит, она все еще в Лос-Анджелесе, — проговорила Сара, сузив глаза.

— Это мое предположение. Притворяется кем-то другим.

Она испустила глубокий вздох, а я облизнул свои губы. Если она лгала, значит, она чертовски хороша в этом. Но я должен был быть уверен.

Время пришло.

— Подожди здесь секундочку, — попросил я. После чего ушел в

другую комнату и вернулся обратно уже с десертом, который купил ранее.

— Кекс! — воскликнула она. — О, с малиной! Мой любимый!

— Я рад, — заметил я. — Он пропитан бренди из малинового отвара. Я сделал его отдельно.

— Вкуснятина, — восхитилась она, поднеся полную вилку к своим губам. — Спасибо тебе.

— Конечно. Я хотел, чтобы сегодняшний вечер был особенным.

Я наблюдал, как она его ела — кусочек за кусочком. Закончив, она тут же взялась за вино, делая глоток. Я поднялся и подкинул в огонь еще одно полено.

— Риен...

Я обернулся. Ее глаза потускнели.

— Действительно, сильному не нужно доказывать это всем подряд, — произнес я. — Это Чарльз Мэнсон. К сожалению, Сара, я не настолько сильный. И мне нужны доказательства.

— Что... что ты...

— Мне нужно доверять тебе. Совершенно. Полностью. И я знаю только один способ, как этого добиться.

— Риен, я не... не чувствую...

Она поднялась из-за стола, вытянув руку, чтобы удержаться

равновесие. И опрокинула бокал.

— Риен... — ее голос перерос в панику.

— Не волнуйся, мой маленький псих, — успокоил я, шагнув к ней. Она покачнулась и стала падать, но я уже был там, готовый поймать ее в свои объятия. — Не волнуйся.

Сара

Риен тут же подхватил меня, стоило моим ногам подогнуться. И поднял на руки. Я вспомнила, как он нес меня ранее. Нет. Он не мог.

— Я чувствую себя странно, — выдавила я толстым языком невнятное бормотание.

— Я кое-что тебе дал, — ответил Риен. Он нес меня обратно, обратно в спальню. Свет был тусклым, но я все еще могла видеть его лицо. Оно было бесстрастным, расслабленным.

— Нет...

— Особая доза. Надеюсь, было не слишком сладко.

Кекс. О, Боже.

— Ты опоил меня, — простонала я. И пыталась вырваться из его рук, пыталась сбежать. Неужели он действительно собирался меня убить, как и сказал Гэри? Почему я ему доверяла? Ударила его кулаком в грудь, но силы были уже на исходе. — Ты

опоил меня!

— Слава — наркотик. Отсюда — деньги. Отсюда — власть. Просто мои наркотики эффективнее, вот и все.

Он уложил меня на кровать и поправил платье. Он возвышался надо мной, любуясь, страх и ненависть перемешались вместе с желанием. Пьяно и неуверенно, я протянула руку, и он взял меня за нее. Кончики пальцев взволнованно загудели, но я не могла контролировать свои мышцы.

— Давай я включу музыку, — предложил он.

Он отошел от меня на минутку. Сверху полилась мягкая игра

классической гитары.

— Что это? — промычала я. —
Что... что за наркотик?

— Экстази, смешанный с моей
особой смесью барбитуратов и
немного быстродействующих
миорелаксантов. Он был в
малиновом отваре.

— Почему?

— Почему отвар? Я думал, ты не
любишь иглы. И сделал тебе
одолжение.

— Нет. Почему?

Я подняла глаза, пытаюсь
сфокусировать взгляд на его лице. На
золотых глазах. Хищных глазах.
Глазах, которые желали меня.

Глазах, в которые я могла бы смотреть вечно.

— Почему я тебя опоил? Так ты расскажешь мне правду, — ответил Риен просто.

Я вдохнула. Каждый вдох превращался в тяжелое испытание.

— Ты мне не доверяешь, — не знаю, был виной тому наркотик или нет, но это заставило меня чувствовать себя невероятно обманутой. Я думала, что все это — повязка на глаза, душ, ужин, — вело к его доверию ко мне. Но нет. Все это было шоу, уловкой, чтобы заманить меня в ловушку. Песня, играющая в стерео, была наполнена тоской и печалью. Я медленно

моргнула.

— Я никому не доверяю. Ничего личного, моя дорогая.

Он поднял мои руки над моей же головой. Я потянула их в его хватке, но он был силен, в то время как мои мышцы были как желе.

— Риен...

— Не принимай это за оскорбление, Сара. Я всего лишь хочу узнать, что ты знаешь. И, кажется, мне известно, как заставить тебя рассказать мне.

Он связал мои запястья. Я почувствовала веревки, перевитые на моей коже. Голова неуклюже завалилась, и я увидела свисающие

концы узла.

— Попробуйся выбраться, — бросил он. Я оттянула запястья друг от друга, но они не сдвинулись с места.

— Нет. Нет. Риен. Пожалуйста.

Он потянулся к нижней части кровати. Его рука сомкнулась на моей лодыжке, и я пнула его, ну, или попыталась. С теми же успехами я могла пинаться под водой. Каждая часть моего тела двигалась как во сне. Обвив еще одной веревкой лодыжку, он привязал и ее. Все мое внимание обратилось к давлению веревки на кожу. Он же привязал ее к спинке кровати, туго затянув. Когда обе мои ноги были затянуты и

разъединены, я слышала, как рвется платье. Я взвизгнула. Полностью связанная и уязвимая.

— Я не трону тебя, мой маленький прекрасный псих. Ты слишком прекрасна. Но если я узнаю, что ты мне врала, что ж, тогда мне, возможно, придется тебя убить.

Я захныкала. Чего он от меня хотел? Конечно, я лгала. Лгала о существовании Сьюзен. Но если ему нужно было узнать, где она, он тратил время впустую. Потолок над моей головой закрутился. Я не могла заставить собственные мышцы слушаться меня.

— Теперь мы начнем со Сьюзен.

Расскажи мне, что знаешь.

— Ничего! Я тебе все рассказала!

Он зашел за прикроватную тумбочку, на секунду исчезнув из моего поля зрения. Затем вернулся обратно. А я, увидев, что у него в руке, закричала.

— Нет! Риен, нет! Прошу тебя!
— скальпель блеснул серебром в приглушенном свете спальни. Крик вышел коротким, ибо его рука зажала мой рот. Вопли обжигали губы, но я не могла прорваться через его руку. Ослепительно белый ужас потряс меня.

— Ох, Сара, — промурлыкал он.
— Нет, нет, нет, Сара. У тебя

совершенно неправильная догадка.

Стон у его руки вышел приглушенным.

— Я сказал, что не причиню тебе вреда. Действие наркотиков продлится всего час.

Он смотрел на меня, а я не могла отвернуться. Рыдая под перевитой веревкой.

— Ох, Сара, Сара. Ты мне не доверяешь. Так, как же я могу довериться тебе, если сама мне не доверяешь?

Он наклонился, занеся скальпель. Я закрыла глаза. Даже с плотно сжатыми веками, я чувствовала, как вращался мир. Будет

ли больно? Почувствую ли я все?

Холод лезвия скользнул вверх по моей ноге, а рука Риена на рте ослабла. Боже, неужели он резал мой бок? Я упала в обморок. Последовала пауза. Я не могу этого принять.

— Пожалуйста, сделай это быстро, — прошептала я. — Просто сделай это быстро.

Его рука очутилась на моей щеке. Я открыла глаза, натываясь на его лицо, парящее надо мной со светящимся сочувствием в глазах.

— Сара, поверь мне. Я всего лишь хочу правду.

Я услышала, как скальпель рассек ткань, и он стянул с меня платье. Зеленое с золотым упорхнуло

на пол.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне правду.

Другой надрез. Исчезли трусики. Я захныкала, когда его рука со скальпелем поползла вверх, но он всего лишь отложил его на тумбочку.

— Ты сделаешь это для меня? Скажешь мне правду?

— Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала.

Он наклонился и поцеловал меня. Я отвернула лицо в сторону. А он, схватив мой подбородок своей рукой, пробежал большим пальцем по моим губам.

— Ты проделала хорошую

работу, притворяясь, дабы
удовлетворить сегодня мое
внимание, — заметил он.

Я не притворялась. Мой мозг
формировал слова, но губы не
отправляли их в воздух.

Затем его руки пробежались по
моему телу, отчего я содрогнулась
всем естеством.

— Для начала, думаю, мне стоит
убедиться, что ты находишься в
надлежащем для допроса состоянии.

Он развязал узелок галстука,
устраивая ткань прямо на моих
глазах. Я дернулась головой назад, и
он тут же быстро завязал его.

Я застонала. Эта повязка не была
похожа на хлопок. Она не

пропускала никакого света, и я ни черта не могла разглядеть.

— Не надо, — умоляла я.

— Наркотик усилит твои чувства, — промурлыкал он. Его голос прозвучал в моих ушах, эхом отдаваясь в черепе. — Но мне нужно на тебе сосредоточиться.

Его рот двинулся вниз, мягко покусывая шею, пощипывая кожу. Я стонала вновь и вновь, пока каждое его движение спиралью посылало по мне возбуждение. Язык лизнул, следом и его зубы сомкнулись на моем плече. Его руки были повсюду, поглаживая, сжимая. Это вскружило мне голову.

— Риен...

— Где Сьюзен Стидхилл?

— Не знаю.

— Неправильный ответ.

Он лизнул сосок легким давлением, заставляя его тут же отвердеть.

Его руки порхали по моей коже. Все что он проделывал, легко касаясь, было невероятно нежным. А благодаря препарату, который он мне дал, все ощущалось в сто раз интенсивнее. Включая слабое давление, выстраивающее мои нервы в высокочастотное напряжение. Это сводило с ума.

После его язык оказался на моем

входике. Он легко обвел круги вокруг моего опухшего бугорка. Больше, и больше, а затем...

Он исчез. Ничего. Ни рук, ни языка. Никаких его прикосновений ко мне. Я закричала, пронзительным криком, потряхивающим мое тело.

— Риен...

— Где она?

Я дико затрясла головой из стороны в сторону.

— Не знаю, — задохнулась я. — Пожалуйста, коснись меня. Прошу тебя, позволь мне кончить...

— Пока нет.

Ощутила, как он ослабил веревки на ногах. Узелки уступили тяге ног. Я сжала бедра вместе,

сомкнув их. Я могла заставить себя кончить, могла, знаю, что могла. Наркотик пробегает по моему организму, заводя адреналин на полную мощность. Агония усилилась, когда я сжала их еще плотнее... плотнее...

Его руки обхватили мои бедра и перевернули мое тело до того, как я успела закончить. Веревка на моих запястьях скрутилась у кожи. Я захныкала, а он сильно шлепнул меня.

— Ох!

Его пальцы дразнили меня и мой входик, лишь слегка входя, прежде чем ускользнуть. Я кричала, стонала.

А он вновь меня шлепал. Боль прострелила ногу, кожа горела от удара.

— Сьюзен. Где она?

— Нет, нет, — разум пропал, вышел из-под контроля. Я ни на чем не могла сосредоточиться, исключая ощущения от пальцев Риена. Он шлепал меня сильнее, снова и снова. Каждый раз, проделывая это, он скользил всё дальше, входя в меня, и я думала, что он собирался позволить мне кончить. Но потом он отстранялся и спускал мне шлепок, слепой болью заставляя меня еще больше страдать в агонии.

Я больше не была собой. Я была развалюхой, которую мог собрать

только он. А он был нужен мне. Тело мое болело из-за него. Я хотела, чтобы он подвел меня к краю, а затем и дальше, прыгая в пропасть вместе с ним во мне.

— Сьюзен.

— Я была Сьюзен. Я должна была быть Сьюзен! — Мои маски! Все они с меня спали. Я не знала, куда спрятаться.

— Где она сейчас?

— Не... не знаю, — я с трудом думала. Где же она?

Прикосновение его руки спиралью направило мое внимание к тому месту, где бедра переходили в задницу.

— Я не знаю, где она. О Боже, Риен, пожалуйста, я не знаю где она.

— Ты расскажешь другим людям обо мне?

— Что?

— Если я отпущу тебя.

Отпустит меня? Он думал о том, чтобы меня отпустить? Я ахнула. Мне было не по силам мыслить нормально, но эта мысль эхом прокатилась по моему организму.

— Отпустишь меня?

— А ты этого хочешь?

— Да.

— Ты отправишься в полицию, если я тебя отпущу?

— Я... не знаю, — я подумала о

Мистере Стивхилле. Он был козлом, конечно, но я не могла оставить его, чтобы он и дальше подвергался пыткам, а потом был убит. Но нет, Риен спрашивал не об этом. Риен. Мне придется сказать ему «нет». По-другому он меня не отпустит. Но я не могла заставить себя произнести и слова.

Одно слово, Сара: НЕТ.

Я не могу так поступить. Не могу ему солгать.

— Ты расскажешь им обо мне?

— Ты и Мистера Стивхилла отпустишь? — задала я вопрос. Возможно, если он это сделает, я могла бы ему сказать, что не отправилась бы в полицию.

— Нет.

— Ой, я не могу. Не могу. Риен...

— Ты расскажешь им обо мне?

Полиции?

— Да. Нет. Да. Да, — слова застряли в горле. Я не могла солгать. То, что он мне дал, превратило мой мозг в сумбур, где не было лжи, как бы я ни старалась за нее ухватиться.

— Мне жаль, Риен, — задохнулась я. — Мне жаль. Расскажу.

— Спасибо тебе, Сара, — его рот оказался на моем ухе. — Я тебе верю.

— Ты убьешь меня? — мои мысли смешались.

— Нет. Не убью, если найду Сьюзен.

— Прошу тебя, Риен...

— Сейчас ты хочешь меня остановить?

— Нет, — тяжело вздохнула. Он был мне нужен.

Его грудь у верхней части моей спины, была горячей. На этот раз, его член скользнул по моей заднице, и — ах! Боже! Кончик, поддавшись вперед, прижимаясь к входику, легко вошел.

— Я верю тебе, Сара. И сейчас все будет лишь для тебя.

Во рту пересохло.

Он вошел в меня одним резким

толчком. Я задохнулась, чувствуя, как внутри всё растягивалось, сжимаясь вокруг него. Он остановился, и я вздрогнула. Каждое подергивание мышц отправляло разные сигналы в мое тело. Через несколько секунд он вновь пошевелился.

— О-о-о, — охнула я.

Дюйм за дюймом, раскачиваясь назад и вперед, он вдавливался своим разбухшим членом глубоко в мою задницу.

Я кричала. Я умоляла.

Каждая секунда ощущалась как час. Он шлепал меня, щипал, сжимал. Мир исчез, когда он продвинулся глубже, все вокруг

превратилось в пустоту, и лишь мы с ним были в ней. Соски изнывали по мере нарастающего давления. Затем он вновь толкнулся, и я, вцепившись в простыни, закричала.

Рукой он потянулся ко мне спереди. Его пальцы дотронулись до моего живота, щекоча, отчего я взвизгнула и дернулась под веревками, но они меня удержали.

— Риен!

Он подсунул руку под низ, обхватив меня, и мой крик превратился в стон. Темно, как же это было темно.

Двумя пальцами он описал оба мои бока, пока его член

вколачивался всё глубже. Я взбрыкнула, надеясь, что он коснется меня там, но он лишь придавил, жестко шлепнув.

— Будь хорошей, — шепнул он мне.

— Хорошей... — простонала. Я хотела больше, мне нужно было больше. К тому же, я впала в шок, когда он, скрутив два пальца, сунул их в меня. Я дернулась назад.

Медленно и уверенно он качал рукой вперед-назад. Мелодия замедлилась, подстраиваясь под его ритм, и, казалось, будто он подводит нас обоих, меня и музыканта.

Я полностью потеряла себя в его тисках. Качаясь, постанывая,

двигаясь вместе с ним, его бедра прокатывались по моим, невероятно растягивая меня, затем очень медленно отстранялись, отчего ужасная агония трения вызвала дрожь. Снова и снова, он толкался, и, делая вдох, я могла поклясться, что весь кислород покинул воздух. В темноте, неспособная видеть, я вообразила себя дышащей в космическом безвоздушном вакууме.

Следом в мое тело вернулись крики, а вместе с ними всё нарастало и нарастало давление, в то время как агония превратила меня в невнятно бормочущего требовательного монстра. Пальцы Риена толкались

все быстрее и быстрее, вторгаясь в разное с его покачивающимся членом время. Я задохнулась, зажав между пальцами простыни. Запястья натянулись на веревках, а тело оказалось на пределе своих возможностей, боль переливалась прямо над наслаждением.

Сейчас. Я шептала это слово в уме, нуждаясь в том, чтобы после оно стало правдой.

Сейчас. Сейчас. Сейчас. Боли было слишком много. Он был нужен мне. Мне нужно было, чтобы Риен взял меня, отшвырнув на самую вершину трясущейся скалы.

— Сейчас, — вытянулась я. Риен глубоко вторгнувшись, наклонился к

моему уху.

— Сейчас?

— Да, да, о Боже, да. Сейчас, да, сейчас!

Ослепленная и связанная, я без конца извивалась. Тело разрушилось под моей ужасающей темной потребностью: нужде в нем. Член вколачивался глубже, а пальцы его, поддразнивая, подводили меня к краю здравомыслия. Я закричала, а с его обернутой вокруг моего горла рукой крик превратился в крик экстаза, заполняя комнату, когда я взорвалась в чистом удовольствии. Таком ярком и ошеломляющем, что, казалось, даже музыка умолкла на

секунду, такую бесконечную, бесконечно восхитительную секунду, в которой вся реальность исчезла, все было замечательно, и Риен был замечательным, а весь мир удивительным.

Крик прекратился, дрожь прокатилась по телу. Нервы, напрягшись, забарахлили. Руки Риена сомкнулись на мне, прижимая к себе. Его ладони обжигали восхитительно горячим. Я задохнулась, когда он, лаская, нежно привлек меня к себе. Его член все еще был твердым, пульсирующим, но он просто держал меня, не продвигаясь внутрь.

Сердце замедлилось, музыка

вернулась. Удар стал намного медленнее, чем был несколькими минутами ранее. Наркотики, должно быть, действовали на мою систему, и сейчас я мыслила заторможено. Я посмеялась над собой.

— Чего ты хочешь?

Я сонно моргнула. Голос Риена проник в мой фокус, словно имел форму в воздухе. Будто плывущие письма, излагающие его вопросы.

— Ничего.

Автоматический ответ. Я ничего не хочу. Никогда не хотела. Я ничем никому не обязана. Я поступала со своей семьей правильно, ничего не желая.

— Чего ты хочешь? Сара?

Сознание скользнуло вперед-назад между двумя мирами. В одном из них Риен касался меня, нежно нашептывая мне на ухо. Его поцелуи, порхая, смещались вниз по моему подбородку. Простыни были шелковые, как крылья голубей. Проигрывающаяся музыка напевала в воздухе, гитара целую вечность выводила долгие ноты, исполняя их только для меня.

А в другом мире мои руки были связаны над головой, а ноги раздельно натянуты и привязаны. Риен же сжимал мое тело, мучил рассудок, проникая в меня своим

толстым членом. Веревка на коже была грубой. В такт пульсу стучало в ушах.

И эти два мира слились в один.

— Да.

— Скажи мне, чего ты хочешь.

— Я хочу тебя. Только тебя. Я люблю тебя. Ох, Риен. Риен...

Он застонал. Его горячее семя вырывалось в незнакомые части меня. Я вздрогнула вместе с ним, когда он качнулся в последний раз, а тело мое туго сжало его, прежде чем он выскользнул. Каждая клеточка моего тела, казалось, трепетала от полного удовлетворения, пока он держал меня. Этот убийца, этот любовник, держал меня, не позволяя

уйти.

Глава 23

Риен

Было бы легче, если бы она солгала.

Признаю, частично я уповал на то, что убью ее. Но она оказалась предельно честной. Более того, она хотела... меня.

Распутав ее тело под собой, я только и мог, что лежать, обнимая ее, пока она дрожала у моей груди. Я разобрал ее, мою игрушку, на части и обнаружил правду, которую искал.

И сейчас мне пришлось с этим столкнуться.

Я взял в заложники невинную

девушку. Черт, я почти убил ее по незнанию. На меня накатывала слабость лишь при мысли об этом.

Автоматически, без размышлений, я руками развязал веревки, связующие ее с кроватью. Я снял с нее повязку. Она потянулась всеми своими кошачьими изгибами и чувственностью, потерла поврежденные от грубой связки запястья.

Я же был эмоционально опустошен и физически истощен. Ее тело скоро избавится от наркотиков, но я почувствовал себя так, словно мне и самому потребуются симуляторы, чтобы пройти через то, что ждало меня впереди. Если я

собирался ее отпустить, мне нужно было найти Сьюзен Стивхилл. И я предпочел бы отправиться сегодня же. Надо бы зайти к Джейку и узнать у него лично, есть ли какие-нибудь зацепки. Он ненавидел звонить по телефону, да и убеждал, будто правительство следит за каждым его шагом.

Я должен был ее найти. Должен был убить ее и Мистера Стивхилла. Тогда бы Вейл вышел из игры, а я смог бы все обдумать ясной головой. Я не убью Сару, если найду Сьюзен. Я бы и не отпустил ее, но, по крайней мере, мне не придется ее убивать.

Она зевнула, коснулась рукой моей спины, и я лег рядом, обнимая ее. Так невинно. Благодаря тому, как она на меня смотрела, я мог поклясться, что она и в самом деле меня любила. После всего, что было, даже после того как я дразнил ее и пытал ради правды. Чувство вины затопило мой мир.

— Я должен сказать тебе кое-что, Сара, — произнес я.

— Да?

— Я должен удерживать тебя здесь. Со мной.

Она сонно моргнула.

— Я и так здесь, с тобой.

— Знаю. И я хочу отпустить

тебя. В конце-то концов. Но сейчас не могу. Я должен найти Сьюзен Стидхилл, — я поднялся, натягивая свою одежду обратно.

— Сейчас?

— Да, — я застегивал пуговицы, двигаясь вверх по рубашке. Она наблюдала за мной, языком увлажнив свою нижнюю губу, когда я застегнул верхнюю пуговицу. Может, был другой выход. Может, мне и не нужно было ее отпускать.

— Ты сказала, что любишь меня, Сара.

Она покраснела. О, черт. Член вновь напрягся при взгляде на робкое выражение ее лица.

— Так, ты... ты хотела бы

остаться здесь, со мной?

— Ты о чем?

Взгляд в ее глазах: страх. Она меня боялась. И вполне оправдано. Я же не мог просить ее остаться в заточении на неопределенный срок.

— Не важно.

— Риен...

— Не бери в голову. Разберемся с этим позже.

— Ты хочешь, чтобы я здесь спала? — осведомилась она, нахмурившись.

— Поступай, как хочешь.

Она села, обернув простынь вокруг тела. Нагнувшись, ссутулилась, поднимая зеленое

платье.

— Я думаю... думаю, я буду спать в библиотеке, — она избегала моего взгляда. Иисус. Если она разок солгала, то это оно и было. Возможно, она любила секс; но как бы там ни было, ее чувства выветрились вместе с наркотиком из ее организма.

— Тебе нужна там моя помощь?
— поинтересовался я.

— Я в порядке.

— Дверь закроется за тобой автоматически.

— Ладно, — ответила она тихо. И поднялась, чтобы выйти. Я же на то, как она уходила, не смотрел.

В ванной комнате я плеснул

водой себе в лицо. Протерев глаза, уставился в зеркало. Кем был этот глазающий человек? Каким-то влюбленным идиотом. Дураком, который думал, будто сможет удержать реальную девушку в фальшивой тюрьме. Как я умудрился в нее так сильно влюбиться? Я вздохнул. Всего одна ошибка, и вся моя жизнь в опасности. Одна глупая, но прекрасная ошибка.

Сара

Я вернулась в библиотеку с обернутой вокруг плеч простынёю. Голова шла кругом. Я призналась Риену в любви. И все же, он бы меня

не отпустил. Не отпустит, пока...

Ему было нужно узнать, где находится Сьюзен Стивхилл. Ладно. У меня была идея. Не самая лучшая, но начало уже положено.

Я надела зеленое платье. Риен разрезал его по длине на талии, поэтому я стянула концы вместе. Так. Хотя у меня был и непрезентабельный вид, зато не абсолютно голый. Шелковая ткань заколыхалась у лодыжек.

Открыв книжный шкаф, я на цыпочках выбралась из комнаты. За окном в ночи мерцали огоньки Лос-Анджелеса.

Мистер Стивхилл спал на операционном столе. Сделав

глубокий вдох, я сняла с него кляп. Он взвизгнул, и я, сунув кляп обратно, приставила палец к своим губам. Он уставился на меня, затем кивнул. И я вновь вытащила кляп.

— Слушай, — прошептала я. — Кажется, я придумала, как нам выбраться отсюда.

— Придумала?

— Есть другой путь, выход, — произнесла я, продумывая каждую деталь, пока говорила. Если он мне поверит, то, возможно, поведает мне, как можно добраться до его жены.

— Развяжи меня, и мы сбежим.

— Не могу. Он — э м, — он подключил датчик тревоги к какому-

то твоему жизненно важному органу, и если ты попытаешься бежать, он сработает.

— Кого это волнует? Я хочу выбраться отсюда!

— В любом случае, дверь в библиотеку заблокирована.

— В библиотеку?

— Заткнись и позволь мне сказать! — прошипела я, пытаюсь заставить ситуацию казаться срочной. — Я не могу вернуться. Только у него есть ключ.

Мистер Сидхилл нахмурился, отчего струпья над его глазом дернулись. Платье на поясе разошлось, и я запахла его обратно.

— И что? Ты тоже не можешь сбежать? Почему ты вообще заморачиваешься...

— Подожди. Он разрешает мне спать в его спальне. И я смогу улизнуть ночью. Но не сумею вытащить тебя сразу, зато смогу вызвать полицию и вернуться за тобой.

— Хорошо.

— Для начала, — произнесла я, молясь Богу, чтобы он вступил в игру, — мне нужно знать, где твоя жена.

Он глядел на меня, и та его половина лица, которая все еще была подвижна, приобрела угрюмый вид.

— Я убил ее.

Риен

Глупый я. Глупая девчонка.

Я последовал за ней через минуту, дабы убедиться, что она не попытается бежать. С моей стороны было глупо отпускать ее свободно гулять по дому. Даже с оставшимся в организме барбитуратом она умудрилась солгать.

Было слышно, как за стеной она ходила кругами, дверь же была плотно закрыта. Я подумывал над тем, чтобы открыть дверь и вновь с ней поговорить, но совсем не знал, что ей сказать. Да больше и нечего

было говорить, разве нет?

Нет. Я должен был найти Сьюзен Стивилл.

В спальне я вынул сумку с медикаментами и удостоверился, что все нужное на месте. Предварительно я ввел в шприц успокоительное. Положил его в карман для легкого доступа. Еще раз проверил на наличие и работу сигнализацию. На тот случай, если она попытается сбежать. Все проверено. Отлично.

На выходе я отрубил свет и открыл парадную дверь. И от удивления уронил сумку на пол.

Передо мной стоял Вейл. Он поднял пистолет на уровень моего

лица.

— И куда же ты собрался?

Сара

Я недоверчиво глазела на Мистера Стидхилла. Голова закружилась.

— Ты... ты убил ее? — тошнота подкатила к горлу. Я чувствовала себя так, словно меня ударили под дых. Он был им. Мистер Стидхилл. Он был убийцей.

Меня омыло ощущение полнейшего предательства. Риен отпустил бы меня, но я чувствовала себя ужасно, думая о том, что Мистер Стидхилл умрет, а я не

сделаю ничего ради его спасения. Хотя, сейчас... он убил ее. Ни о чем другом я думать не могла.

— Она спала со всеми подряд за моей спиной. А когда я столкнулся с ней, она ответила мне тем, что по приезду в Бразилию мы разойдемся. Она пойдет своим путем, а я своим.

Я сглотнула, стараясь казаться не слишком потрясенной. Мой мозг был на скорости сто миль в минуту. Мне было необходимо скрыть от него все свои чувства, иначе он не станет со мной говорить. Убийца. Убийца. Я могла думать только об этом. Он убивал и лгал, при том лгал и об убийстве. Он был убийцей.

— В таком случае, ты не хотел,

чтобы она поехала с тобой в Бразилию?

— Издеваешься? Она глупая шлюха. Она заслужила смерть.

Я проглотила отвращение. Он убил Сьюзен. Возможно, он и меня бы убил, прежде чем сбежать в Бразилию. Убил бы? Я была единственной, кто о нем знал. Глядя в его плотоядные глаза, я могла поклясться, что он прочел мои мысли.

Я заглушила все свои мысли. Мне нужно было узнать только об одном.

— Где тело?

— Что?

— Тело твоей жены, где оно?

— Почему ты хочешь узнать об этом? — он подозрительно покосился на меня одним глазом.

— Ну, смотри, это место — изолировано. Даже если я сбегу и расскажу все полиции, они заявятся сюда и начнут расспрашивать Риена, а он им солжет. Что даст ему достаточно времени на то, чтобы убить тебя и сбежать, прежде чем они получат орден на обыск.

— Думаешь, они тебе не поверят?

— Полиция? Я ведь могу быть какой-нибудь ненормальной из Лос-Анджелеса, придумывающей всякие

истории, дабы привлечь к себе внимание. Но если я покажу им тело, они приедут сюда с пушками наперевес. Что даст нам, по крайней мере, больше шансов.

— Но, тогда... — закашлялся Мистер Стивхилл. — Они узнают, что я убил Сьюзен.

— Я скажу им, что это сделал доктор. А раз у них будут веские доказательства, они смогут выбить дверь и спасти тебя. Ну же! Это наш единственный шанс!

Я надеялась, что он поверит в эту историю. Выждав короткую паузу, он кивнул. Облегчение затопило мой организм.

— Ладно, — ответил Мистер

Стидхилл. — Ладно. Я...

Дверь библиотеки распахнулась. Я схватила ближайший скальпель с медицинского столика, готовая защищаться. Готовая на все. Ну, или я так думала.

Глава 24

Риен

— Вейл, ты должен прекратить так появляться, — я уставился мимо него. Вокруг никого не было.

— Ты достал зубы?

— Я достану их для тебя. Завтра.

— Сейчас.

— Ты говорил завтра.

— Так я говорил до этого. Сейчас же я говорю — сегодня. Куда ты направлялся, Риен?

— Парень не может просто выйти ночью?

— Взяв с собой сумку с медикаментами и сунув в карман

шприц? — его глаза метнулись к низу моей рубашки. — Вытащи.

Я вынул шприц и медленно опустил его на землю.

— Вейл...

— Я не хочу больше лжи. Возвращайся внутрь.

Я развернулся и пошел обратно в дом. Он закрыл за собой дверь.

— От тебя исходили плохие флюиды, когда мы в последний раз с тобой разговаривали, — произнес Вейл, обведя взглядом дом. — Поэтому я решил приехать чуть раньше и убедиться, что ты никуда не поедешь. Повезло мне, да?

— Я принесу тебе зубы, Вейл. Завтра.

— Видишь ли, я хочу их сейчас.

— Я не могу.

— Почему же?

Я вздохнул. Не мог же я врать ему вечно.

— Все дело в девчонке.

— Девчонке? — Вейл снял пистолет с предохранителя.

— Не Миссис Стидхилл. Сюда приехал подставной человек.

— Записи с камер наблюдения показали...

— Она была актрисой. Притворялась Миссис Стидхилл

— Хорошо, — Вейл, казалось, пытался привести всю эту кашу в голове в порядок. — Ладно. Значит

слухи, в итоге, оказались правдивыми. Сьюзен где-то там, может, умерла, а, может, и нет. Где она?

— Вот кого я собственно и собирался искать, — объяснил я, надеясь, что он меня отпустит. Даст немного времени, чтобы выяснить, как это разрешить. Даже если лучшим выходом окажется совсем убраться из Лос-Анджелеса.

— Где девчонка?

— Она ничего не знает. Она невиновна.

— Ты еще не убил ее?

Я бросил на него плоский взгляд.

— Я не настолько больной

ублюдок, Вейл.

— Точно. Ты такой сострадательный. Знаешь, что это значит?

— Знаю.

— Что же там за девушка, которую ты не можешь убить. Покажи мне.

— Она заперта в библиотеке, ясно? Она ничего не знает.

— Покажи мне.

Сара

Я ахнула, когда Риен ворвался в комнату. А за ним был человек, удерживающий пистолет возле его ГОЛОВЫ.

— Ну, здорово. Теперь она видела и тебя, — обратился Риен к мужчине. — Теперь ты счастлив?

— Эта та девчонка?

— Р и е н ? — позвала я, и скальпель затрясся в моей руке.

— Все хорошо, — ответил Риен. Затем обернулся к мужчине, который все еще держал наготове у его головы пистолет. — Это та самая девушка, про которую я тебе говорил. Сара.

— Не похоже, что она ничего не знает, — заметил мужчина, которого звали Вейл. — На самом деле, выглядит все так, словно она знает предостаточно. Похоже, она стоит над мертвым телом.

Мистер Сидхилл застонал, и мужчина с ужасом взглянул на операционный стол

— Ты серьезно? — спросил он.
— Этот парень все еще жив?

Я же не могла оторвать взгляда от пистолета, направленного прямо в голову Риена. Мне хотелось закричать, рвануть и спасти его. А он выглядел таким спокойным, словно вообще не волновался о дуле у своего черепа. Но я боялась за него.

— Помогите мне, — проскрежетал Мистер Сидхилл.

— Они оба живы? — Вейл повернулся к Риену, грубо пихнув его пушкой в висок. Голова Риена

накренилась, а мой мозг стал пустым. — Ты, бл*дь, издеваешься надо мной? Я убью тебя, клянусь Богом, я это сделаю. Они оба...

— Миссис Стидхилл мертва, — быстро произнесла я. Сердце забарабанило в ушах. Он не мог убить Риена. Нет.

— Не говори им! Зачем ты рассказала ему? — крик Мистера Стидхилла эхом отдался от стен операционной комнаты. Я ощутила, как паника поднялась в горле. — Сука! Ты тупая...

Я сунула ему в рот кляп свободной рукой. Другую руку, держащую скальпель, все еще трясло, и я не могла это подавить. Я до

смерти боялась, что Вейл спустит курок. Я до смерти боялась, что не смогу защититься.

— Он убил ее, — сказала я. — Не Риен. Мистер Стивдхилл. Он убил свою жену.

— О, просто прекрасно, — ответил Вейл. — Хорошо, что я появился сюда, чтобы получить ответы на свои вопросы. Я знал, что с тобой происходит что-то не то, Риен.

— Пожалуйста, — выдавила я, шагнув вперед. — Не стреляйте в него.

— Ты что, чертова полиция? Нет. Я — чертова полиция, — Вейл,

вынув второй пистолет из пиджака, направил его на меня. — И только посмотрите на это. Сейчас я расправляюсь с вами обоими, тупые ублюдки.

— Вейл...

Неужели страх вспыхнул в глазах Риена? Меня душила паника.

— Заткнись, Риен! — рявкнул Вейл, ударив его по затылку дулом пистолета. Треск ствола о его череп эхом отдался от стен комнаты. Риен поморщился от боли, и я вскрикнула.

— Не надо! Не убивай его!

— Заткнитесь, вы оба! — заорал Вейл.

— Почему? — задохнулась.

— Почему?

— Почему... почему ты это делаешь? — горло пересохло, но я не могла просто так стоять здесь и умирать.

— Просто позволь этому произойти, милая, — произнес Вейл. Его голос был тихим, но почему-то от этого становилось еще хуже. — Это... — он махнул пистолетом в сторону стола, — это гребанный беспорядок. Здесь у нас находится специальное отделение по убийству людей, которое не может выполнить свою чертову работу, хоть и любит это дело больше всего.

Он вновь нанес удар по затылку Риена, у которого вниз по щеке стала

стекать кровь. Я хотела наброситься на Вейла. Хотя я и только-только с ним встретилась, мне уже хотелось ему врезать. Нагнувшись, он закричал в ухо Риену:

— Я, как предполагалось, не должен был знать об этом, но я знаю. Потому что я тот, кто подкидывает тебе задания. Вот только ты не выполнил свою гребаную работу!

— Вейл... — начал было он, но Вейл снял с предохранителя пистолет, направленный на меня, отчего Риен заткнулся. Он выглядел так, будто был более напуган тем, что Вейл будет стрелять в меня, чем всем остальным.

— Мне жаль, Риен. Ты был

хорошим. И с тобой было приятно работать. Но мне нужно избавиться от этого бардака. У меня тут наполовину выпотрошенный участник федеральной программы защиты свидетелей, который только что признался, что убил собственную жену, ту, тела чьей все еще не хватает.

Я резко вздохнула. Он же говорил мне об этом. Говорил. Я ломала голову, обдумывая, что могла бы сделать, чтобы остановить Вейла.

— А теперь мы еще и заполучили гражданское лицо, которое выболтает всю эту херню Ролинг Стоун, чтобы увидеть свое

имя на его страницах.

— Нет! — зарыдала я.

— Неужели? Ты же актриса. Еще и находишься в самой гуще одного убийства. Ты получишь х*рову тучу внимания к своей персоне, если распространишь это дерьмо повсюду. И что же, ты просто выберешься отсюда и будешь молчать? Я не хочу тебя убивать, дорогая, но здесь у нас не слишком много вариантов. Мне вправду жаль. Если бы был другой выход, я бы им воспользовался.

— Поверь мне, я не...

— Откуда мне знать, что я могу тебе доверять? А? Убеди меня.

— Я...

— У тебя есть пять секунд,

чтобы меня убедить. Или же я устрою здесь зачистку, начиная с хорошего доктора.

И как он мог мне довериться? Я не могла позволить ему убить Риена. Не могла позволить ему убить меня. Я взглянула на Риена, глубоко дыша, и увидела ужас в его глазах. Затем опустила взгляд на Мистера Стидхилла, который все еще был напряжен под ремнями. И поняла, что мне нужно было сделать.

Шагнув вперед, я вжала скальпель в шею Мистера Стидхилла. И проследила линию, которую нарисовал для меня Риен.

Глава 25

Риен

Я разинул рот, в то время как из шеи Мистера Сtidхилла струилась кровь.

— Какого хрена, — задохнулся рядом со мной Вейл. С изумлением на лице, он опустил пистолет.

Сара отступила назад, перед ее платья уже пропитался кровью. Скальпель со стуком упал на пол.

— Сара...

Я бросился к ней. Она оступилась, схватившись за мои руки, и я подхватил ее. Кровь собиралась в лужу на полу, а глаза

Мистера Стидхилла усталились в пустоту. Он умер. Сара накренилась, хватая ртом воздух. Я поддерживал ее за талию. Наконец, передернув плечами, она, пошатываясь, поднялась. И посмотрела на Вейла.

— Я. Никому. Не. Расскажу.

— Иисус, — произнес Вейл, затаив дыхание. — Иисус.

Сара сглотнула, ее глаза стремительно вернулись к крови, все еще капающей со стола.

— Вот, — обратился я к Вейлу. — Ты доволен?

— Что насчет Сьюзен Стидхилл?

— Думаю... думаю, ее тело находится под пирсом Санта-Моники, — ответила Сара. Она

говорила тихо, но в тишине ее голос разнесся по комнате.

— Он так сказал?

— Нет, но, когда мы впервые встретились, он говорил, что туда они направлялись перед их последней ссорой. Я ни о чем не думаю, но... но... — ее зубы застучали, а тело вновь задрожало. Она не могла перестать глазеть на мертвое тело.

— Все хорошо, — уговаривал я, притянув ее ближе к себе. — Все хорошо. Сейчас все закончилось, — я поднял взгляд на Вейла. — Правильно?

Вейл облизнул губу, взглянув

сперва на тело, а потом и на меня.

— Конечно. Да. Правильно.

Я отвернул Сару от операционного стола. Отвел ее в приемную, подальше от Мистера Стидхилла. Она молча опустилась в кресло.

— Оставайся здесь, — сказал я.
— Я скоро вернусь.

Бледное лицо обратилось ко мне. Вся сила, казалось, оставила ее. Руки свободно свисали по бокам.

— С тобой все будет хорошо, — произнес я. — Я всего на минутку.

Оставив ее сидеть там, я вновь вернулся в операционную. Вейл, взяв щипцы, быстро выдернул коренной зуб изо рта Мистера Стидхилла.

Затем поместил окровавленный зуб в мешочек с застежкой и убрал его подальше в карман.

— Спасибо за подтверждение, — проговорил он. — В следующий раз сделай все это немного чище, ладно?

— Ага. Мы здесь закончили? — спросил я.

— Несомненно, — ответил он. Я повел его из операционной к двери.

— Не могу поверить, что она его убила, — сообщил Вейл, поежившись. — Просто провела лезвием и...

— А я в это поверить могу, — прервал я. — Ты ее вынудил.

Гражданское лицо. Она думала, что умрет.

— Да, ну, как ты и сказал, сейчас все закончилось.

— Не сказал, если бы ты не захотел, — начал я. — Ты и в самом деле убил бы ее?

— Невиновную девушку? Ты же меня знаешь, Риен. Я падок на милые мордашки.

— Конечно, — поддержал я. Не знаю, поверил ли я ему. Так же, как я был хорош в разборе выражений лиц, Вейл был хорош в сокрытии своих мыслей.

— Хотя, тебя я убил бы точно, — произнес он. — Не лги мне снова.

— Не отправляй мне подставные

лица, и я не буду тебе лгать.

— Хорошо. Да. Как только найдется другое тело, я дам тебе знать, — сообщил Вейл.

— Мне все равно. Просто сообщи мне, когда для меня появится другой клиент. Если мы все еще сотрудничаем.

— Мы все еще сотрудничаем. Риен?

— Да?

Вейл покачал головой, сунув пистолет в пиджак.

— Ты хреново разбираешься в женщинах.

— Поверь мне, — бросил я. — Я удивлен так же, как и ты.

Сара

Я ошарашенно сидела в приемной. Здесь, в соседней комнате находился труп. Я убила его. Я убила Мистера Стидхилла. Желчь поднялась в горле, и я отвернула лицо от двери.

— Сара?

Я испуганно подскочила, но в дверном проеме стоял всего лишь Риен.

— Дашь мне секунду? — спросил он. — Я приберусь, ладно?

Я молча кивнула. Он затворил дверь. Я слышала, как он по кругу двигал предметы. Означал ли этот звук, что он что-то делает с телом? Я

задалась вопросом, как он собирался от него избавляться.

Весь мой организм все еще пребывал в шоке. Я ничего не чувствовала. В ушах шумело. Я устояла на свои ноги. Разбитые осколки стеклянного глобуса были аккуратно сметены в кучку посреди пола, вместе с маленькими пластмассовыми кусочками. Он пока еще не выбросил ни одного.

Прошла минута. Затем дверь вновь открылась. Руки Риена были чистыми, но на его рубашке была кровь, образуя темное пятно у сердца.

— Теперь все хорошо, — заговорил он.

— У тебя кровь на рубашке, — я указала на его грудь.

Он сразу же расстегнул ее и, отвернувшись, вернулся обратно в другую комнату. Я услышала, как включился кран. А вернувшись, он уже был одет в новую рубашку, свежую и чистую.

— Лучше? — поинтересовался он.

Я кивнула. Он подошел ко мне и обнял за плечи, словно я была осколком хрупкого стекла. Вопреки себе, я оперлась на него.

— Хочешь, чтобы я отвез тебя домой? — спросил он.

— Я... не знаю.

— Хочешь остаться?

Я открыла рот, но не сумела ответить.

— Ты не должна уезжать, Сара,
— произнес Риен.

— Просто... мне не с кем поговорить об этом, — сказала я, и голос застрял в горле. Кожа горела. За пределами этого места мне не с кем было поговорить. Моя мать ничего обо мне не знала. Как и моя сестра. Я хранила свою жизнь в тайне от них. Сдерживала свое истинное «я» так долго, что теперь не было никого, с кем я могла бы это разделить.

— Ты можешь оставаться здесь

так долго, как сама того хочешь.

Оставаться? Оставаться? О чем я думала? Но каждая частичка меня стремилась остаться здесь, с ним. В этот момент он утешал. Знатная опасность. И, да простят меня небеса, он смотрел на меня так, словно хотел, чтобы я осталась.

— Я чувствую, будто схожу с ума, — сказала я. — Я схожу с ума?

— Нет, не сходишь. Первый раз... это тяжело.

Я заплакала, икая и всхлипывая. Риен протянул мне платочек и крепко обнял, пока я рыдала в белый хлопковый квадратик.

— Все хорошо, — успокаивал он. Его рука поглаживала мою спину

и — уф! — я захотела растаять в его теплой сильной ладони. Полностью растаять. Образ крови заполнил мой разум, и я попыталась его перебороть. Там было столько крови. Прижав платок к лицу, я плакала и плакала, опираясь на него.

— Я это сделала, — простонала я.

— Все хорошо.

— Сделала. Я убила его.

— Он должен был умереть. И умер бы в любом случае.

— Но...

— Я не могу сказать тебе не чувствовать себя плохо из-за этого. Ты все равно будешь чувствовать

себя так, как сама того хочешь. Его убила именно ты.

Убила его. Убила его. Убила его.
— Послушай меня, Сара.

Я вернула себе внимание. Глаза Риена испытующе остановились на моих.

— Что ты видишь? —
поинтересовалась я.

— Не уверен.

— Теперь я убийца. Ты видишь, что я изменилась?

Он грустно покачал головой.

— Ты сделала то, что должна была, Сара.

— Я не могу... не могу... — я захлебнулась рыданиями. Мое тело напротив его разрушалось, а он

держал меня так крепко, что то, что я падала, не имело никакого значения.

— Что? — прошептал он. Его руки вокруг моих плеч были теплыми, а грудь широкой и крепкой. Я прижалась к нему, позволяя слезам падать. Пальцы слепо обвились вокруг него, и он поцеловал мои влажные костяшки. Щеки же мои были горячими и влажными, и я с трудом выдавила из себя эти слова:

— Я не могу... смотреть, как ты умираешь.

Риен

Она осталась поговорить. Я

подкинул еще одно полено в огонь, и мы сели вместе на ковер перед пламенем. Она плакала. Я обнимал ее. Когда пламя догорело, ее веки затрепетали, опускаясь.

— Не могу уснуть, — произнесла она.

— Потому что ты не в кровати?

— Нет. Я чувствую себя так, будто если усну, случится что-то страшное. А когда проснусь, все начнется по новой, — она опустила взгляд на свою правую руку, которой убила Мистера Стидхилла. Пальцы были согнуты.

— Я не позволю ничему с тобой случиться.

— Знаю, — ответила она. — Я

все еще переживаю. Не мог бы ты...

— Да?

— Не мог бы ты вколоть мне снотворное?

Я приподнял брови.

— Я думал, ты боишься игл.

— Боялась. Но больше не буду.

— Нет?

— Может, и буду, но иногда ты должен делать то, что должен.

— Правда? — спросил я, сжимая ее руку.

— Ага, — прошептала она. — Правда. Я просто хочу, чтобы это ушло, Риен. Всего лишь на какое-то время.

— Тогда позволь мне отнести

тебя в кровать, и там я введу тебе какой-нибудь лошадиный транквилизатор, который прогонит все твои плохие сны.

— Хорошо, — ответила она. Когда я поднял ее на руки, она зевнула, а ее веки опустились. Голова опустилась на мою грудь, рука сжала мой бицепс. И к тому времени, как я устроил ее голову на подушке, она уже крепко спала.

Сара

На следующий день я проснулась в пустой постели. Риен исчез. Я блуждала по дому, но его нигде не было. Подойдя к парадной двери, я

попробовала ручку.

Разблокирована.

Дверь распахнулась, являя мне яркость Лос-Анджелесского солнца. Был слышен шум далекой автострады.

Я закрыла дверь.

Риен нашел меня сидящей в приемной, собирающей воедино его скульптуру. Я избавилась от стекла, и теперь пыталась собрать иллюстрацию по кусочкам. Без шара, удерживающего их вместе, было трудно понять, как это работало.

— Вот, — произнес он, вручая мне тюбик с суперклеем. — Давай, я помогу.

Мы молча работали бок о бок.

Маленькие кусочки строились один за другим, и с помощью клея нам таки удалось переделать шар без стекла вокруг него. Риен уложил сверху последний кусочек, удерживая пока клей не подсох.

— Не совсем идеально, — заметила я, качнувшись на пятки, чтобы рассмотреть скульптуру. Сломанные кусочки создавали такое впечатление, будто верхняя часть иллюстрации собиралась разлететься в разные направления.

— Нет?

— Она больше не похожа на ловушку.

— Это же прекрасно, —

произнес Риен, сжав мою руку. —
Даже лучше, чем идеально, любовь
моя.

— Не называй меня так.

— Любовь моя? А как же мне
тебя называть?

Я молча покачала головой.

— Как еще, если не «моя
любовь», «моя дорогая», «моя
прекрасная»?"

Слезы навернулись на глаза. Он
не это имел в виду. Он не мог.

— Риен, не надо...

— Т ы — мое все. Моя
неописуемая боль и моя вечная
радость. Моя страсть и мой страх.
Мой ангел. Моя радость. Мой
маленький псих.

— Риен...

— Ты моя, вся моя, до последней частички, независимо от того, когда ты решишь уехать.

Я повернулась к нему. Из моих глаз хлынули слезы. Он наклонился и поцеловал меня, спрашивая разрешения своими мягкими губами.

— Любовь моя, — начал Риен.
— Ты хочешь уйти?

— Нет, — ответила я честно.

— Тогда останься, — произнес он, и вновь меня поцеловал.

Эпилог

Сара

Прошло целых три недели с тех пор, как я отказалась ехать домой. По ночам мне все еще снились плохие сны. Когда я пинаясь и кричала, Риен, не обращая на это внимания, обвивал вокруг меня свои руки, пока все не проходило. Когда же во сне кричал он, я была той, кто его успокаивал.

Он спросил у меня, хочу ли я уйти, в тот день, когда я убила Гэри Стидхилла. Как спрашивал меня и каждое утро после. И каждое утро я отвечала одно и то же: «нет».

Почему?

Там, в Голливуде, я была фальшивкой. У меня были ненастоящие друзья и амбиции. Здесь же, однако, все это отпадало. Только находясь рядом с ним, я была настоящей.

Его губы вытягивали из моего тела настоящее удовольствие. Его пальцы ласкали мои изгибы, и я, без сомнения, знала, что он хочет меня, как и я хочу его. А его рот вынуждал меня кричать.

Он держал меня под контролем, рукой, обернутой вокруг моего горла. Он связывал меня всякий раз, как сам того хотел, и поддразнивал до

тех пор, пока я не начинала просить его взять меня. Он заставлял меня кричать до хрипоты в горле, до боли из-за освобождения в теле, и тогда он швырял меня к самому краю пропасти, следуя за мной.

Если я когда-нибудь захочу уйти, я знаю, что он позволит мне. Но прямо сейчас я еще не решила, чего именно хочу. По-настоящему, действительно хочу. И, возможно, то чего я хочу — вовсе не Голливудский финал. Несовершенный, потому что ничего совершенного на самом деле нет, а я больше не хотела быть фальшивкой.

Это не принц и его принцесса, и не «долго и счастливо». Это два

человека, которым было нечего терять и выигрывать. Держась друг за друга изо всех сил, они переплетались содрогающимися во тьме телами.

И, может быть, я всегда хотела именно этого.

Конец.

Перевод историй Гейба и Вейла будет вестись в нашей группе
http://vk.com/fashionable_library!!!

Заметки

[←1]

Sommeliers — коллекция бокалов
Riedel для вин высшей категории.
(прим. переводчика

[←2]

Двухдолларовый Чак — вино Фред Франзия, получившее название «Двухдолларовый Чак», благодаря своей цене 1 доллар 99 центов. (прим. переводчика)

[←3]

MGM — американская медиакомпания, специализирующаяся на производстве и прокате кино— и видеопродукции.
(прим. переводчика)

[←4]

Claustrum — Ограда, или кла́уструм — тонкая (толщиной около 2 мм) нерегулярная пластинка, состоящая из серого вещества и расположенная под корой больших полушарий головного мозга в глубине белого вещества. Есть мнение, что такие образования присутствуют в головном мозге всех млекопитающих. (прим. переводчика)